

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

3/2022

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2022**Выходит 4 раза в год****№ 3**

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,

Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021 г.)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2022

It is published 4 times a year

№ 3

Founded in 2001

by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

- Assoc. Prof. **Vasily Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board:

- Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of Sc. (History),
Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

Subscription index
in the “Press of RF” catalogue
41533

Редакционный совет:

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарев** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный университет
- А. В. Репников** Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьев** Костромской государственный университет

Editorial Council:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Repnikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Абидулин А. М., Кутлай Э. Б.* Османская музыка в XVIII — начале XX столетия: на пути модернизации музыкальной культуры 9

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Савчук Р. А.* Отношение к религии украинской позднесоветской атеистической интеллигенции второй половины 1980-х гг. (по материалам журнала «Человек и мир») 34

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Мазарчук Д. В.* Итальянские войны 1494—1559 гг. в лекционном курсе Т. Н. Грановского 53
- Ткачев В. В.* Интерес М. Д. Бутина к развитию социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX в. 73
- Хавкин Б. Л.* «Теневой канцлер» антигитлеровской оппозиции Карл Фридрих Гёрделер и Россия 93
- Вязинкин А. Ю.* Ричард Хофстедтер о феномене американского популизма 113

ДЕБЮТ

- Гаврилюк М. Н.* Изобразительное искусство и органы власти Крымской АССР во второй половине 1930-х гг. Управление по делам искусств при Совете народных комиссаров Крымской АССР **130**
- Мартынов А. Ф.* Мировая и отечественная культура. Памятники истории и культуры. Сравнительный анализ национальных законодательных актов России и Италии в сфере сохранения недвижимого культурного наследия ... **155**

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Комиссаров В. В.* «Плоды учености»: народные университеты России. *Рец. на кн.: Фандо Р. А. Народные университеты Российской империи: от популяризации к организации науки. М.: Янус-К, 2020, 344 с.* **183**
- Информация для авторов* **193**

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Abidulin A. M., Kutlay E.* Ottoman music in the XVIII —
early XX century: towards the modernization
of musical culture 9

INTELLIGENCE, RELIGION, CHURCH

- Savchuk R. A.* Attitude to religion of the Ukrainian late soviet
atheistic intelligentsia of the second half of the 1980s (based
on the materials of the magazine “Human and the world”) 34

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Mazarchuk D. V.* Italian wars of 1494—1559 in lecture course
by T. N. Granovsky 53
- Tkachev V. V.* M. D. Butin’s interest in the development
of socio-cultural ties among the artistic intelligentsia of Baikal
Siberia in the second half of the XIX — early XX century 73
- Khavkin B. L.* The “Shadow Chancellor” of the Anti-Hitler
Opposition Karl Friedrich Goerdeler and Russia 93
- Vyazinkin A. Yu.* Richard Hofstadter about the phenomenon
of American populism 113

DEBUT

- Gavrilyuk M. N.*** Fine arts and authorities of the Crimean ASSR in the second half of the 1930s. Department of arts under the Council of people's commissars of the Crimean ASSR **130**
- Martynov A. F.*** World and domestic culture. Monuments of history and culture. Comparative analysis of national legislative acts of Russia and Italy in the sphere of preservation of immovable cultural heritage **155**

READING AND DISCUSSION

- Komissarov V. V.*** "Benefits of scholarship": people's universities in Russia. *Review on the book: Fando R. A. (2020), People's universities of the Russian Empire: from popularization to the organization of science, Moscow, Janus-K, 344 p.* **183**
- Information for authors* **193**

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 9—33.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 3. P. 9—33.

Научная статья

УДК 78(091)(560)

DOI: 10.46725/IW.2022.3.1

ОСМАНСКАЯ МУЗЫКА В XVIII — НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ: НА ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Алим Маратович Абидулин^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, abidulin@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3322-0240>

² Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Эврен Бильге Кутлай

Университет Болу Абант Иззет Байсал, Болу, Турция,
evrenkutlay@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7164-4282>

Аннотация. Статья посвящена трансформации традиционной восточной музыкальной культуры в Османской империи. Встречное движение и взаимопроникновение восточной и европейской культур полностью изменили османскую музыку. С одной стороны, османская музыка частично потеряла свойственные ей восточные традиции,

с другой — оставшийся восточный колорит заиграл более яркими нотами в новых музыкальных произведениях. Все эти изменения были бы невозможны без участия европейских и восточных интеллектуалов новой формации. Именно они начали процесс формирования османской западной музыки. При этом восточные интеллектуалы, отказавшись от восточного традиционализма в музыкальной культуре, одновременно бережно относились к истории музыкальной культуры своего общества. Кажется, удивительным, но султаны не только не препятствовали восточным деятелям музыкального искусства в их практиках адаптации европейской музыкальной культуры для формирования новой османской музыки, но и зачастую сами становились популяризаторами европейской музыкальной культуры. При этом мы не можем говорить о том, что османская западная музыка успела полностью сформироваться, но то, что она дала в начале XX в. мощный импульс развитию музыкальной культуры в Турецкой Республике, можем утверждать однозначно. Одновременно с этим можно отметить, что без интереса западных и российских деятелей музыкального искусства к восточным музыкальным традициям не было бы знакомства с восточной музыкальной культурой в Европе и России. Именно поэтому музыкальные произведения, основанные на взаимопроникновении музыкальных культур, являются частью общемирового культурного наследия.

Ключевые слова: Османская империя, османская западная музыка, Имперский оркестр, Селим III, Мехмед IV, Амбарцум Лимонджян, Абдул-Меджид I, Абдул-Азиз I, Мурад V, Абдул-Хамид II, османская интеллигенция

Для цитирования: *Абидулин А. М., Кутлай Э. Б.* Османская музыка в XVIII — начале XX столетия: на пути модернизации музыкальной культуры // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 9—33.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00374 выполнялся на базе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

OTTOMAN MUSIC IN THE XVIII — EARLY XX CENTURY: TOWARDS THE MODERNIZATION OF MUSICAL CULTURE

Alim M. Abidulin^{1,2}

¹ National Research Nizhny Novgorod State University named after Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia, abidulin@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3322-0240>

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Evren B. Kutlay

Bolu Abant İzzet Baysal University, Bolu, Turkey, evrenkutlay@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7164-4282>

Abstract. The article is devoted to the transformation of traditional oriental musical culture in the Ottoman Empire. The counter movement and the interpenetration of Eastern and European cultures completely changed Ottoman music. On the one hand, Ottoman music has partially lost its oriental traditions, on the other hand, the remaining oriental flavor began to play with brighter notes in new musical works. All these changes would have been impossible without the participation of European and Eastern intellectuals of the new formation. It was they who began the process of shaping Ottoman Western music. At the same time, oriental intellectuals, having abandoned oriental traditionalism in musical culture, carefully treated the history of the musical culture of their society. It seems surprising, but oriental figures of musical art in their practices not only did not see an obvious obstacle on the part of the sultans in the adaptation of European musical culture to the formation of new Ottoman music, but, and, often, the sultans themselves became popularizers of European musical culture. At the same time, we cannot say that Ottoman Western music managed to fully form, but we can definitely state that it gave a powerful impetus to the development of musical culture in the Republic of Turkey at the beginning of the XX century. At the same time, it can be noted that without the interest of Western and Russian musical figures in Eastern musical traditions, there would be no acquaintance with the Eastern musical culture in Europe and Russia. That is why musical

works based on the interpenetration of musical cultures are part of the global cultural heritage.

Keywords: Ottoman Empire, Ottoman Western Music, Imperial Orchestra, Selim III, Mehmed IV, Hampartsoum Limondjian, Abdulmejid I, Abdulaziz I, Murad V, Abdul Hamid II, Ottoman intelligentsia

For citation: *Abidulin, A. M. and Kutlay, E. (2022) 'Ottoman music in the XVIII — early XX century: towards the modernization of musical culture', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 9—33 (in Russ.).*

Acknowledgements: the research was completed under the RSCF grant no. № 20-18-00374 performed on the basis of National Research Nizhny Novgorod State University named after Lobachevsky.

Введение

Актуальность. Музыка в Османской империи всегда считалась важной частью общественной жизни государства. Традиции османской музыки передавались из поколения в поколение как во дворце султана, так и за его пределами. Османская музыка традиционно состояла из двух основных направлений, таких как «Религиозная музыка» и «Османская военная музыка». «Османская военная музыка», наиболее подверженная трансформациям, изменялась с процессом модернизации, начатым в XVIII в. И эта новая музыка стала частью общественной, военной, политической и дипломатической жизни империи.

Постановка вопроса. Развитие национальной музыкальной культуры имеет несколько этапов. В изучаемый период развитие османской музыки находилось под влиянием ведущих музыкальных школ европейских стран: итальянской, французской и немецкой. Для формирования новой музыкальной культуры требовались как преподавательские кадры, так и музыкальные инструменты, ранее не производившиеся в Османской империи. Примерно в начале XIX в. в Османской империи появляется творческая и театральная интеллигенция, в числе которой были представители разных народов империи. Именно этим выдающимся интеллектуалам удалось сформировать новую музыкальную культуру Османской империи,

а уже в XX столетии их творчество стояло у истоков национальной музыкальной культуры новых государств, возникших на обломках Османской империи. Несмотря на модернизационные процессы, османская музыкальная культура сохранила свою самобытность и преемственность традициям. Особый интерес для исследователей представляет изучение вовлеченности правящей династии в развитие музыкальной культуры. Многие султаны владели виртуозной игрой на музыкальных инструментах, а некоторые из них были авторами музыкальных произведений.

Источниковедческий обзор. В качестве источниковой базы исследования нами были выбраны фонды основной коллекции Османских архивов (Başbakanlık Osmanlı Arşivleri), находящейся в Центральном государственном архиве (Devlet Arşivleri) в Стамбуле.

Методология и методы исследования

Методология и методы исследования состоят в анализе модернизационных процессов в Османской империи, направленных на создание имперской музыкальной культуры. Музыка являлась частью как иконографии власти, так и частью государственной идеологии империи. В этой связи интересен инструментарий влияния модернизационных процессов в Османской империи на музыкальную культуру, участие государственных институтов и представителей власти в процессе формирования новой музыкальной культуры.

Изучение формирования новой музыкальной культуры предполагает анализ эволюции османской музыкальной культуры XVIII — начала XX в., изучение позиции официальных властей в отношении формировавшейся имперской музыкальной культуры, исследование популяризации османской музыкальной культуры.

Методологической базой являются труды турецких исследователей истории музыкальной культуры Османской империи. В отечественной историографии отсутствуют специальные исследования по истории османской музыки. Исключением являются исследование В. А. Седых, описывающее процессы становления теории турецкой музыки [Седых, 2011: 205—209]; А. С. Аврутиной, посвященное изучению различных элементов

османской культуры [Аврутина, 2013: 42—48]; А. С. Рыженкова, разделяющего турецкую музыку на «высокую музыку», «народную музыку» и «популярную музыку» [Рыженков, 2021: 145—155]. Отдельно следует упомянуть работы М. Ю. Горбуновой, изучающей типологизацию и классификацию музыкальных инструментов и художественный синкретизм в турецкой традиционной культуре на примере турецкого военно-этнического оркестра Мехтер [Горбунова, 2016: 27—32; Она же, 2017: 279—287]; Л. В. Кириллиной, объектом исследования которой стали произведения Моцарта с ориентальными или турецкими сюжетами, связанными с «янычарской» музыкой его времени [Кириллина, 2011: 5—25].

Методология исследования выстроена на основе синтеза формационного и цивилизационного подходов. В этом смысле можно отметить, что сама категория «османская западная музыка» является результатом такого синтеза. В основе разработки данной проблематики принцип историзма, включающий поиск междисциплинарных подходов к изучаемому материалу.

Основная часть

Вторая половина XVIII в. и начало процессов модернизации в Османской империи

До XVI в. Османская империя, имея значительное военное превосходство над возможными противниками и жесткую централизацию власти, постоянно расширяла территорию, в то время как Европа сталкивалась с политическими и военными проблемами. В XVII и XVIII вв. европейские государства усиливают свою политическую и военную мощь, что позволяет начать активное противостояние Османской империи. Высокая Порта, понимая отставание османского государства от противников в ключевых вопросах военного, политического и технического превосходства, задумалась над необходимостью модернизации государства. Эти тенденции, направленные на модернизацию и индустриализацию государства, а также рост национального самосознания, начали активно проявляться в Османской империи со второй половины XVIII в. и вступили в активную фазу к началу XIX в.

Обращая внимание на процессы модернизации и индустриализации в европейских странах, позволившие Европе получить техническое и военное превосходство, можно отметить, что с этого момента османы сразу начали проигрывать в войнах, несмотря на значительное численное превосходство и жесточайшую дисциплину в армии, находившейся в походе. Мы не будем выделять в отдельную проблему ставшие к этому времени частыми восстания янычар, поскольку они происходили внутри государства и мало влияли на боеспособность армии, так как при наличии военного кризиса янычары могли быстро консолидироваться перед лицом общего внешнего врага. Фактически, разложение янычарского корпуса было следствием быстро растущего военного и технического превосходства Европы. Участие в военных сражениях теперь могло привести и приводило к серьезным поражениям османской армии. Потерять армию, пускай и не столь боеспособную, как раньше, грозило потерей государственного суверенитета империи. Поэтому, чтобы сохранить янычарский корпус, его фактически изолировали в Константинополе. Не имея доходов от участия в войнах, то есть своих традиционных доходов, янычарский корпус был вынужден заниматься поиском альтернативных источников дохода. Высокая Порта, понимая превосходство европейских военных технологий, пусть и медленно, но все же начала модернизацию армии. Другими словами, Высокая Порта начала понимать, что причина ослабления османского государства кроется в военно-технической отсталости армии, в результате чего последняя превратилась в недисциплинированную и мятежную военную организацию.

Таким образом, понимание военного превосходства Европы над Османской империей явилось причиной начала процесса модернизации в османском государстве.

Как оказалось, семена османской модернизации попали на благодатную почву, а начало процесса модернизации связано с султаном Селимом III. Он объявил в 1794 г. серию военно-административных реформ в Османской империи, направленных на модернизацию вооруженных сил с целью успешного противостояния европейским странам. Эти реформы получили название Низам-и-джедид (новый порядок). У султана во время его правления было две основные проблемы: сохранение империи

и организация нового порядка на новых основах власти [Karal, 1988: 13]. Благодаря реформам Низам-и-джедид, введенным в действие для управления процессами инновации во всех областях общественной и государственной жизни империи и, в первую очередь, в военной сфере, получили импульс ряд европейских практик, в том числе и в сфере музыки. Почему? Султан Селим III сам был композитором. В дополнение к классической османской музыке и османской религиозной музыке он внес свой вклад и в формирование османской западной музыки и османской военной музыки. В результате нововведений, сделанных в армии, военные музыканты начали проходить обучение европейской музыке под руководством европейских инструкторов. Первыми преподавателями открытого при Махмуде II Имперского музыкального училища «Muzika-ı Hümâûî» стали горнист Вайбелим Ахмет-ага и трубач Ахмет-уста, которые начали изучать европейскую музыку еще в ходе реформ султана Селима III, играя в духовом оркестре [Kutlay, 2017a: 126]. Опять же, как мы увидим ниже, эти музыканты также будут составлять ранние примеры гимнов в формах западной османской музыки.

В процессе реализации реформ Низам-и-джедид возник поиск инноваций в традиции передачи османской музыки. В османском музыкальном образовании, как и в османской культуре, преобладала традиция устной передачи знаний из поколения в поколение. Это была модель, именованная «Meşk» и основанная на подражании ученика учителю или, другими словами, мастеру. В этой модели существовал основанный на повторении и силе памяти принцип воспроизведения услышанного от учителя произведения или его части. До конца XVIII в. система «Meşk» была практически единственной системой передачи музыки. Несколько образцов произведений были записаны нотами Дмитрием Кантемиром (1673—1723), сыном господаря Молдавского княжества Константина Кантемира во время его пребывания в Стамбуле (1688—1691 гг.) в качестве заложника. Дмитрий Кантемир учился в школе Эндерун, где его учителями музыки были Ахмет, преподававший игру на кемане, и Али Уфки-бей, преподававший игру на сантуре. Али Уфки-бей (Войцех Бобовский, в некоторых источниках Альберт, иногда Боб или Али-бей Терджиман (1610? — 1675)), поляк по происхождению, в возрасте

18 лет был захвачен во Львове крымскими татарами и доставлен в Стамбул. Получивший классическое образование, знавший несколько иностранных языков и известный в истории как баштерджюман (драгоман) Османской империи во время правления султана Мехмеда IV на заре своей карьеры Али Уфки-бей преподавал музыку в дворцовой школе. Особый интерес для Дмитрия Кантемира представлял тамбур, виртуозной игрой на котором он привлекал внимание гостей во время своего второго пребывания в Стамбуле в 1693—1710 гг. Дмитрий Кантемир привнес новации в технику игры на тамбуре, записал нотами произведения для этого инструмента.

На Западе музыкальное образование и воспроизведение музыкальных произведений основаны на традиции музыкальной нотации. Поиск «системы записи», способной создать новую музыкальную традицию музыкального образования и воспроизведения музыки, у османов возник как элемент модернизации музыкальной культуры в рамках реформ Низам-и-джедид. Султан Селим III первым поддержал систему музыкальной нотации Абдулбаки Насира Деде, разработанную на основе консонантного письма *абджада*. В 1807 г. итогом этой работы стало произведение Абдулбаки Насира Деде под названием «Tahrîriye», в котором он представил свою форму музыкальной нотации. С помощью этой системы он записал музыкальную импровизацию султана «Sultan'ın Sûz-i Dilârâ Mevlevî». Однако, возможно, из-за сходства системы нотных обозначений, которую он разработал с *абджадом*, она не была новаторской и оригинальной. Поэтому эта система не стала настолько популярной, чтобы создать традицию для записи музыкальных произведений.

С другой стороны, стоит отметить османского композитора и теоретика, армянина по происхождению, жившего в этот же период (1768—1839), Амбарцума Лимонджяна, который также занимался разработкой системы музыкальной нотации. Султан Селим III оказал поддержку Амбарцуму Лимонджяну, как и Абдулбаки Насиру Деде. Но на практике система нотации, разработанная Амбарцумом Лимонджяном, оказалась более удобной и была принята и использована османами для соответствия европейской системе фиксации музыки. В Турции эта система известна как «нотопись Лимонджяна». Сочетая в изучении музыки

богатую музыкальную культуру христианства и ислама, Амбарцум Лимонджян изучал музыкальные традиции как в армянской церкви, так и в обители дервишей Мевлеви. Как композитор он был знатоком не только османской, но и европейской музыкальной теории. Свою систему музыкальной нотации он сформировал на основе *хазов* [Taşdelen, 2014: 5—6] — особых знаков нотописания в Армении, известных с VII века. *Хазы*, в свою очередь, представляли собой разновидность *невм*. Невменная нотация, основой которой является *невма*, имела значительное распространение в Европе в средневековье и раннее новое время еще с эпохи Каролингского Возрождения для записи церковной монодической музыки — григорианского хора. Невмы нашли свое применение в Византии, на Руси (*знаменное пение*) и в Армении (*хазы*). Таким образом, система обозначений, разработанная Амбарцумом Лимонджяном, представляет результат модернизации османской музыкальной культуры. Эта система следует специфичной для европейской культуры традиции записи ноты и является результатом синтеза восточной и западной музыкальных традиций.

В османской музыке и театральном искусстве различные элементы модернизационного движения, начатого в период правления султана Селима III, можно проследить по информации из путевых заметок европейских путешественников. В первой половине XIX в. появляются театры, похожие на европейские. Европейские путешественники описывают спектакли и постановки в этих театрах. Например, французский журналист, редактор журнала «Revue Nationale» Максим Дюкан, совершивший путешествие на Восток в 1849—1851 гг., упоминает о существовании деревянного театра в Бейоглу-Пера, который работал три месяца в году. Также известно, что европейские оперные артисты, театральные актеры, клоуны и иллюзионисты выступали по приглашению султана во временных театрах, установленных во дворце [Kutlay, 2017b: 96].

Реформы Низам-и-джедид, направленные на модернизацию государства, в результате низложения султана Селима III не были полностью реализованы. Тем не менее, когда мы оцениваем музыкальную культуру в целом и такие новаторские идеи, как создание военного духового оркестра по европейскому образцу,

разработку системы музыкальной нотации, создание мест для театрализованных постановок, мы можем отметить, что к началу правления султана Махмуда II была сформирована основа для дальнейших реформ в сфере музыкальной культуры и искусства.

Первая половина XIX в.

Султан Махмуд II 17 июня 1826 г. разогнал янычарский корпус, вместо которого была создана новая «Победоносная армия Мухаммеда» (*Asakir-i Mansure-i Muhammediye*). Через год военное музыкальное училище янычарского корпуса было закрыто и вместо него было открыто Имперское музыкальное училище, в котором началось преподавание музыки по европейскому образцу. С этого периода начинает свое формирование европейское направление в османской музыке. Имперское музыкальное училище занималось не только подготовкой кадров для военного оркестра, на протяжении столетия фактически оно было имперским музыкальным учреждением, в котором изучали и преподавали все направления европейской османской музыки. При этом в военных соединениях по разным данным до 1836 г. или до 1840 г. существовали янычарские военные оркестры, называемые *мехтер*, а барабан и зурна были основными инструментами достаточно долго [Araci, 2014: 60].

Как мы указали выше, первыми преподавателями этого училища были горнист Вайбелим Ахмет-ага и трубач Ахмет-уста. Через некоторое время стало понятно, что музыкальных познаний Ахмет-аги недостаточно и на его место был приглашен проживавший в Стамбуле музыкант французского происхождения Мангель-эфенди. Но дворцовая администрация и его познания в музыке считала недостаточными. В результате по приказу Махмуда II для преподавания в музыкальном училище был приглашен Джузеппе Доницетти, до этого служивший дирижером полкового оркестра в армии Наполеона Бонапарта, а затем полковым дирижером в армии королевства Сардиния. Джузеппе Доницетти приходился старшим братом известному итальянскому композитору и музыканту Гаэтано Доницетти. Принявший приглашение султана и получивший звание «главного преподавателя оркестра Османской империи» Джузеппе Доницетти 17 сентября

1828 г. [Gazimihal, 1955: 42] возглавил военное музыкальное ведомство в Османской империи [Ersin, 2017: 16]. Таким образом, развитие османской музыки в этот период связано с итальянской школой, а позднее — с французской и немецкой.

Для обучения группы учащихся в количестве 21 человека из дворцовой школы Эндерун европейской системе музыкальной нотации Д. Доницетти изучил разработанную в годы правления султана Селима III музыкальную нотацию Амбарцума Лимонджяна. На основе османской и европейской музыкальной нотации он, подготовив диаграмму, показывавшую эти две системы в сравнении, очень быстро обучил османских учащихся европейской системе записи музыки. На занятиях он использовал материалы и музыкальные инструменты, привезенные из Италии [Gazimihal, 1939: 105]. Мы можем отметить, что султан Махмуд II в соответствии с принципами модернизации общества и культуры побуждал Доницетти экспериментировать, давая ему собственные музыкальные сочинения. Несмотря на то, что османская музыкальная культура в результате этой модернизации многое потеряла, инициатива по созданию османской европейской музыки с использованием национального музыкального колорита исходила от султана.

Важной традицией стало написание для каждого султана при вступлении его на престол военного марша, который становился гимном империи. Так, Доницетти написал марш «Махмудие», а при вступлении на престол султана Абдул-Меджида написал марш «Меджидие». Таким образом, 11 лет марш «Махмудие» и 22 года марш «Меджидие» исполнялся Имперским духовым оркестром. Традиция написания маршей для правителей империи сохранилась до конца ее существования.

Процесс формирования новой османской музыки и переход на систему европейской нотации требовал типографской печати музыкальных произведений. Очевидно, одним из первых таких произведений стал «Любимый военный марш Великого турка Махмуда II» дирижера Имперского оркестра Ахмет-аги, опубликованный в каталоге ежемесячного журнала «Hofmeister: Musikalisch-literarischer Monatsberichte». В мае—июне 1829 г. в Бреслау в издательстве «Ферстер» это произведение было напечатано в виде нот для «фортепианного дуэта», а в ноябре —

декабре того же года произведение уже в виде классической фортепианной пьесы¹.

Самым известным произведением оркестровых концертных программ первой половины XIX в. в годы правления султана Абдул-Меджида был вышеупомянутый военный марш Ахмет-аги, придворного дирижера Махмуда II [Sevengil, 2015: 137]. Этот марш был написан Ахмет-агой, музыкантом-горнистом оркестра нового образца эпохи Низам-и-джедид, одним из первых преподавателей Имперского музыкального училища [Ünlü, 1999: 24]. Таким образом, понятно, что печать ранних произведений османской западной музыки поощрялась государственной администрацией Османской империи и что печатные произведения использовались в музыкальном образовании и концертных выступлениях.

Известно, что в 1859 г. в годы правления султана Абдул-Меджида существовала литография при Имперском музыкальном училище. Очевидно, что в ней печатались ноты для нужд музыкального училища и имперского оркестра [Baysal, 2010: 39]. В связи с этим можно утверждать, что модернизационные процессы в XIX столетии нашли свою реализацию и в плане импортозамещения. За образец была взята западная модель организации по обеспечению работ, инфраструктуры и снабжению за счет местных ресурсов.

Султаны с первых лет начала модернизации поддерживали развитие оперы и театра на основе западных сценических искусств. В библиотеке дворца султана Махмуда II в 1836 г. появились тексты более 500 театральных пьес. Начиная с 1830-х гг., в Стамбуле появляются театральные постановки. Театр «Наум» — драматический и оперный театр, располагавшийся в Пере, фактически приобрел статус имперского театра. Он был назван в честь его владельцев Мишеля и Жозефа Наумов, имевших левантийское

¹ Achmet (Aga), Marche militaire et favorite du Grand-Turc Mahmud II, à 4 Mains. Breslau, Förster 6 Gr. für das Jahr 1829, URL: http://www.hofmeister.rhul.ac.uk/2008/content/monatshefte/1829_05.html#hofm_1829_05_0043_06 (дата обращения: 23.03.2020). Achmet Aga, Marche militaire et favorite du Grand-Turc Mahmud II p. Pfte. Breslau, Förster 4 Gr. November und December, 1829. URL: http://www.hofmeister.rhul.ac.uk/2008/content/monatshefte/1829_11.html#hofm_1829_11_0095_10 (дата обращения: 23.03.2020).

католическое происхождение, и открыт в 1844 г. Вскоре появляются театры «Конкордия», «Одеон», «Тепебаши», «Гедик-паша». В годы правления султана Абдул-Меджида появляется первый дворцовый театр во дворце Долмабахче. В конце XIX в. султаном Абдул-Хамидом II был построен еще один дворцовый театр во дворце Йылдыз. Султан Абдул-Азиз во время своего путешествия по Европе первым из европейских монархов пожертвовал средства Рихарду Вагнеру на строительство здания театра в Байройте.

В 1856 г. на должность руководителя имперского оркестра был назначен другой итальянец, Каллисто Гвателли, который проживал в Стамбуле с 1846 г. и руководил хором в театре «Наум». Гвателли сочинял свои произведения в соответствии с принципами и нормами новой османской западной музыки. В этих произведениях восточные формы сочетались с западными. Среди его произведений марш «Османие», «Выставочный марш», «Праздничный марш», марш «Йылдыз» и другие.

В процессе модернизации интерес султанов к османской западной музыке не оставался на уровне поощрения исследований. В рамках своего музыкального образования султаны, помимо игры на западных инструментах (в основном фортепиано), сами сочиняли музыкальные произведения. Первым султаном, сочинившим свои музыкальные произведения в формах османской западной музыки, был султан Абдул-Азиз. Изучив как классическую османскую музыку, так и западную музыку, султан Абдул-Азиз сочинил свои произведения: «Invitation à la valse», «La harpe sarpiceve» и «La gondole barcarolle», ноты которых были изданы итальянским издательством «Лусса». Султан Абдул-Азиз был также первым и последним султаном, который отправился в Европу с целью развития культурных и дипломатических отношений, а не войны. Во время этого визита оркестры приветствовали его собственными композициями. Еще один вопрос, которому султан Абдул-Азиз придавал большое значение в процессе становления османской западной музыки, — это издание нотных записей. 22 сентября 1875 г. «Временная лицензия на печать нот» была предоставлена музыканту Имперского оркестра Исмет-бею. Эта «Временная лицензия на печать нот» была нами обнаружена в архиве османского министерства просвещения. В этой лицензии описаны решения по организации работы типографии. Исмет-бей

был обязан предоставить в министерство просвещения два экземпляра каждого напечатанного произведения. Кроме того, в лицензии содержатся рекомендации по оформлению обложки произведений. Согласно этим рекомендациям на обложках должно было быть указано, что произведение, которое печатается, связано с наукой о музыке. На обложке указывалось название типографии, ее адрес, название произведения, дата публикации². Данный документ говорит о том, что с высочайшего разрешения и высочайшей поддержки в 1875 г. были оформлены нормы для нотных публикаций и нотных записей.

Взошедший на престол после султана Абдул-Азиза султан Мурад V известен не только как политик, но и как автор многочисленных произведений для скрипки и фортепиано. После официального объявления его сумасшедшим в результате государственного переворота и смещения с престола он постоянно проживал в стамбульском дворце Чираган вплоть до 1904 г. В этот период, с 1876 по 1904 гг. им был подготовлен трехтомник музыкальных произведений объемом в 1134 страницы (даты выхода томов 1878—1885, 1885—1887, 1881—1892). Всего известно 514 произведений его авторства, основу которых составляют вальсы, польки, галоп, польки-мазурки, кадрили для исполнения на фортепиано и военные марши (448 произведений). Остальные 66 произведений были им посвящены детям и внукам. Его работы — музыкальное доказательство того, что султан не был сумасшедшим, он обладал утонченным музыкальным духом. Многие произведения сопровождалось описаниями чувств султана на французском и османском языке, к примеру: «Наконец-то я счастлив сегодня»; «Галоп в честь сегодняшнего банкета», а также авторской графикой.

Последняя четверть XIX в., период правления султана Абдул-Хамида II

Султан Абдул-Хамид II в течение 33 лет своего правления, как и его предшественники, занимался развитием османской западной музыки и имел музыкальные контакты со многими европейскими странами. Его принципами в процессе конструирования

² Başbakanlık Osmanlı Arşivleri, Maarif Nezareti Mektubi Kalemi (BOA, MF. MKT), 31/151.

османской западной музыки, как и других султанов, было продолжение осмысления национальных музыкальных традиций и написание новых произведений с использованием науки и технологий Запада.

Эти принципы действительно для создания всех произведений этого периода развития османской западной музыки. С ними связаны нотные записи, постановки и производство музыкальных инструментов, организация театров и представлений, а также исполнение музыкальных произведений. Европейские школы сыграли важную роль в развитии османской западной музыки этого периода, но представители этих школ в процессе написания своих произведений изучали местные турецкие музыкальные материалы.

В первые годы правления султана Абдул-Хамида II французская школа играла важную роль в формировании османской западной музыки, представителем этой школы стал Фернандо де Аранда, приглашенный в Имперский оркестр и вскоре его возглавивший. Согласно хранящемуся в архиве документу от 13 июля 1893 г. он проинспектировал Имперское музыкальное училище и Имперский оркестр и подготовил отчет султану. Аранда раскрывает моменты, которые он считает недостающими в Имперском музыкальном училище, и высказывает предложения по улучшению деятельности учебного заведения и оркестра³. В своем отчете он заявил, что обнаружил используемые музыкальные инструменты устаревшими и рекомендовал оптовую закупку музыкальных инструментов по согласованию с одним из заводов Европы. Аранда, впервые представивший оркестру саксофон, изменил штат музыкального коллектива в связи с этим нововведением. Он реорганизовал и обогатил библиотеку нот оркестра, привезя партитуры оркестров из Парижа. До этого оркестр всегда работал с итальянскими дирижерами, Аранда, таким образом, положил конец влиянию итальянской школы, которая доминировала в учреждении. Он стал руководителем, который организовал оркестр по французскому образцу. Благодаря своим заслугам он дослужился до звания паши [Kutlay, 2010: 162—164]. Помимо того, что Аранда дал своим детям турецкие имена, он

³ Başbakanlık Osmanlı Arşivleri, Yıldız Perakende Evrakı Arzuhal Jurnal (BOA, Y. PRK. AZJ) 25/83, 29/Z/1310.

также подписывался «Али-бей» в некоторых документах, которые нам удалось идентифицировать. Таким образом, на примере и других европейских по происхождению представителей османских западных музыкальных школ мы видим, что они использовали не только местные материалы для развития музыки, но также позиционировали себя подданными султана.

Как отражение тесных отношений с Германией с конца XIX в. на первый план в османской западной музыке вышла немецкая школа. Пауль Ланге уроженец Карловца (Пруссия), проживавший в Константинополе с 1880-х гг. и работавший в различных учебных заведениях, по протекции кайзера Вильгельма II в 1894 г. получил должность руководителя военно-морского оркестра османского флота. Впоследствии он возглавил несколько других военных оркестров, а в 1908 г. он получил титул османского двора бей и возглавил Имперский оркестр. Таким образом, в начале XX в. французская школа, доминировавшая в Имперском оркестре, была заменена немецкой школой [Kutlay, 2010: 150—153].

В качестве свидетельства участия султана Абдул-Хамида II в формировании и развитии османской западной музыки мы можем отметить следующее. С одной стороны, музыкальные педагоги и дирижеры приглашались из Европы, а с другой — подданные султана направлялись в Европу на государственную стипендию для получения западного музыкального образования. После возвращения некоторые из них стали музыкантами Имперского оркестра. Другие, став музыкантами, внесли свой вклад в развитие османской западной музыки, давая частные уроки и сочиняя музыку.

В качестве примера мы можем отметить музыканта Вондрабея, получившего музыкальное образование в Парижской консерватории при поддержке султана Абдул-Хамида II. После возвращения в 1888 г. он стал скрипачом в Имперском оркестре под руководством Гвателли, а позже Аранда. Вондра-бей — учитель игры на скрипке Османа Зеки Унрёра, автора «Марша независимости» — государственного гимна Турецкой Республики [Kutlay, 2011b: 157].

Другой пример Девлет-эфенди, обучившейся игре на фортепиано в Венской музыкальной академии на стипендию султана Абдул-Хамида II. Джемаль Решит Рей, известный турецкий композитор, пианист, дирижер, педагог и общественный деятель, вспоминал, что Девлет-эфенди, дававший уроки игры на фортепиано

его матери, как и Аранда-паша, часто бывал в их доме [Kutlay, 2010: 230]. Таким образом, Девлет-эфенди стал первым учителем музыки, с которым встретился Джемаль Решит Рей. Впечатления от этой встречи повлияли на выбор Реем музыкальной карьеры.

Во время правления султана Абдул-Хамида II Имперский оркестр приобрел статус полностью организованного имперского музыкального учреждения, включающего как традиционные, так и современные направления османской музыки и исполнительского искусства. Так, в его составе были сформированы военный оркестр, симфонический оркестр, опера и оперетта, театр Имперского оркестра. Все они развивали культуру османской западной музыки. В то время как оркестр, исполнявший народные сюиты «Фасыл», народный театр «Орта оюну», театр теней «Карагез» сохраняли традиционное османское музыкальное исполнительское искусство. Оркестр, исполнявший народные сюиты «Фасыл», состоял из двух групп: «Fasl-ı Atik» (Старый Фасыл) и «Fasl-ı Cedid» (Новый Фасыл). «Fasl-ı Atik» представлял традиционную ветвь музыки «Фасыл» и продолжал работать над историческим наследием, «Fasl-ı Cedid» экспериментировал с новаторскими приемами в исполнении и обработке традиционной османской музыки [Kutlay, 2017a: 281—282].

В процессе модернизации османской музыки участвовали десятки музыкантов, которые внесли свой вклад в музыкальную жизнь Константинополя и других городов, читая лекции в области западной музыки, сочиняя произведения и принимая участие в концертах. Имена этих музыкантов занесены в «Восточные торговые хроники», известные как «Annuaire Oriental». В этих ежегодниках, первый из которых датирован 1868 г., список музыкантов и исполнителей стал наиболее многочисленным к концу XIX в. Кроме того, постоянно увеличивалось разнообразие инструментов, игре на которых обучались и на которых играли. Некоторые из музыкантов были иностранцами: среди них были итальянцы, англичане, немцы, французы, испанцы, венгры. Часть из них приехала в Константинополь по приглашению султана, получив назначения в Имперский оркестр, в то время как другие предпочли жить в Османской империи по собственному выбору [Kutlay, 2010: 153]. Независимо от того, где жили их предки, эти музыканты считали себя подданными султана. Они служили

развитию османской западной музыки своими музыкальными сочинениями, турецкими студентами, которых они обучали, хорами и оркестрами, которые они основали. С провозглашением Республики часть из них продолжила свою службу в учреждениях культуры молодой Турецкой Республики.

В годы правления султана Абдул-Хамида II в Константинополе была открыта частная консерватория. Эта музыкальная школа, основанная Паулем Ланге, немецким музыкантом Имперского оркестра и представителя немецкой школы османской западной музыки, также зарегистрирована в «Восточных торговых хрониках», а ее устав и положения находятся в Государственном архиве⁴. Под названием «Музыкальная консерватория» эта школа была открыта в районе Бейоглу-Пера на улице Энсиз под руководством Пауля Ланге. Согласно положению о школе от 1884 г., подписанному Паулем Ланге, в школе давали уроки игры на таких инструментах, как фортепиано, скрипка, флейта, гармоника, орган, а также уроки сольфеджио. В дополнение к урокам теории музыки, таким как гармония, история музыки, уроки хора и оркестра, давались уроки европейских языков, таких как немецкий, французский, английский, а также уроки для учителей музыки мужского и женского пола. Учебная программа и курсы школы были созданы с идеологией консерваторского образования. При описании школы в регламенте министерства просвещения есть выражение музыкальная школа «Дерсаадет» что является прецедентом для большинства обычных музыкальных школ в Османской империи⁵.

О концертах учеников музыкальной школы Пауля Ланге писали в газетах того времени. Поэтому тот факт, что ученики «Музыкальной консерватории» Пауля Ланге, которая, возможно, является первой частной консерваторией в истории Османской империи, время от времени давали концерты при поддержке зарубежных преподавателей и принимали участие в профессиональной концертной жизни Константинополя, является неоспоримым доказательством того, что османское западное

⁴ Başbakanlık Osmanlı Arşivleri, Yıldız Perakende Evrakı Başkıtabet Dairesi Maruzatı (BOA, Y. PRK. BŞK). 8/83, 29/Z/1301.

⁵ BOA, Y. PRK. BŞK. 8/83, 29/Z/1301.

музыкальное образование не ограничивалось рамками дворца в институциональном контексте.

Порядок работы, характер, учебная программа и уровень этой музыкальной школы, которая была создана во время правления султана Абдул-Хамида II, является доказательством того факта, что музыкальное образование осуществлялось в османской столице в учреждениях, независимых от дворца и на уровне подобных образовательных учреждений в Европе.

Султан Абдул-Хамид II устроил театр в своем дворце как площадку для выступлений. Помимо опер и оперетт известных европейских композиторов в театре дворца Йылдыз, восточные композиторы сочиняли и исполняли местные оперетты, ставили постановки местных театральных деятелей. Студенты Имперского оркестра под руководством Гюлю Агопа (Акопа Вардовяна) исполняли турецкую музыку в качестве музыкального сопровождения спектаклей. Кроме того, в этом театре были поставлены произведения Ахмета Мидхата-эфенди, назначенного во дворец театральным постановщиком в 1884 году. В этих постановках приняли участие Зати-бей и Сафсет-бей, позже руководившие Имперской музыкальной школой. Оперетта Ахмета Мидхата-эфенди «Ченги», поставленная в театре «Гедик-паша», и оперетта Тиграна Чухаджяна «Розовая девушка», которая трижды ставилась в театре «Шехзадебаша», входили в число турецких произведений, которые были исполнены в театре дворца Йылдыз.

Можно отметить государственное поощрение печати нот местными издателями во время правления султана Абдул-Хамида II. Так, к примеру, печать нот была поручена султаном Хаджи Эмину-эфенди, печатавшему музыкальные произведения с 1873 г. Султан, взойшедший на престол в 1876 г., сам хорошо играл на фортепиано. По его указанию Хаджи Эмин-эфенди напечатал ноты гимнов Османской империи, составленные в музыкальных формах османской западной музыки, и выдающиеся произведения, исполненные Имперским оркестром. Этот сборник фортепианной музыки был подарен игравшей на фортепиано румынской королеве Елизавете Паулине Оттилии Луизе цу Вид, более известной под творческим псевдонимом Кармен Сильва [Kutlay, 2017b].

Производство музыкальных инструментов: изготовление фортепиано во дворце Йылдыз

Османское понимание модернизации было основано на изучении западных технологий и использовании их в производстве собственных материалов. Султан Абдул-Хамид II придавал большое значение производству музыкальных инструментов, особенно фортепиано, которое было популярным в Европе XIX в. В этом контексте он изучал производство музыкальных инструментов за границей и пригласил производителей к себе во дворец, чтобы изучить производственные процессы доставленных из Европы фортепиано [Kutlay, 2011a].

Султан Абдул-Хамид II сам был неплохим мастером-плотником, поэтому его заинтересовала информация о турецких пианино, выполненных по заказу губернатора Кастамону Эниспаши. Одно фортепиано было подарено Энисом-пашой султану. Так султан узнал о турецком мастере Ташкёпрюлю (Кастамону) Мехмеде. По приказу султана Мехмед вместе со своей семьей был приглашен на работу в столярную мастерскую, расположенную во дворце Йылдыз. Точное число изготовленных мастером инструментов не известно. Но один из инструментов, изготовленных Мехмедом в 1904 г., был подарен кайзеру Вильгельму II. С провозглашением конституционной монархии и низложением султана Абдул-Хамида II Мехмед закончил свою работу в столярной мастерской дворца Йылдыз и вернулся в Кастамону [Kutlay, 2017a: 256].

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, можно отметить, что в Османской империи к концу XIX столетия полностью сформировалась самобытная музыкальная культура, основанная на традициях прошлого и достижениях современности. Традиционная для империи военная музыка органично вобрала в себя опыт европейских композиторов и стала частью иконографии власти султанов. Османское общество и его культура, основанная на традиционализме, получили разнообразную музыку для многочисленных церемоний с участием первых лиц империи. Если ранее на музыкальную культуру в зависимости от регионов империи

оказывала прямое влияние центральнoазиатская народная музыка, арабская, греческая, персидская и балканская музыка, то теперь официальной музыкой империи стала османская западная музыка. Традиционные османские музыкальные инструменты в оркестрах уступили место европейским инструментам. Сформировавшаяся новая музыкальная культура оказала прямое влияние на создание музыкальной культуры в Турецкой Республике.

Список источников

- Аврutiна А. С.* Музыкальные мотивы в трилогии А. Х. Танпынара «Махур Бесте» (Роман «Покой» как часть трилогии) // Российская тюркология. 2013. № 1. С. 42—48.
- Горбунова М. Ю.* О традиционных музыкальных инструментах военного оркестра Мехтер // Проблемы музыкальной науки. 2016. № 1. С. 27—32.
- Горбунова М. Ю.* Проблема художественного синкретизма в турецкой традиционной культуре (на примере военно-исторического оркестра Мехтер) // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 279—287.
- Кириллина Л. В.* Турецкая тематика в творчестве Моцарта // Научный вестник Московской консерватории. 2011. № 1. С. 5—25.
- Рыженков А. С.* Турецкая музыка. О содержании явления // Восточный альманах: сб. науч. ст. Вып. V / под общ. ред. М. Г. Троянского. М.: Квант Медиа, 2021. С. 145—155.
- Седых В. А.* Турецкий макал: к проблеме национального своеобразия // Музыкальная культура народов мира. 2011. № 1. С. 205—209.
- Aracı E.* Donizetti Paşa Osmanlı Sarayının İtalyan Maestro. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2014. 259 p.
- Baysal J.* Müteferrika'dan Birinci Meşrutiyet'e Kadar Osmanlı Türklerinin Bastıkları Kitaplar 1729—1875. İstanbul: HyperLink, 2010. 301 p.
- Ersin A.* Cumhurbaşkanlığı Senfoni Orkestrası Çoksesliliğin Belgesel Tarihi, Ankara Ekim: Elma Yayınevi, 2017. 328 p.
- Gazimihal M. R.* Türk askeri Mızıkaları Tarihi. İstanbul: Maarif Vekâleti Basımevi, 1955. 281 p.
- Gazimihal M. R.* Türkiye-Avrupa Musiki Münasebetleri. İstanbul: Nümune Matbaası, 1939. 160 p.
- Karal E. Z.* Osmanlı Tarihi V. Cilt: Nizam-ı Cedid ve Tanzimat Devirleri (1789—1856). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. 288 p.

- Kutlay E.* 100 Soruda Osmanlı Müziği. İstanbul: Rumuz Yayınevi, 2017a. 316 p.
- Kutlay E.* A Historical Case of Anglo-Ottoman Musical Interactions: The English Autopiano of Sultan Abdulhamid II // *European History Quarterly*. 2011a. Vol. 49, iss. 3. P. 386-419.
- Kutlay E.* Osmanlı'dan Cumhuriyet'e Batı Müziği Mirasımız // II. Ulusal Hisarlı Ahmet Sempozyumu, Afyon, Türkiye. 2011b. P. 30-50.
- Kutlay E.* Osmanlının Avrupalı Müzisyenleri. İstanbul: Kapı Yayınları, 2010. 311 p.
- Kutlay E.* Sultan II. Abdülhamid ve Müzik // Vefatının 100. Yılında Uluslararası Sultan II. Abdülhamid Kongresi Bildiri Kitabı. İstanbul: Yıldız Teknik Üniversitesi ve Türk Tarih Kurumu, 2017b. 494 p.
- Sevengil A. R.* Türk Tiyatrosu Tarihi. İstanbul: Alfa BasımYayım, 2015. 887 p.
- Taşdelen D.* İstanbul Arkeoloji Müzeleri Kütüphanesi'nde Bulunan 1537 No'lu Hamparsum Nota Defterinin Tanıtımı Ve İçerisindeki Eserlerin Çeviriyazımı, Ph. D. Thesis. İstanbul Teknik Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. İstanbul, Turkey, 2014. 257 p.
- Ünlü C.* Osmanlı Marşları CD Kitapçığı. İstanbul: Kalan Müzik Arşiv Serisi, 1999.

References

- Aracı, E. (2014), *Donizetti Paşa Osmanlı Sarayının İtalyan Maestrosu*, [Donizetti Pasha, Italian Maestro of the Ottoman Palace], Yapı Kredi Yayınları, İstanbul, Turkey.
- Avrutina, A. S. (2013), 'Musical motives in A. Kh. Tanpynar's trilogy "Mahur best" (The novel "Peace" as part of the trilogy)', *Rossiiskaia tiurkologiya* [Russian Turkology], no. 1: 42—48.
- Baysal, J. (2010), *Müteferrika'dan Birinci Meşrutiyet'e Kadar Osmanlı Türklerinin Bastıkları Kitaplar 1729—1875*, [Books Published by Ottoman Turks from Müteferrika to the First Constitutional Monarchy 1729—1875], HyperLink, İstanbul, Turkey.
- Ersin, A. (2017), *Cumhurbaşkanlığı Senfoni Orkestrası Çoksesliliğin Belgesel Tarihi*, [Presidential Symphony Orchestra Documentary History of Polyphony], Elma Yayınevi, Ankara Ekim, Turkey.
- Gazimihal, M. R. (1955), *Türk askeri Mızıkaları Tarihi*, [History of Turkish Military Harmonica], Maarif Vekâleti Basımevi, İstanbul, Turkey.
- Gazimihal, M. R. (1939), *Türkiye-Avrupa Musiki Münasebetleri*, [Turkey-Europe Musical Relations], Nümune Matbaası, İstanbul, Turkey.

- Gorbunova, M. Yu. (2016), ‘About the traditional musical instruments of the Mechter military band’, *Problemy muzykal’noi nauki* [Problems of Music Science], no. 1: 27—32.
- Gorbunova, M. Yu. (2017), ‘The problem of artistic syncretism in Turkish traditional culture (on the example of the military history orchestra Mehter)’, *Kul’tura i tsivilizatsiia* [Culture and civilization], vol. 7, iss. 5A: 279—287.
- Karal, E. Z. (1988), *Osmanlı Tarihi V. Cilt: Nizam-ı Cedid ve Tanzimat Devirleri (1789—1856)*, [Ottoman History Volume V: Nizam-i Cedid and Tanzimat Periods (1789—1856)], Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, Turkey.
- Kirillina, L. V. (2011), ‘Turkish themes in the works of Mozart’, *Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii* [Scientific Bulletin of the Moscow Conservatory], no. 1: 5—25.
- Kutlay, E. (2017a), *100 Soruda Osmanlı Müziği*, [Ottoman Music in 100 Questions], Rumuz Yayınevi, İstanbul, Turkey.
- Kutlay, E. (2011a), ‘A Historical Case of Anglo-Ottoman Musical Interactions: The English Autopiano of Sultan Abdulhamid II’, *European History Quarterly*, vol. 49, iss. 3: 386-419.
- Kutlay, E. (2011b), Osmanlı’dan Cumhuriyet’e Batı Müziği Mirasımız [Our Western Music Heritage from the Ottoman Empire to the Republic], *I. Ulusal Hisarlı Ahmet Sempozyumu* [I. National Symposium of Hisarlı Ahmet], Afyon, Türkiye.
- Kutlay, E. (2010), *Osmanlı’nın Avrupalı Müzisyenleri*, [European Musicians of the Ottoman Empire], Kapı Yayınları, İstanbul, Turkey.
- Kutlay, E. (2017b), Sultan II. Abdülhamid ve Müzik [Sultan II. Abdulhamid and Music], *Vefatının 100. Yılında Uluslararası Sultan II, Abdülhamid Kongresi Bildiri Kitabı* [On the 100th Anniversary of His Death, Sultan Abdulhamid II International Congress Proceedings], Yıldız Teknik Üniversitesi ve Türk Tarih Kurumu, İstanbul, Turkey.
- Ryzhenkov, A. S. (2021), ‘Turkish music. About the content of the phenomenon’, in M. G. Troyanskiy (ed.), *Vostochnyi al’manakh* [Eastern Almanac], Kvant-Media, Moscow: 145—155.
- Sedykh, V. A. (2011), ‘Turkish Macam: Towards the Problem of National Identity’, *Muzykal’naia kul’tura narodov mira* [Musical culture of the peoples of the world], no. 1: 205—209.
- Sevengil, A. R. (2015), *Türk Tiyatrosu Tarihi*, [Turkish Theater History], Alfa BasımYayım, İstanbul, Turkey.
- Taşdelen, D. (2014), *İstanbul Arkeoloji Müzeleri Kütüphanesi’nde Bulunan 1537 No’lu Hamparsum Nota Defterinin Tanıtımı Ve İçerisindeki Eserlerin Çeviriyazımı* [Introduction of Hamparsum Notebook

No. 1537 in the Library of Istanbul Archeology Museums and Translation of the Works Inside], Ph. D. Thesis. İstanbul Teknik Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. İstanbul, Turkey.
Ünlü, C. (1999), *Osmanlı Marşları CD Kitapçığı* [Ottoman March CD Booklet], Kalan Müzik Arşiv Serisi, İstanbul, Turkey.

Статья поступила в редакцию 17.12.2021; одобрена после рецензирования 14.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted 17.12.2021; approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

А. М. Абидулин — кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Э. Б. Кутлай — доктор философских наук, доцент кафедры музыки факультета изобразительных искусств, Университет Болу Абант Иззет Байсал, Болу, Турция.

A. M. Abidulin — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia; Researcher at Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

E. B. Kutlay — Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor of Music Department, Faculty of Fine Arts, Bolu Abant İzzet Baysal University, Bolu, Turkey.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

INTELLIGENCE, RELIGION, CHURCH

Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 34—52.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 3. P. 34—52.

Научная статья

УДК 94(477)"198"

DOI: 10.46725/IW.2022.3.2

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ УКРАИНСКОЙ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг. (по материалам журнала «Человек и мир»)

Руслан Александрович Савчук

Издательский совет Русской Православной Церкви, Москва, Россия,
russ_sav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9917-2413>

Аннотация. В центре настоящего исследования — осмысление религиозной жизни позднесоветской научной интеллигенцией Украинской ССР и формирование ее ментальных установок по отношению к месту религии в обществе. Актуальность темы определяется значительным влиянием данных ментальных установок на формирование позиции современного украинского общества в церковном вопросе. Для анализа выбраны публикации в журнале «Человек и мир», который в советское время был рупором атеистической интеллигенции, а с сентября 1990 г. стал главным религиозно-ведческим журналом Украины. Обосновываются выводы о весьма настороженном отношении позднесоветской научной интеллигенции Украины второй половины 1980-х гг. к возрастающему общественному интересу к религии. Научная интеллигенция в своем

© Савчук Р. А., 2022

отношении к религии и церкви опиралась на устойчивые кабинетные образы и штампы. В понимании сущности духовной жизни характерным был примат общественной пользы. В мировоззренческом смысле интеллигенты-атеисты стремились к освобождению этики от любых форм религиозного обоснования, к автономии нравственности. Страх оказаться скованными религиозной догмой и религиозной санкцией побуждал их вести борьбу за нерелигиозную мораль, всячески препятствовать влиянию церкви на общество или же пытаться это влияние контролировать. Основным методом борьбы с религией объявлялась замена ее секулярной «духовностью».

Ключевые слова: украинская интеллигенция, церковная история, научный атеизм, Украина, секуляризация, религиоведение, перестройка

Для цитирования: Савчук Р. А. Отношение к религии украинской позднесоветской атеистической интеллигенции второй половины 1980-х гг. (по материалам журнала «Человек и мир») // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 34—52.

Original article

ATTITUDE TO RELIGION OF THE UKRAINIAN LATE SOVIET ATHEISTIC INTELLIGENTSIA OF THE SECOND HALF OF THE 1980s (based on the materials of the magazine “Human and the world”)

Ruslan A. Savchuk

Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Moscow, Russia,
russ_sav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9917-2413>

Abstract. In the center of this research is the understanding of religious life by the late Soviet scientific intelligentsia of the Ukrainian SSR and the formation of mental attitudes towards religion in society. The relevance of the topic is determined by the significant influence of these mental attitudes on the formation of the position of modern Ukrainian society in the church issue. For the analysis, publications were selected in the journal “Human and the World”, which in Soviet times was the mouthpiece of the atheistic intelligentsia, and since September 1990 has become the main religious studies journal of Ukraine. The conclusions about the very cautious

attitude of the late Soviet scientific intelligentsia of Ukraine in the second half of the 1980s to the growing public interest in religion are substantiated. The scientific intelligentsia, in its attitude to religion and the church, relied on stable cabinet images and clichés. In understanding the essence of spiritual life, the primacy of public benefit was characteristic. In the ideological sense, atheist intellectuals sought to liberate ethics from any form of religious justification, the autonomy of morality. The fear of being shackled by religious dogma and religious sanction prompted them to fight for non-religious morality, to prevent the influence of the church on society in every possible way, or to try to control this influence. Replacing it with secular “spirituality” was declared as the main method of combating religion.

Keywords: intelligentsia, church history, scientific atheism, Ukraine, secularization, religious studies, perestroika

For citation: Savchuk, R. A. (2022), ‘Attitude to religion of the Ukrainian late soviet atheistic intelligentsia of the second half of the 1980s (based on the materials of the magazine “Human and the world”)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 34—52 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В современном украинском государстве религиозный вопрос занимает одно из первых мест в повестке дня. Актуальность исследования общественных процессов конца 1980-х — начала 1990-х гг., связанных с осмыслением религиозного прошлого и настоящего страны, определяется их значительным влиянием на формирование позиции современной украинской интеллигенции, политического истеблишмента и общества в целом в церковном вопросе. Журнал «Человек и мир» в советское время был рупором атеистической интеллигенции, а с сентября 1990 г. стал главным религиозноведческим журналом Украины. Таким образом, материалы данного издания наиболее точно передают мировоззренческие настроения позднесоветских украинских атеистов и соответствующие их изменения в связи с общественными трансформациями.

Историография. Общие черты советского религиоведения и отношения к религии в обществе второй половины 1980-х гг. рассматривались в разных контекстах в современной отечественной

и зарубежной историографии [Элбакян, 2011: 141—162; «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение», 2015; Колмакова, 2017; Колодный, Филипович, Яроцкий, 2010: 9—21; Смолкин, 2021]. Собственно украинское измерение «возвращения» религии в общественно-политическое пространство позднесоветского периода активно осмысливается религиоведами и учеными современной Украины в связи с возрастающей поляризацией общества соседнего государства в религиозном вопросе после событий 2014 г. [Бокоч, 2021: 2]. Среди исследований современных украинских авторов в контексте проблемы общественного измерения бытия религии в конце 1980-х гг. особый интерес представляют работы О. Киселева [Кисельов, 2016: 43—50] и Е. Панич [Панич, 2015: 21—35]. Украинские академические религиоведы декларируют в качестве основополагающих принципов «объективность, мировоззренческий плюрализм, внеконфессиональность, историзм, открытость, системность»¹ [Колодный, 2015: 5]. Однако фактически в контексте осмысления истории и настоящего государственной политики в религиозной сфере Украины идет активный процесс обоснования «политического значения движения украинского православия к независимости» [Бокоч, 2021: 6]. В контексте настоящего исследования показано, что подобная позиция «политизации» религиозной жизни страны и разделения граждан в связи с их религиозным выбором вписывается в атеистическую ментальность позднесоветской научной интеллигенции Украины, стремившейся любыми способами «обуздать» религию как идеологически опасный феномен.

Постановка вопроса. Целью настоящего исследования является разносторонний анализ той сферы мировоззрения украинской атеистической интеллигенции второй половины 1980-х гг., в которой отображалось ее отношение к религии как элементу общественной жизни. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить отношение украинских атеистов к возрождению интереса к религии в обществе периода перестройки; выяснить мотивы, которыми руководствовались представители интеллигенции при формировании позиции относительно места религии в жизни общества; проанализировать методы научного

¹ Здесь и далее перевод украинских текстов принадлежит автору данной статьи.

познания религии в среде украинских атеистов; охарактеризовать общие черты образа религии как сферы общественной жизни, характерного для представителей украинских советских ученых; определить основные направления работы с религией, принятые в среде атеистов Украинской ССР данного периода. Важно также отметить, что во второй половине 1980-х гг. наметившееся возрастание национально-патриотического фактора в общественной жизни страны по отношению к рассматриваемой нами группе советских атеистов оставалось в основном внешним фактором, не успев занять значимое место в мировоззрении представителей официальной науки и идеологических работников.

Методология и методы исследования

Методологическую базу настоящего исследования составляют как общие методы научного анализа, так и специфические подходы исторического исследования. Среди последних можно выделить историко-антропологический подход, позволивший проследить формирование ментальных установок и мотивации при выборе украинскими атеистами методов и способов работы с религией. Значительное место в исследовании занимает идеографический метод, с помощью которого удалось на основании анализа оценок и высказываний отдельных авторов выделить характерные черты мировоззрения украинских ученых указанного периода.

Основная часть

Религиозные оковы

Возрастающий интерес общества к религии атеистическая научная интеллигенция Украины встретила с большой настороженностью. Десятилетия господства советской идеологии, сложившиеся традиции в научной среде, очевидно, сформировали достаточно устойчивое мнение о религии, церковной жизни как о сфере с весьма сомнительным и даже опасным идейным содержанием. Невзирая на все перемены, признавалось, что религия все же «объективно противостоит марксистско-ленинской системе общественного воспитания» [Зоц, 1988: 7]. Интересно

при этом, что во многом настороженное отношение было вызвано и отсутствием опыта коммуникации между церковью и обществом. В связи с этим со стороны научной интеллигенции звучали призывы к большей гласности в деятельности церкви, что, по мысли авторов, должно было способствовать развенчанию «спекуляций на тему свободы совести» и вывести проблемы религии «из запретной зоны, в существовании которой церковники заинтересованы, наверное, больше, чем кто-либо» [Танчер, 1988: 7].

Опасения допустить рост церковного влияния в обществе имели достаточно четкие исторические обоснования. В мировосприятии украинских позднесоветских атеистов существовал сформированный образ «средневекового христианства» с разного рода запретами, ограничениями и освящением господства высших слоев над низшими. Общественная активность Церкви казалась совершенно неестественной и пугала возвращением к призракам прошлого. Многие полагали, что возрастание авторитета Церкви, безусловно, повлечет за собой крах сложившихся цивилизационных устоев. Как писал один из авторов: «Идеологи современного политического клерикализма живут по законам средневековой теократии, осовремененные, “актуализированные”, как им кажется, модификации которой они и стремятся представлять сначала для Европы, а потом и для всего мира» [Яроцкий, 1986: 32].

Ученые часто обращали внимание на то, что прогрессивные исторические деятели «последовательно защищали культурные и нравственные ценности народа, вели борьбу против узкого, примитивного догматизма, за секуляризацию образования, а главное — разделение нравственного и религиозного» [Гринів, 1986: 25]. Передовые умы прошлых столетий, в трактовке атеистических авторов, всегда действовали вопреки церковным установлениям, их взгляды «выходили за узкие рамки православной ортодоксии и содержали в себе элементы свободомыслия» [Кралуц, 1986: 50—51].

В этом контексте можно рассматривать и оценку атеистической интеллигенцией сущности религиозного искусства. Последнее, очевидно, для многих авторов было феноменом с сомнительным этическим содержанием, поскольку в их понимании абсолютно отрицало свободу творчества. Так, Л. Янченко, анализируя значение канона в религиозном искусстве [Янченко, 1989: 21—26], прямо говорил о том, что церковные каноны и догмы

принуждали наследовать «иллюзорные представления» и «сдерживали художника от самостоятельности», а «из связи канона и церковной догмы для искусства возникли серьезные ограничительные нормы» [Там же: 23—24]. Для автора нравственно-отрицательная сущность церковных канонов заключалась в том, что «канон предназначен не для развития, а для освоения достигнутого», при этом «общечеловеческая нужда – не в каноне, догме, постоянных стереотипах, а в их преодолении, развитии, прогрессе, усовершенствовании» [Там же: 24—25]. При этом полемизируя с богословами, которые видели в каноне не препятствие, а условие творческого становления художников, автор в своих отрицательных характеристиках опирался больше на нравственное понимание феномена канона, чем на конкретно исторический материал.

Даже вполне «спокойный» в своем отношении к Церкви П. Толочко, говоря о романе А. Гончара «Собор», отмечал, что в произведении нет «каких-либо компромиссов с религиозной моралью» [Толочко, Устюжаніна, 1988: 33]. Очевидно, речь идет не об идеологическом клише, а о ментальной установке — восприятии религиозной морали как чего-то преступно-узкого. Подобные мировоззренческие установки, сформированные в рамках вполне сложившейся традиции атеистического взгляда на прошлое и современность, были основной причиной настороженного отношения научной интеллигенции к возвращению общественного интереса к религии.

Общественная природа духовной жизни

По всей видимости, именно с особенностями советской идеологии связана прочно утвердившаяся традиция абсолютизировать связь религии с общественной жизнью. По сути, главный интерес большинства позднесоветских украинских авторов вращался вокруг вопроса о том, каким образом религия в истории помогала «господствующему классу в реализации чисто материальных интересов» [Шуба, Єфремов, 1986: 46]. Такой подход с некими модификациями естественным образом экстраполировался на современность. Атеистическая интеллигенция, воспитанная в рамках советского дискурса о религии, в своих исследованиях

религиозной мотивации и прочих проявлений религиозности весьма часто исходила из положения, что они «мало связанные с религиозным сознанием, но являются результатом влияния других социальных факторов» [Зумакулов, 1988: 10]. Один из корифеев украинского советского религиоведения в публикации, посвященной дискуссии с «буржуазными националистами и клерикалами» так излагал сущность духовной культуры личности: «Любая духовная культура, проявляясь в духовном составе индивида, характеризует его социальные качества, его возможности и степень готовности к творческой производственной деятельности в сфере объективного мира <...> Таким образом, духовная культура предстает как комплекс развития общественного сознания, усовершенствования мировоззрения и практической реализации этого комплекса в процессе освоения человеком мира» [Танчер, 1985: 21]. Как видим, сущность духовной жизни практически сводится к успешному выполнению некоего социального заказа. Подобная гипербололизация роли и значения общественного интереса в духовной жизни индивида являлась прямым следствием методологических и мировоззренческих постулатов советской идеологии. Речь шла не просто о влиянии религии на общественную жизнь. Именно общественные отношения и интересы воспринимались, с одной стороны, в качестве определяющих факторов религиозной жизни, а с другой — в качестве главной цели реализации индивидом своей духовной жизни.

На основании такого понимания сущности духовной жизни выстраивалась и логичная схема нравственного обоснования борьбы с религиозным влиянием в обществе: много сил и времени верующий человек тратил «ради достижения несуществующей цели» или же общественно неприемлемой, а «вредность проповеди религиозного самоусовершенствования» приводила к «достижению узкоэгоистической цели — собственного спасения», и, как следствие, — объявлялось, что религия «культивирует неуверенность в своих силах, самоунижение» [Бондаренко, 1988: 49]. Причиной «сужения духовности», возрастания «мещанских, дремучих, в частности, и религиозных, взглядов на жизнь» выделялись «тяжелые семейно-бытовые условия» [Зоц, 1988: 7]. Для «осознанного» же отказа от религии необходимо, «чтобы практика личной жизни стимулировала индивида преодолевать эгоистические

интересы, ориентироваться на общественно полезные ценности, в реализации которых он видел бы смысл своей жизни» [Чекаль, 1989: 17]. Акцент на общественную пользу как главное мерило прогресса в духовной сфере стал одним из наиболее значимых при формировании современной украинской религиозноведческой школы.

С гиперболизацией общественного фактора в духовной жизни в рамках советского атеистического дискурса о религии, очевидно, связан и подход, при котором в религии искусственно выделялись идеологическая надстройка и протонародная вера. Именно связь с народом была признаком прогрессивности мировоззрения. Духовенство необоснованно противопоставлялось «рядовым верующим». Церковные решения часто трактовались в контексте проведения «идей православия в массы» [Гордієнко, 1989: 35]. Такой подход естественным образом способствовал возрастанию настороженности и призывал к особой бдительности относительно любых проявлений церковной жизни.

«Усредненная» религиозность

Настороженность или даже страх перед религией, борьба с ее идеологическим влиянием привели к формированию среди профессионального атеистического сообщества весьма интересного подхода при изучении религиозной жизни. Его смысл заключался в формировании некоего обобщенного образа религии, которым свободно оперировали при критике любых конфессий и религиозных явлений. Seriously религией не интересовались, важным было лишь ее влияние на общество. Если же говорить об указанном «усредненном» образе религии, то здесь нужно выделить два направления: рациональное и этикопсихологическое.

С точки зрения рационального подхода к анализу религиозной жизни богословие целенаправленно ставилось в антагонистическую позицию по отношению к разуму: «Выступая против тех, кто отдает преимущество в познании содержания вероучения разуму, теологи утверждают, что претензии разума на сферу догматических истин должны быть отброшены, поскольку значение догмата человек будто бы может понять только с помощью

чувств» [Колодный, 1986: 57]. Оставив в стороне вопрос об объективности авторских интерпретаций, отметим здесь характерную деталь: для атеистической интеллигенции важно было выдвинуть церковную жизнь за пределы рационального постижения мира. Именно с «рациональным» подходом к религии связывалась «прогрессивная социальная направленность» исторических деятелей [Кралюк, 1987: 54]. Таким образом, якобы насквозь иррациональная и мистифицированная церковная стихия с размытым пониманием реальной действительности и отсутствием целеполагания противопоставлялась разумному и упорядоченному социуму, который воспитывает активных и творческих индивидов. «Пленение религиозной мистикой» представлялось как однозначная деградация и выпадение из системы социальных связей, поэтому в атеистическом воспитании виделся единственный путь к гармоническому развитию личности, «обеспечению активизации человеческого фактора, приумножению творческой энергии молодежных масс» [Суярко: 1986: 53—54].

В контексте этико-психологического подхода к конструированию искусственного обобщенного образа религии обрядовость рассматривалась как форма ухода от реальности, как «стремление верующего заручиться поддержкой бога, умиловить его, обезопасить себя от сил “диавольских”, наконец, обеспечить себе вечное блаженство в загробной жизни» [Фурсін, 1986: 44]. В противовес такому мировоззрению, по мнению атеистов, «большинство членов социалистического общества ориентированы именно на творческое, активное отношение к миру, чем и объясняется господство в нашем обществе материалистического, научно-атеистического мировоззрения» [Там же]. Утверждалось, что на первом месте в религиозных обрядах «всегда был культ божества, святых-великомучеников» и абсолютное невнимание собственно к человеку [Там же: 45]. Из приведенных цитат очевидно, что речь идет о какой-то обобщенной религиозности и даже нет стремления разобраться собственно в православном понимании обряда. Ведь сведение смысла обряда к «влиянию» на божество — описание чисто языческого, оккультного понимания, чуждого христианству. Нередко «живучесть» церковных обрядов в советском обществе объяснялась в основном психологическим эффектом — созданием особой атмосферы или психологическим

давлением на человека, либо чисто эгоистическими мотивами — «хорошо поеть», «желанием выделиться» [Косуха, 1987: 45—46]. Интересно при этом, что за «церковную норму» авторы выдавали этнографические данные, восприятие церковных священнодействий в контексте народных верований [Там же: 44].

В подобном контексте украинские атеисты оперировали неким очень условным представлением о ценностной системе христианства, утверждая, что «люди религиозные счастье выносят за границы реального существования». Характерным можно считать следующее утверждение. После пассажа о «беззаботности, спокойствии и прохладе», «молочных и медовых реках» в загробном мире, которые обещает ислам, заявлялось: «Подобным образом представляют себе “небесную отчизну” приверженцы других религиозных направлений. Поэтому возникло представление о счастье как о высшем абсолютном покое, ради которого стоит пожертвовать суетной земной жизнью» [Саух, Довбенко, 1985: 23]. Непонимание сущности православного вероучения и нравственности подтверждается и другими высказываниями. К примеру: «По мысли деятелей культа, в служении людям, а не богу, нет никакого смысла, поскольку земное существование одинаково заканчивается смертью» [Там же: 26]. При этом такие огульные упрощения позволяли себе достаточно авторитетные религиоведы, поэтому речь идет не о популярных обобщениях пропагандистов, а об определенных ментальных и методологических подходах к православию, религии в целом, которые понимались очень поверхностно и с высоты не лучшего качества штампов.

Ментальное упрощение религиозной и церковной жизни вплоть до пренебрежения ее внутреннего содержания и законов нередко приводили к весьма странным интерпретациям тех или иных религиозных явлений. Примером таких интерпретаций могут быть рассуждения о богословском содержании иконописного канона с точки зрения советско-атеистических штампов о религии как идеологическом инструменте. В представлении автора главная задача иконописного канона — «отвращать молящихся от реального, земного мира и переносить их в мир “горний”, сверхъестественный», и «канон создавал шаблонную систему изображений божеств и святых, способствуя тем самым воссозданию у верующих во время посещения церкви стереотипных

образов» [Ковешникова, 1988: 38]. В результате иконопись превращалась в своего рода психологическое оружие, а средневековые художники становились кандидатами на звание «врагов народа», которые «понимали силу психофизиологического влияния цвета» и умело использовали свои знания для воздействия на массы [Там же]. Подобные обеднения смысла и огульные упрощения идейного содержания иконописи соседствовали с искусственной партикуляризацией эстетики от внутренних мотивов, заложенных в произведениях церковного искусства.

В целом можно отметить, что попытки работать с удобным и привычным «усредненным» образом религии были основаны на атеистическом понимании антропологии и грешили упрощением действительности. Но именно на таком отвлеченно-кабинетном понимании религии строилось отношение к церкви. Отсюда — непонимание ее природы, ее значения в жизни человека, выходящих за узкие рамки утилитарной рациональности или животной чувствительности, также естественно, как естественно для человека в реальной жизни руководствоваться целой палитрой душевных сил и стремлений, которые невозможно втиснуть в логическую прямолинейность.

«Укрощение» веры

Для позднесоветских атеистов было вполне очевидным, что религия не сводится к одному лишь примитивному искажению действительности под воздействием ряда психоэмоциональных или социальных факторов. Во второй половине 1980-х гг. украинские ученые понимали, что вера коренится глубоко в человеческой природе. Важным фактором стало и возрастание значения национально-патриотической проблематики в самосознании украинской интеллигенции. Это способствовало популяризации темы православия как важной составляющей национальной идентичности. В связи с этим вопрос борьбы с «общественно порочной» религиозностью мыслился не просто как отрицание религии, а в более широком контексте замещения религии секулярной духовностью.

В данном контексте примечательно отношение к обрядовой сфере церковной жизни. Так, предлагалось сохранить некоторые

церковные «обычаи» в виде гражданских обрядов. К примеру, выбор для ребенка крестных родителей считался хорошей традицией для укрепления социальных связей, поэтому атеистические авторы заявляли: «В целом можно говорить о пользе сохранения на безрелигиозной основе этого обычая» [Косуха, 1987: 44]. Как видим, социальная санкция давалась лишь тем аспектам церковной жизни, которые вписывались в атеистическое понимание общественно полезного.

Украинские ученые-атеисты пытались обосновать систему светской нравственности, которая должна была быть лишена религиозных оков: «Религиозной “заботе об индивиду” необходимо противопоставить научно обоснованный духовно-нравственный комплекс, понимая его как совокупность научного мировосприятия, гуманистической морали, высокой эстетической культуры, воплощенной в совершенных формах быта, предметно-вещевой среды, идейно и художественно высокоразвитой советской обрядовости и содержательного досуга» [Чекаль, 1989: 16]. В новых исторических условиях, когда атеизму возвращалось его гуманистическое содержание, предлагалось рассматривать атеизм как особую систему «духовной заботы» о человеке, для чего необходимо «постоянно уделять внимание духовному состоянию, развитию и самоутверждению личности» [Там же]. При этом атеистическое воспитание понималось как «кропотливая, терпеливая, наполненная заботой о человеке работа», целью которой должно было стать выявление и развитие «духовных сил, наклонностей и стремлений» ребенка [Пхиденко, 1989: 14]. Если в контексте общественно-политического дискурса важно было показать единство верующих и атеистов в решении назревших проблем страны, то в контексте научного подхода разрабатывалась возможность использования современных богословских идей в качестве основы для социальной активизации верующих, только уже «на безрелигиозной почве» [Бондаренко, 1989: 62].

Как видим, во второй половине 1980-х гг. украинские атеистические авторы пришли к пониманию того, что «вытеснение и преодоление религии в социалистической культуре» возможно не путем отрицания или компрометирования религиозности, а скорее через осознанное, рационально обоснованное замещение ее светской духовностью, основанной на безрелигиозной этике

[Шинкарук, 1985: 15]. При этом отношение к церковной жизни также стало намного сложнее. Предпринимались попытки приспособить глубоко укорененные церковные традиции и обычаи к потребностям светского общества. Однако в целом атеистическая интеллигенция (в своем стремлении «просветить» народ, показать приземленную практичность и утилитарность церковной жизни, сорвать с нее любой покров священного, как иллюзию, целенаправленный обман) с надменной пренебрежительностью относилась ко всему церковному и считала своим долгом либо вытеснить это из жизни народа, либо заставить служить ему тем образом, который считала оправданным.

Заключение

Позднесоветская научная интеллигенция Украины второй половины 1980-х гг. весьма насторожено восприняла возрастающий общественный интерес к религии. Причинами такого отношения были как отсутствие коммуникации с Церковью, так и сложившиеся традиции научного подхода к проблемам религии, корпоративная культура. В рассмотренных материалах показано, что украинская научная интеллигенция в своем отношении к религии и церкви опиралась на устойчивые кабинетные образы и штампы. В понимании сущности духовной жизни характерным был примат общественной пользы, что, по сути, лишало религиозность личности ее внутреннего содержания. Освобождение этики от любых форм религиозного обоснования, автономия нравственности составляли для убежденных советских интеллигентов-атеистов сердцевину их оппозиции церкви в мировоззренческом смысле. Страх оказаться скованными религиозной догмой и религиозной санкцией побуждал их, следуя голосу атеистической совести, вести борьбу за нерелигиозную мораль, всячески препятствовать влиянию церкви на общество или же пытаться это влияние контролировать. Основным методом борьбы с религией объявлялась замена ее секулярной «духовностью», что предполагало использование отдельных религиозных традиций и обычаев на безрелигиозной почве.

Список источников

- Бокоч В. М.* Взаємозв'язок суспільно-політичних і релігійно-церковних трансформацій: дисс. ... д-ра політ. наук. Одеса, 2021. 455 с.
- Бондаренко В.* Православ'я і сучасність // *Людина і світ.* 1989. № 1. С 62—63.
- Бондаренко В.* Самовдосконалення особи. Неспроможність релігійного тлумачення // *Людина і світ.* 1988. № 12. С. 46—49.
- Гордієнко М.* Нові православні святі // *Людина і світ.* 1989. № 11. С. 35—42.
- Гринів Є.* Вільнодумна «Руська трійця» // *Людина і світ.* 1986. № 11. С. 21—25.
- Зоц В.* Пріоритети людяності, гуманізму // *Людина і світ.* 1988. № 9. С. 3—7.
- Зумакулов В.* Релігія, атеїзм і громадська думка // *Людина і світ.* 1988. № 10. С. 9—11.
- Кисельов О.* Монографія «Культура. Релігія. Атеїзм» як документ часів перебудови // *Історія релігій в Україні: Науковий щорічник.* 2016. № 2—3. С. 43—50.
- Ковешникова О.* «Богослов'я у фарбах» або Колір у художній культурі християнського світу // *Людина і світ.* 1988. № 8. С. 38—40.
- Колмакова М. В.* Направления исследований религиозного сектантства в трудах советских ученых 60—80-х гг. XX в.: дис. ... канд. филос. наук: СПб., 2017. 229 с.
- Колодний А.* Актуальні проблеми української релігієзнавчої науки. До 25-тиліття Відділення релігієзнавства ІФ НАНУ // *Українське релігієзнавство.* 2015. № 76. С. 5—13.
- Колодний А.* Культурна містика нинішнього православ'я // *Людина і світ.* 1986. № 8. С. 56—61.
- Колодний А. Н., Филипович Л. А., Яроцкий П. Л.* Религиоведение Украины в советское время // *Вопросы религии и религиоведения.* Вып. VI: Антология отечественного религиоведения: Религиоведение Украины: сборник. Ч. 1: Феномен советского религиоведения: украинский контекст / сост. и общ. ред. Ю. П. Зуева, А. Н. Колодного, Л. А. Филипович, В. В. Шмидта, П. Л. Яроцкого. М.: Изд. дом «МедиаПром», 2010. С. 9—21.
- Косуха П.* Православна обрядовість: нові тенденції // *Людина і світ.* 1987. № 6. С. 43—46.
- Кралюк П.* Перший український полеміст // *Людина і світ.* 1987. № 9. С. 54—55.

- Кралюк П.* Стефан Зизаній — борець проти унії // *Людина і світ.* 1986. № 7. С. 50—51.
- «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI в. / сост., предисл., общ. ред. К. М. Антонова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 264 с.
- Панич О.* Науковий атеїзм як культурна система // *Українське релігієзнавство.* 2015. № 76. С. 21—35.
- Пхиденко І.* Школа і світоглядне виховання // *Людина і світ.* 1989. № 4. С. 13—15.
- Саух П., Довбенко В.* Щастя — єдине, земне // *Людина і світ.* 1985. № 11. С. 23—27.
- Смолкин В.* Свято место пусто не бывает. История советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.
- Суярко В.* Ставка на «молодіжну» релігію і церкву // *Людина і світ.* 1986. № 12. С. 51—54.
- Танчер В.* Шлях до духовної свободи // *Людина і світ.* 1988. № 2. С. 2—7.
- Танчер В.* Як буржуазні націоналісти і клерикали перекидають сутність національної культури // *Людина і світ.* 1985. № 7. С. 21—26.
- Толочко П., Устюжаніна О.* В чому увічнить себе душа // *Людина і світ.* 1988. № 1. С. 28—34.
- Фурсін І.* Апологія самозречення. Нотатки про релігійну обрядовість // *Людина і світ.* 1986. № 5. С. 44—46.
- Чекаль Л.* Релігійне утішання: причини, тенденції, альтернативи // *Людина і світ.* 1989. № 3. С. 15—17.
- Шинкарук В.* Історія духовної культури і релігія // *Людина і світ.* 1985. № 6. С. 13—20.
- Шуба О., Єфремов Ю.* Промисл божий чи реальна потреба? // *Людина і світ.* 1986. № 4. С. 40—46.
- Элбакян Е. С.* Феномен советского религиоведения // *Религиоведение.* 2011. № 3. С. 141—162.
- Янченко Л.* Прокрустове ложе догмата. Церковно-догматичний та естетичний зміст православного художнього канону // *Людина і світ.* 1989. № 6. С. 21—26.
- Яроцький П.* Апостоли папського престолу чи слов'янські просвітителі? // *Людина і світ.* 1986. № 11. С. 34—39; № 12. С. 30—36.

References

- Antonov, K. M. (ed.) (2015), “*Nauka o religii*”, “*Nauchnyi ateizm*”, “*Religiovedenie*”: aktual’nye problemy nauchnogo izucheniia religii v Rossii XX — nachala XXI v. [“The Science of Religion”, “Scientific Atheism”, “Religious Studies”: Urgent Problems of the Scientific Study of Religion in Russia in the XX — early XXI century], Pravoslavnyi Sviato-Tichonovskii humanitarnyi universitet, Moscow, Russia.
- Bokoch, V. M. (2021), *Vzajemozv’jazok suspil’no-politychnyh i religijno-cerkovnih transformacij* [Interrelationship of socio-political and religious-church transformations, D. Sc. (Polit.) Thesis], Odesa, Ukraine.
- Bondarenko, V. (1989), ‘Orthodoxy and modernity’, *Liudina i svit* [Human and the world], no. 1: 62—63.
- Bondarenko, V. (1988), ‘Self-improvement of the person. Failure of religious interpretation’, *Liudina i svit* [Human and the world], no. 12: 46—49.
- Chekal, L. (1989), ‘Religious Consolation: Causes, Trends, Alternatives’, *Liudina i svit* [Human and the world], no. 3: 15—17.
- Elbakyan, E. S. (2011), ‘The phenomenon of Soviet religious studies’, *Religiovedenie* [Religious studies], no. 3: 141—162.
- Fursin, I. (1986), ‘Apology of self-denial. Notes on religious rites’, *Liudina i svit* [Human and the world], no. 5: 44—46.
- Gordienko, M. (1989), ‘New Orthodox Saints’, *Liudina i svit* [Human and the world], no. 11: 35—42.
- Griniv, E. (1986), ‘Free-thinking “Russian Trinity”’, *Liudina i svit* [Human and the world], no. 11: 21—25.
- Kiselev, O. (2016), ‘Monograph “Culture. Religion Atheism” as a document of the times of perestroika’, *Istorija religij v Ukrai’ni: Naukovy shhorichnyk* [History of religion in Ukraine: Naukovii shhorichnik], no. 2—3: 43—50.
- Kolmakova, M. V. (2017), *Napravleniia issledovanii religioznogo sektantstva v trudakh sovetskikh uchenykh 60—80-kh gg. XX v.* [Directions of research of religious sectarianism in the works of Soviet scientists of the 60—80 20th century], D. Sc. (Philosophy) Thesis, St. Petersburg, Russia.
- Kolodnyi, A. (2015), ‘Actual problems of Ukrainian religious science. To the 25th anniversary of the Department of Religious Studies of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Ukraine’, *Ukrai’ns’ke religijeznavstvo* [Ukrainian religious studies], no. 76: 5—13.

- Kolodnyi, A. (1986), 'Cult mysticism of the current Orthodoxy', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 8: 56—61.
- Kolodny, A. N., Filipovich, L. A. and Yarotsky, P. L. (2010), 'Religious studies in Ukraine in Soviet times', in Zuev, Yu. P., Kolodnyi, A. N., Filipovich, L. A., Shmidt, V. V. and Yarotskiy, P. L. (ed.), *Voprosy religii i religiovedeniia. Vyp. VI: Antologiiia otechestvennogo religiovedeniia: Religiovedenie Ukrainy: sbornik. Chast' 1: Fenomen sovetskogo religiovedeniia: ukrainskii kontekst* [Questions of religion and religious studies. Issue VI: Anthology of national religious studies. Religious studies of Ukraine: collection. Part 1: The Phenomenon of Soviet Religious Studies: Ukrainian Context, Izdatel'skii dom "MediaProm", Moscow, Russia: 9—21.
- Kosukha, P. (1987), 'Orthodox ritualism: new trends', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 6: 43—46.
- Koveshnikova, O. (1988) "'Theology in colors" or Color in the artistic culture of the Christian world', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 8: 38—40.
- Kralyuk, P. (1987), 'The first Ukrainian polemicist', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 9: 54—55.
- Kraliuk, P. (1986), 'Stefan Zyzanii is a fighter against the union', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 7: 50—51.
- Panich, O. (2015), 'Scientific atheism as a cultural system', *Ukrai'ns'ke religijeznavstvo* [Ukrainian religious studies], no. 76: 21—35.
- Pkhidenko, I. (1989), 'School and ideological education', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 4: 13—15.
- Saukh, P. and Dovbenko, V. (1985), 'Happiness is only earthly', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 11: 23—27.
- Shinkaruk, V. (1985), 'History of spiritual culture and religion', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 6: 13—20.
- Shuba, O. and Efremov, Yu. (1986), 'Providence of God or a real need?', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 4: 40—46.
- Smolkin, V. (2021), *Sviato mesto pusto ne byvaet. Istoriia sovetskogo ateizma* [A holy place is never empty. History of Soviet atheism], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Suyarko, V. (1986), 'Bet on "youth" religion and church', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 12: 51—54.
- Tancher, V. (1988), 'The path to spiritual freedom', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 2: 2—7.
- Tancher, V. (1985), 'How bourgeois nationalists and clerics distort the essence of national culture', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 7: 21—26.

- Tolochko, P. and Ustiuzhanina, O. (1988), 'In what will the soul perpetuate itself', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 1: 28—34.
- Zots, V. (1988), 'Priorities of humanity, humanism', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 9: 3—7.
- Zumakulov, V. (1988), 'Religion, atheism and public opinion', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 10: 9—11.
- Yanchenko, L. (1989), 'Procrustean bed of dogma. Church-dogmatic and aesthetic content of the Orthodox artistic canon', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 6: 21—26.
- Yarotskiy, P. (1986), 'Apostles of the papal throne or Slavic educators?', *Liudina i svit* [Human and the world], no. 11: 34—39, no. 12: 30—36.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 05.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 05.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

P. A. Savchuk — PhD, научный рецензент, Издательский совет Русской Православной Церкви, Москва, Россия.

R. A. Savchuk — PhD, Scientific Reviewer, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Moscow, Russia.

**ЛИЧНОСТЬ
В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

**PERSONALITY IN THE DISCOURSE
OF INTELLIGENTSIA STUDIES**

Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 53—72.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 3. P. 53—72.

Научная статья

УДК 930.1(091)

DOI: 10.46725/IW.2022.3.3

**ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ 1494—1559 гг.
В ЛЕКЦИОННОМ КУРСЕ Т. Н. ГРАНОВСКОГО**

Дмитрий Валерьевич Мазарчук

Институт подготовки научных кадров, Национальная академия наук
Республики Беларусь, Минск, Беларусь,
bande_nere@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3023-2932>

Аннотация. Проблема преемственности исторической науки и высшего исторического образования является важной как для коммеморации сообщества историков, так и в практических целях уяснения содержания и особенностей развития общественной мысли в ту или иную эпоху. В этой связи обращение к истории исторической науки представляет собой необходимый элемент профессиональной культуры историков. С точки зрения изучения корней российской исторической науки

особое значение имеет исследование трудов и деятельности историков XIX в., включая одного из первых профессионалов в области всеобщей истории — Т. Н. Грановского. Итальянские войны 1494—1559 гг. являются важным периодом в истории межгосударственных отношений, изучение которых занимает достойное место в трудах историков прошлого и современности. Целью статьи является исследование места и роли Итальянских войн как явления западноевропейской истории в лекционном курсе Грановского. При этом поставлены следующие основные задачи: показать место истории Итальянских войн в лекционном курсе Грановского по истории Нового времени; провести анализ особенностей стиля, авторских предпочтений, подачи лекционного материала; оценить сделанные Грановским выводы в контексте современной историографии. Основной использованный в данном исследовании метод — сравнительно-исторический. На основании изучения особенностей рассмотрения в лекционном курсе Грановского истории Итальянских войн сделан вывод о состоянии изученности соответствующей тематики в российской науке первой половины XIX в. В частности, сделанные Грановским выводы о природе и последствиях общеевропейского конфликта конца XV — первой половины XVI в. коррелируют с достижениями современной историографии вопроса. В статье сделан вывод о существенном вкладе Грановского в российскую историческую науку. Сделанные выводы имеют значение в исследовании процесса эволюции распространения и трансляции исторических знаний, а также развития представления об уровне и особенностях развития российской исторической науки николаевского периода.

Ключевые слова: Т. Н. Грановский, «русская историческая школа», история Нового времени, Итальянские войны, историография

Для цитирования: Мазарчук Д. В. Итальянские войны 1494—1559 гг. в лекционном курсе Т. Н. Грановского // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 53—72.

ITALIAN WARS OF 1494—1559 IN LECTURE COURSE BY T. N. GRANOVSKY

Dmitry V. Mazarchuk

Graduate School, National Academy of Sciences
of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus,
bande_nere@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3023-2932>

Abstract. The problem of the continuity of historical science and higher historical education is important both for the commemoration of the community of historians and for practical purposes of understanding the content and characteristics of the development of social thought in a particular period. In this regard, an appeal to the history of historical science is a necessary element of the professional culture of historians. From the point of view of studying the roots of Russian historical science, the study of the works and activities of historians of the XIX century, including one of the first professionals in the field of world history, T. N. Granovsky, is of particular importance. Italian wars (1494—1559) are an important period in the history of interstate/international relations, the study of which occupies a worthy place in the works of historians of the past and present. The purpose of the article is to study the place and role of the Italian wars as a phenomenon of Western European history in Granovsky's lecture course. The following main tasks were set: to show the place of the history of the Italian wars in Granovsky's lecture course on the history of Modern age; to analyze the peculiarities of style, author's preferences, presentation of lecture material; to evaluate the conclusions made by Granovsky in the context of modern historiography. The main method used in this study is comparative-historical. Based on the study of the peculiarities of considering the history of the Italian wars in Granovsky's lecture course, a conclusion was made about the state of study of the relevant topic in Russian science in the first half of the XIX century. In particular, the conclusions made by Granovsky about the nature and consequences of the pan-European conflict at the end of the XV — first half of the XVI century correlate with the achievements of modern historiography of the issue. The article concludes that Granovsky made a significant contribution to the Russian historical science. The conclusions made are important in the study of the process of evolution of the dissemination and translation of historical knowledge, as well as

the development of ideas about the level and features of the development of Russian historical science in the Nikolay the First's period.

Keywords: T. N. Granovsky, “Russian historical school”, Modern history, Italian wars, historiography

For citation: Mazarchuk, D. V. (2022), ‘Italian wars of 1494—1559 in lecture course by T. N. Granovsky’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 53—72 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Тимофея Николаевича Грановского (1813—1855 гг.), вероятно, следует считать основателем не только российской медиевистики [Гутнова, 1985: 281; Историография истории Нового времени стран Европы и Америки, 1990: 175], но и новистики. Возглавляя на протяжении более полутора десятков лет кафедру всеобщей истории Московского университета, он читал лекционные курсы по всем основным «отделам» всемирной истории, включая Новое время. По сообщениям всех современников, лекции Грановского неизменно вызывали заинтересованность не только у студентов, но также у широкой публики.

Приведем всего одно, но зато очень авторитетное, мнение, высказанное студентом Московского университета, будущим великим историком С. М. Соловьёвым. В своих воспоминаниях он писал: «...Изложение Грановского можно сравнить с изящной картиной, которая дышит теплотой, где все фигуры ярко расцвечены, говорят, действуют перед вами» [Соловьёв, 1995: 565].

Будучи одним из членов «кружка Станкевича» (литературно-философской направленности), Грановский воспринял у своих товарищей интерес к философии истории Гегеля [Левандовский, 1989: 92]. Годы обучения в Германии (1836—1839 гг.), несомненно, развили в нем склонности к историософским штудиям, что впоследствии нашло отражение в его собственном понимании всемирной истории в лекционных курсах и публичных лекциях.

Целью своей деятельности Грановский всегда видел распространение в России просвещения, возможности для этого предоставляли ему преподавательская работа, журнальные публикации,

салоны [Там же: 112]. Вместе с тем, полученный отказ в создании собственного журнала не мог не укрепить в молодом профессоре решимости выражать свои общественно-политические взгляды за кафедрой университетской аудитории. Именно в этом Грановский нашел свое призвание.

На фоне бесцветных и малосодержательных лекций большинства университетских преподавателей того времени [Там же: 37—38], «чтения» с кафедры Тимофея Николаевича выделялись как по содержанию, так и по форме. Не случайно его первый биограф ставил Грановского в один ряд с драматургом Гоголем, критиком Белинским, поэтом Кольцовым, композитором Глинкой и живописцем Брюлловым [Станкевич, 1897: 97—98]. Эти лекции имели художественное значение и являлись ярким событием в общественной жизни России второго и третьего николаевских десятилетий.

Однако популярность лекций имела обратную сторону. Собственно научное наследие Грановского невелико. Одним из объяснений этого факта является огромное внимание, которое профессор уделял подготовке своих лекционных курсов, включая их художественную «отделку» [Бузескул, 1929: 55—56]. Публикациям он придавал не такое большое значение, как выступлениям перед слушателями: «Ему нужна была живая деятельность, и живое дело и наличные слушатели оставались для него всегда главными ее условиями» [Станкевич, 1897: 86].

Основное содержание выдержавших несколько изданий собраний его сочинений составляют лекционные курсы и публицистика. Помимо них перу Грановского принадлежат две диссертации и буквально несколько статей. Основным продуктом его творчества следует считать именно университетские лекции. Хорошо продуманные, содержательные, образующие целостное повествование курсы служили иллюстрацией общественно-политических воззрений их составителя. Приверженец европейского пути развития, Грановский посредством лекций вел пропаганду западничества и боролся со славянофилами («славянами»).

Итак, «место и значение Грановского не столько в истории нашей науки, сколько в истории Московского университета, в истории университетского преподавания всеобщей истории у нас» [Бузескул, 1929: 57]. Вместе с тем, как подчеркнула

Е. С. Кирсанова, к Грановскому нельзя относиться как к исключительно компилятору и лектору; «напротив, его представления являются результатом глубокой рефлексии в отношении трудов западных коллег и их переосмысления в контексте современной Грановскому российской реальности» [Кирсанова, 2014а: 48].

Как было отмечено, в основе лекционных курсов Грановского лежала продуманная и четко выраженная концепция, основанная на критически переосмысленной философии истории Гегеля. Грановский представлял динамику мировой истории «в борьбе развивающихся противоположений» [Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья..., 1961: 45]. Несмотря на то, что основное внимание в его научных публикациях и лекционных курсах занимает западноевропейское Средневековье, немало внимания он уделял и Новому времени. В «новое время» происходила непрерывная борьба «между уцелевшими элементами средних веков» и «новыми идеями» [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 33]. Очевидно, что одной из основных задач лекционного курса по данному периоду всемирной истории было продемонстрировать специфику, ход и основные характерные черты этой борьбы.

Постановка вопроса. В данной статье мы предполагаем раскрыть такие основные аспекты истории Итальянских войн в лекциях Грановского, как их причины, отображение хода событий и основных действующих лиц, итоги, а также место в общей концепции исторического процесса.

Источниковедческий обзор. Фактический материал для настоящей публикации дал изданный курс лекций Грановского по «новой истории» (XV—XVI вв.), прочитанный им в 1849/50 уч. г. студентам историко-филологического и юридического факультетов. Несмотря на то, что центральное место в этом курсе занимала Реформация, Итальянским войнам Тимофей Николаевич придавал важное значение. По его словам, это события, «в которых высказалось единство европейских народов, тесная связь между собой и быстрое распространение Реформации без которых не было возможно» [Там же: 122]. Всего курс 1849/50 уч. г. включал 43 темы. Итальянским войнам посвящены полностью лекции 16, 17, 22, 24, частично — некоторые другие.

Методология и методы исследования

Основными методологическими принципами данной статьи являются принципы историзма и научной объективности, применением которых к избранному материалу, цели и задачам исследования является историко-сравнительный метод.

Основная часть

Формат лекционного курса не позволил Т. Н. Грановскому всесторонне проанализировать проблему причин Итальянских войн, начавшихся с похода французского короля Карла VIII на Неаполь летом—осенью 1494 г. Московский профессор изложил прежде всего субъективные мотивы — желание Карла VIII и Людовика XII реализовать династические права [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 123—124, 127], а также писал о слабости раздробленной Италии в сравнении с другими государствами. Очевидно, что эта характеристика хорошо дополняет тезис Грановского об основной тенденции в политическом развитии Западной Европы раннего Нового времени — формировании централизованных национальных государств [Грановский Т. Н. Лекции 1848/49 г. (запись В. Собчакова), 1961: 97; Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 31]. На фоне Англии, Франции, Испании Италии «недоставало, однако же, чтобы занять приличное место между народами, политического единства и сознания единой национальности». В результате, «разбитая на множество враждебных друг другу государств, Италия представляла легкую добычу и внутри её лежащим странам, и внешним неприятелям» [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 69].

В целом верно и относительно подробно в лекциях передан ход событий первой (1494—1495 гг.), второй (1499—1504 гг.) и третьей (1508—1516 гг.) Итальянских войн. Также значительное место занимают описания хода первой войны Франсиска I и Карла V (1521—1526 гг.) и войны Коньякской лиги (1526—1530 гг.). Последующим кампаниям в лекциях уделено меньше внимания.

Нарратив Грановского опирался на названные им самим основные источники. При изложении истории Итальянских войн,

прежде всего, это труды Н. Макиавелли и П. Джовио, а также исторические сочинения XIX в. Следует отметить добросовестность проведенной лектором подготовительной работы: неизбежные в больших объемах фактического материала неточности встречаются у него очень редко. Отметим всего одну: будущий король Людовик XII не был усыновлен Карлом VIII, как пишет Грановский [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 127]. Неверная передача имени папы («Юлиан» [Там же: 128] вместо «Юлий»), вероятно, представляет собой опisku того, кто вел запись лекций. То же можно сказать и об авторстве упоминаемого в 8-й лекции «дневника одного из камергеров папских», приписанного Гвиччардини [Там же: 74] (на самом деле автором был Иоганн Бурхард).

Согласно Грановскому, работа историка предполагает пристальное внимание к двум аспектам исторического процесса: внутреннему, отраженному в религиозных движениях, и внешнему, отраженному в истории государства или государственных учреждений [Левандовский, 1989: 55—56]. В том и другом случае суть происходивших в обществе изменений московский историк нередко предпочитал отображать на примере т. н. «великих людей». Это исторические деятели, по его словам, «призванные на земле совершить то, что лежит в потребностях данной эпохи, в верованиях и желаниях данного времени, данного народа» [Грановский, 1900: 241].

Интерес к индивидуальным судьбам в объяснении хода истории Грановским объясняется как влиянием романтизма, так и общим идеалистическим подходом к пониманию исторического процесса, в котором Тимофей Николаевич видел закономерную эволюцию индивидуальностей. В результате, в его лекционном курсе «исторические сюжеты разворачиваются в раскрытии исторических образов людей» [Шевцова, 2016: 68]. Небольшие очерки, а в некоторых случаях — просто емкие характеристики ряда персоналий Нового времени, удачно дополняют событийный ряд.

Повествуя об Итальянских войнах, автор лекционного курса подробно характеризует такие ключевые фигуры, как Джироламо Савонарола, Чезаре Борджа, папа Юлий II, испанский король Филипп II. В качестве примера исторического портрета авторства Грановского приведем часть данной им характеристики

миланского правителя Лодовико «Моро» Сфорца: «В этом Людовике мы видим представителя тогдашней итальянской хитрой и бессовестной политики: общего итальянского патриотического чувства в нем не было. Всякое средство казалось ему дозволенным. Он был настоящий итальянец своей эпохи. Умный, образованный, ловкий, смотревший на призываемых французов как на варваров, с презрением» [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 124].

Характеристики вероломных и деградирующих итальянских князей («Моро», папы Климента VII) перемежаются портретами тех, кто стремился к политическому объединению Апеннинского полуострова, пусть и сомнительными средствами. Таков Чезаре Борджа, который, «несмотря на всю жестокость и безнравственность его политики, внушал такое уважение итальянским патриотам» [Там же: 128]. Таков Юлий II, который подчинил папский престол задаче «освобождения Италии от иноплеменников» [Там же: 129].

Внимание к биографическому материалу отличает не только лекционный курс по истории Нового времени, но и творчество Грановского в целом. По словам О. Л. Вайнштейна, «работы Грановского свидетельствуют об его способности удачно сгруппировать факты, выпукло обрисовать целую эпоху, дать в немногих чертах меткую характеристику исторической личности» [Вайнштейн, 1940: 299]. Среди немногих опубликованных Грановским работ есть биографический очерк одного из героев Итальянских войн — знаменитого Рыцаря без страха и упрека, Пьера Террайля де Баярда [Грановский, 1900].

Большое внимание в своем лекционном курсе Грановский уделил Никколо Макиавелли, одному из представителей «великих людей», который «стоит на рубеже между средним и новым миром» [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 98]. Историк четко разграничивал личность флорентинца и его наследие, выраженное в «политическом макиавеллизме». Высоко ставя Макиавелли как сочинителя и политика, он также ценил его человеческие качества: «Это был один из самых страстных и благородных характеров Италии» [Там же: 99].

Горячее желание Макиавелли вырвать Италию из уз раздробленности и немощи перед внешними угрозами не могло

не привлекать историка. Подобно флорентинцу Грановский скорбел об упадке Италии на фоне укрепляющихся национальных государств Европы и яркими красками рисовал последствия этого. Одновременно с этим в относительно небольших по объему лекциях не один раз звучит осуждение макиавеллиевских принципов и практик в политике Нового времени [Там же: 173, 175, 246, 274, 282]. Осуждая «политический макиавеллизм», историк вместе с тем защищал автора «Государя» от нападок. Грановский писал, что это сочинение «было написано вовсе не с какою-либо мелкою личною целью, это было выражение патриотических желаний и требований» [Там же: 103].

Вероятно, взгляды Макиавелли на причины краха итальянских государств перед лицом внешних агрессоров нашли отражение в том, как Грановский раскрыл вопрос предпосылок Итальянских войн. Характерна выдержка из 29-й лекции: «Разбитая на множество враждебных друг другу государств, Италия представляла легкую добычу и внутри ее лежащим странам, и внешним неприятелям; предвиденное тогда великими умами оправдалось в конце этого времени» [Там же: 69].

Тема раздробленности и междоусобиц итальянских государств как причин их слабости не раз повторяется в лекциях и других сочинениях Грановского [Там же: 71, 129; Грановский, 1900: 542]. Тем самым его творчество вписывается в долгую историческую традицию, связывающую период Итальянских войн с началом чужеземного порабощения Апеннинского полуострова. Так, характеризуя проигранное венецианцами в 1509 г. сражение при Аньяделло, Грановский писал: «Это была также последняя национальная битва, проигранная Италией. Надолго не видела после Италия национальных дружин своих» [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 131]. Родившись в исторических трудах Н. Макиавелли и Ф. Гвиччардини, идея «страдающей Италии» (*Italia travagliata*) [Rospocher, 2013: 93—94] сохраняла свою значимость до периода Рисорджименто, начальный этап которого застал при своей жизни Грановский.

Консервация политической раздробленности и фактическое порабощение итальянских княжеств и республик «великими державами» были не единственным итогом Итальянских войн.

В лекционном курсе 1849/50 уч. г. их последствиям уделено значительное место. Всего Грановский выделил пять основных итогов этого общеевропейского конфликта. Прежде чем их рассмотреть отметим, что лектор не раз подчеркивал то, что последствия Итальянских войн были далеко не только политические, «но эти войны имели другое, высшее значение» [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 176].

Для вышедшей из противостояния Габсбургов и Валуа победителем Испании Като-Камбрезийский мир 1559 г. позволил ее королю Филиппу II переместить фокус внимания с Италии на Нидерланды. Грановский увязал политическую победу Испании с идеологической победой принципов Тридентского собора. По его оценке, сохранение композитной монархии Филиппа II с ее идеологией «узкого католицизма» в последующем привело к истощению Испании, вынужденной тратить все силы на поддержание имперских амбиций [Там же: 240—242, 260]. Можно сказать, что таков общий геополитический итог конфликта 1494—1559 гг.

Что касается Италии, то для нее испанское владычество означало начало затяжного и всестороннего кризиса, предпосылки которого были заложены во второй половине XVI в.: «Итальянские владения Филиппа II, королевство обеих Сицилий и Миланское государство еще не сошли на ту низкую степень просвещения и общественного благосостояния, на которой мы видим их в XVII столетии» [Там же: 241—242].

Рассуждая о государственном устройстве Франции, Грановский приходит к выводу, что, не принеся территориальных приращений, на которые надеялись Карл VIII, Людовик XI и Франциск I, Итальянские войны дали сильный толчок монархической централизации страны. Почти непрерывное состояние напряжения, тотальной мобилизации социума (насколько можно так говорить применительно к доиндустриальному обществу) привели к укреплению связи между служилым дворянством и монархическим центром и формированию дворцовой культуры [Там же: 267]. Начало становления монархического абсолютизма как второй итог Итальянских войн Грановский относительно подробно рассмотрел на французском материале (лекция 38).

Сделанные в лекциях наблюдения укладываются в общую схему развития государственных институтов в Западной Европе,

основы которой Грановский заложил в своей докторской диссертации «Аббат Сугерий» (1849 г.). Считая главной тенденцией политического развития централизацию, осуществляемую во Франции монархической властью, автор диссертации отмечал, что Сугерий «положил первый камень политического здания, достроенного Людовиком XIV, т. е. французской монархии» [Грановский, 1900: 174]. Прогрессивность государственной централизации особенно хорошо видна при сравнении Франции (где этот процесс был наиболее завершённым) с другими странами. По самой форме изложения материала много возможностей для такого сравнения давал лекционный курс. Поэтому не случайно в лекциях по истории Нового времени уделено столько внимания рассмотрению путей государственного развития на материале Франции, Англии и Испании, с одной стороны, и Италии и Германии, с другой.

Третий итог конфликта заключается в существенных изменениях в военном деле, закрепившихся на протяжении конца XV — первой половины XVI в. Следуя традициям Н. Макиавелли и Ф. Гвиччардини [Макиавелли, 1982: 336; Гвиччардини, 2019: 62—63], Грановский сравнивает в своих лекциях «французский» и «итальянский» способы ведения войны. Если для итальянцев (как и испанцев) характерно стремление следовать заимствованным из античности правилам и избегать кровопролитий, то вторжение в 1494 г. на Апеннинский полуостров армии Карла VIII принесло невиданную ранее жестокость. В целом московский профессор отмечал особую кровопролитность Итальянских войн в сравнении с войнами Средневековья [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья, 1971: 126, 132, 161].

Собственно военные аспекты этого конфликта не привлекали специального внимания Грановского, который в своих лекциях не касался ни распространения огнестрельного оружия, ни новых способов организации армий или новых тактических приемов. Однако затронутый им единственный аспект военного дела данного периода остается актуальным для современных исследователей. Примечательно, что при этом они также отталкиваются от противопоставления «французского» и «итальянского» способов ведения войны [Santosuosso, 1994: 240; Clough, 1995:

191—194]. Речь идет об отходе от рыцарских идеалов и смене их новым этосом, примерами которого являются Гонсало Фернандес де Кордова и Педро Наварро, «которые вовсе не дорожили рыцарской честью» [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 132].

Четвертым результатом Итальянских войн было сложение международной системы европейских государств. Грановский писал об итогах первых трех войн: «...Эти войны произвели великие перемены в отношениях государственных. В течение средних веков народы европейские пришли в тесные связи между собой, и теперь образовалась система политического равновесия. Усилия Франции показали опасность другим державам» [Там же: 132]. Таким образом, не занимаясь специально вопросами межгосударственных отношений периода Возрождения, Грановский предвосхитил вывод, сделанный Ю. Е. Ивониным, который связал с Итальянскими войнами формирование системы европейских государств [Ивонин, 1989: 180—181].

Наконец, итогом войн является распространение ренессансных культурных традиций за пределы Апеннинского полуострова. Грановский писал, что именно «на классической почве Италии познакомились французы, немцы и испанцы с тем античным миром, который начинал возрождаться» [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 132]. Итальянские войны явились источником французского Возрождения периода правления Франциска I и последующих французских монархов [Там же: 267—269].

В заключение следует остановиться на литературе, использованной Грановским при подготовке лекционного курса. Эта задача облегчается тем, что сам профессор часто начинал тот или иной крупный лекционный блок (Реформация, история Франции и т. д.) с указания обобщающего труда или даже небольшого обзора исследовательской литературы. Приступая к описанию событий первых Итальянских войн, Грановский назвал в качестве основной литературы сочинение по истории папства Леопольда фон Ранке. Это был один из самых известных европейских историков того времени, лекции и семинары которого Грановский посещал во время обучения в Германии. Несмотря на это, рекомендуя

указанное сочинение, Тимофей Николаевич оговорил, что «Итальянские войны доселе не имеют еще отдельного историка: лучшая попытка в этом роде принадлежит Ranke» [Там же: 122].

Написанный в 1830-е гг. обобщающий труд германского историка [Ranke, 1834—1836] был впоследствии переведен на русский язык [Ранке, 1869]. Критически характеризуя эту нашу-мевшую в свое время работу, Грановский особо выделил приведенный в приложении к ней аннотированный обзор опубликованных источников по истории папства Нового времени. Следует также добавить, что в год чтения Грановским курса по «новой истории» типография Академии наук выпустила в свет сочинение публициста и историка Н. В. Савельева (Савельева-Ростиславича) [Савельев-Ростиславич, 1842]. Эта небольшая работа, озаглавленная так же, как последующий русский перевод труда Ранке, по-видимому, представляет собой его реферат. Учитывая то, что Грановский использовал книгу Ранке в оригинале и нигде не упоминает сочинение Савельева, маловероятно, что оно было учтено в его лекционном курсе.

Среди источников по истории Итальянских войн Грановский выделял сочинения Н. Макиавелли, характеристике которых он уделил много места в своем лекционном курсе [Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья..., 1971: 98—106]. Можно предполагать, что московский профессор нашел возможность познакомиться с гораздо более широким кругом нарративных источников, на что он сам мельком указывает [Там же: 132]. Кроме Макиавелли он прямо ссылается на труд Паоло Джовио и, косвенно, на сочинение биографа Баярда (вероятно, Жака де Мая) [Там же: 124, 132].

Заключение

Подводя итог, отметим, что лекционный курс 1849/50 уч. г. содержит связный рассказ о событиях 1494—1527 гг. на Апеннинском полуострове, связанных с соперничеством Франции и других «великих держав». Автор курса придавал Итальянским войнам большое значение, видя в них своего рода подготовительный этап к общеевропейскому процессу религиозной Реформации.

Таким образом, Итальянские войны занимают важное место в концепции исторического развития стран Западной Европы Т. Н. Грановского. Кроме того, сделанные им выводы относительно характера межгосударственных отношений в период Итальянских войн, а также становления нового воинского этоса, вполне адекватны современным тенденциям в историографии.

Общепринято, что Грановский является основателем «русской исторической школы» дореволюционного периода, а его творчество положило «начало серьезному изучению всеобщей истории в России» [Репина, 2019: 15]. Прделанный нами анализ позволяет говорить о том, что творческое наследие Грановского остается актуальным и для современной исторической науки.

Полагаем, что этот вывод вносит свой вклад в разрешение «старой дилеммы: Грановский — самостоятельный мыслитель, ученый или талантливый педагог, просветитель, популяризатор уже сформулированных и высказанных ранее другими мыслителями идей» [Кирсанова, 2014b: 121]. Отличаясь для своего времени новизной, лекции Т. Н. Грановского основывались на глубоком понимании их автором сути исторического процесса. Впервые в российской историографии рассмотрев Итальянские войны, Грановский также впервые обосновал их историческое значение.

Список источников

- Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1929. 218 с.
- Вайнштейн О. Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1940. 366 с.
- Гвиччардини Ф.* История Италии / пер. с ит. М. А. Юсима. Т. 1. М.: Канон+, 2019. 744 с.
- Грановский Т. Н.* Аббат Сугерий. Историческое исследование // Грановский Т. Н. Сочинения. 4-е изд. М.: Т-во. тип. А. И. Мамонтова, 1900. С. 173—240.
- Грановский Т. Н.* Лекции 1848/49 г. (запись В. Собчакова) // Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья (Авторский конспект

- и записи слушателей) / предисл., подготовка текста и примеч. С. А. Асиновской. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 88—198.
- Грановский Т. Н.* Рыцарь Баярд // Грановский Т. Н. Сочинения. 4-е изд. М.: Т-во. тип. А. И. Мамонтова, 1900. С. 540—554.
- Грановский Т. Н.* Тимур // Грановский Т. Н. Сочинения. 4-е изд. М.: Т-во. тип. А. И. Мамонтова, 1900. С. 241—250.
- Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М.: Высшая школа, 1985. 479 с.
- Ивонин Ю. Е.* Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск: Университетское, 1989. 199 с.
- Историография истории Нового времени стран Европы и Америки / под ред. И. П. Дементьевой. М.: Высшая школа, 1990. 512 с.
- Кирсанова Е. С.* Личность историка на пересечении мнений: о старых и новых подходах к изучению творчества Т. Н. Грановского // Диалог со временем. 2014а. № 47. С. 36—49.
- Кирсанова Е. С.* Образ Т. Н. Грановского в российской историографии второй половины XIX — начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014б. № 387. С. 121—126.
- Левандовский А. А.* Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М.: Изд-во МГУ, 1989. 253 с.
- Лекции Т. Н. Грановского по истории позднего средневековья (Записи слушателей с авторской правкой) / предисл., подгот. текста С. А. Асиновской. М.: Наука, 1971. 340 с.
- Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья (Авт. конспект и записи слушателей) / предисл., подгот. текста и примеч. С. А. Асиновской. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 240 с.
- Макиавелли Н.* Государь // Макиавелли Н. Избранные сочинения / пер. с ит. К. Долгова. М.: Худож. лит., 1982. С. 301—378.
- Ранке Л.* Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях / пер. с нем. Т. 1—2. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1869.
- Репина Л. П.* Концепции «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // Запад — Восток. 2019. № 12. С. 13—28.
- Савельев-Ростиславич Н. В.* Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1842. 68 с.
- Соловьёв С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьёв С. М.* Сочинения: в 18 кн. / отв. ред. Н. А. Иванов. Кн. 18. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 529—660.
- Станкевич А.* Биографический очерк // Т. Н. Грановский и его переписка: в 2 т. Т. 1. М.: Т-во. тип. А. И. Мамонтова, 1897. 284 с.

- Шевцова О. Н.* Образы европейского мира ранней Новой истории в лекционном курсе Т. Н. Грановского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 67—72.
- Clough C. H.* The Romagna Campaign of 1494: A Significant Military Encounter // *French Descent into Renaissance Italy, 1494—5: Antecedents and Effects* / ed. by D. Abulafia. Aldershot: Ashgate Publishing, 1995. P. 191—215.
- Ranke L.* Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten. Bd. 1—3. Berlin: Duncker und Humblot, 1834—1836.
- Rospoche M.* Songs of War. Historical and Literary Narratives of the “Horrendous Italian Wars” (1494—1559) // *Narrating War: Early Modern and Contemporary Perspectives*. Bologna; Berlin: Società editrice il Milano, Duncker und Humblot, 2013. P. 79—97.
- Santosuosso A.* Anatomy of Defeat in Renaissance Italy: The Battle of Fornovo in 1495 // *International History Review*. 1994. Vol. 16, no 2. P. 221—250.

References

- Asinovskaya, S. A. (comp.), (1961), *Leksii T. N. Granovskogo po istorii srednevekov'ia (Avtorskii konspekt i zapisi slushatelei)* [Lectures by T. N. Granovsky on the history of the Middle Ages (Author's abstract and student notes)], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, Russia.
- Asinovskaya, S. A. (comp.), (1971), *Leksii T. N. Granovskogo po istorii pozdnego srednevekov'ia (Zapisi slushatelei s avtorskoi pravkoi)* [Lectures by T. N. Granovsky on the history of the late Middle Ages (recordings of students with author's corrections)], Nauka, Moscow, Russia.
- Buzeskul, V. (1929), *Vseobshchaia istoriia i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka* [General history and its representatives in Russia in the XIX and early XX centuries], part 1, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Leningrad, Russia.
- Clough, C. H. (1995), 'The Romagna Campaign of 1494: A Significant Military Encounter', in Abulafia, D. (ed.), *French Descent into Renaissance Italy, 1494—5: Antecedents and Effects*, Ashgate Publishing, Aldershot, UK: 191—215.
- Dementieva, I. P. (ed.) (1990), *Istoriografiia istorii Novogo vremeni stran Evropy i Ameriki* [Historiography of the history of modern times in Europe and America], Vysshiaia shkola, Moscow, Russia.

- Gvichchardini, F. (2019), *Istoriia Italii* [History of Italy], Translated by Yusim, M. A., vol. 1, Kanon+, Moscow, Russia.
- Granovskiy, T. N. (1900), ‘Abbot Suger. Historical research’, in Granovskiy, T. N. *Sochineniia* [Compositions], 4th ed., Tipografiia Mamontova, Moscow, Russia: 173—240.
- Granovskiy, T. N. (1961), ‘Lectures 1848/49 (recorded by V. Sobchakov)’, in Asinovskya, S. A. (comp.), *Lektsii T. N. Granovskogo po istorii srednevekov’ia (Avtorskii konspekt i zapisi slushatelei)* [Lectures by T. N. Granovsky on the history of the Middle Ages (Author’s abstract and students’ notes)], Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, Russia: 88—198.
- Granovskiy, T. N. (1900), ‘Knight Bayard’, in Granovskiy, T. N. *Sochineniia* [Compositions], 4th ed., Tipografiia Mamontova, Moscow, Russia: 540—554.
- Granovskiy, T. N. (1900), ‘Timur’, in Granovskiy, T. N. *Sochineniia* [Compositions], 4th ed., Tipografiia Mamontova, Moscow, Russia: 241—250.
- Gutnova, E. V. (1985), *Istoriografiia istorii srednikh vekov* [Historiography of the history of the Middle Ages], Vysshiaia shkola, Moscow, Russia.
- Ivonin, Yu. E. (1989), *Stanovlenie evropeiskoi sistemy gosudarstv: Angliia i Gabsburgi na rubezhe dvukh epoch* [Formation of the European system of states: England and the Habsburgs at the turn of two eras], Universitetskoe, Minsk, Belarus.
- Kirsanova, E. S. (2014a), ‘The Personality of a Historian at the Crossroads of Opinions: On Old and New Approaches to the Study of T. N. Granovsky’s Creativity’, *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], no. 47: 36—49.
- Kirsanova, E. S. (2014b), ‘The image of T. N. Granovsky in Russian historiography of the second half of the XIX — early XX century’, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 387: 121—126.
- Levandovskiy, A. A. (1989), *T. N. Granovskii v russkom obshchestvennom dvizhenii* [T. N. Granovsky in the Russian social movement], Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.
- Makiavelli, N. (1982), ‘The Prince’, in Makiavelli, N. *Izbrannye sochineniia* [Selected writings], Translated by Dolgov, K., Khudozhestvennaia literatura, Moscow, Russia: 301—378.
- Ranke, L. (1834—1836), *Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten*, bd. 1—3, Duncker und Humblot, Berlin, Germany.
- Ranke, L. (1869), *Rimskie papy, ikh tserkov’ i gosudarstvo v XVI i XVII stoletiiakh* [Popes of Rome, their church and state in the XVI

- and XVII centuries], vol. 1—2, Tipografiia Glazunova, St. Petersburg, Russia.
- Repina, L. P. (2019), ‘The concepts of “one humanity” and “common past” in the intellectual heritage of the Russian historical school’, *Zapad — Vostok* [West — East], no. 12: 13—28.
- Rospocher, M. (2013), ‘Songs of War. Historical and Literary Narratives of the “Horrendous Italian Wars” (1494—1559)’, in *Narrating War: Early Modern and Contemporary Perspectives*, Società editrice il Milano, Duncker und Humblot, Bologna; Berlin, Italy — Germany: 79—97.
- Santosuosso, A. (1994), ‘Anatomy of Defeat in Renaissance Italy: The Battle of Fornovo in 1495’, *International History Review*, vol. 16, no. 2: 221—250.
- Saveliev-Rostislavich, N. V. (1842), *Rimskie papy, ikh tserkov’ i gosudarstvo v XVI i XVII stoletiiakh* [Popes of Rome, their church and state in the XVI and XVII centuries], Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, St. Petersburg, Russia.
- Shevtsova, O. N. (2016) ‘Images of the European world of early modern history in the lecture course of T. N. Granovsky’, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 1: 67—72.
- Soloviev, S. M. (1995), ‘My notes for my children, and if possible, for others’, in Soloviev, S. M. *Sochineniia v 18 knigakh, kniga 18: Raboty raznykh let* [Essays in 18 books, 18th book: Works of different years], Mysl’, Moscow, Russia: 529—660.
- Stankevich, A. (1897), ‘Biographical sketch’ in *T. N. Granovskii i ego perepiska v dvukh tomakh* [Granovsky and his correspondence in 2 volumes], vol. 1, Tipografiia Mamontova, Moscow, Russia.
- Weinstein, O. L. (1940), *Istoriografiia srednikh vekov v sviazi s razvitiem istoricheskoi mysli ot nachala srednikh vekov do nashikh dnei* [Historiography of the Middle Ages in connection with the development of historical thought from the beginning of the Middle Ages to the present day], Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatelstvo, Moscow — Leningrad, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 28.01.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Д. В. Мазарчук — кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной и методической работе, Институт подготовки научных кадров, Национальная академия наук Республики Беларусь, Минск, Беларусь.

D. V. Mazarchuk — Candidate of Science (History), Associate Professor, vice-rector for scientific and methodological work, Graduate School of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.

Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 73—92.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 3. P. 73—92.

Научная статья

УДК 7(091)(571)"18/19"

DOI: 10.46725/IW.2022.3.4

**ИНТЕРЕС М. Д. БУТИНА
К РАЗВИТИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
В СРЕДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.**

Виталий Викторович Ткачев

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
vitaliy.tkachev.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1057-3270>

Аннотация. Изучая историю Сибири, важно рассматривать деятельность отдельных представителей художественной интеллигенции, так как она влияла на развитие социокультурных связей в городском пространстве. Во второй половине XIX — начале XX в. возможно было посещать выставки, музеи, галереи и другие мероприятия, которые приобщали жителей к искусству и культуре Российской империи. Значимость исследования заключается в том, что проводится анализ архивных документов, которые раскрывают жизнь и деятельность М. Д. Бутина (1835—1907), историю создания художественной коллекции во второй половине XIX — начале XX в. Работа подтверждает то, что М. Д. Бутин участвовал в создании благоприятных условий для знакомства жителей с предметами искусства. Исследование позволяет раскрыть содержательную сторону художественных событий в городах Прибайкалья. Рассмотрению интереса М. Д. Бутина к развитию социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX в. и посвящена настоящая работа. При ее подготовке автор опирался на общенациональные методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, ретроспективный, а также принцип историзма.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. М. Д. Бутин участвовал в развитии социокультурных связей

Байкальской Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Деятельность Михаила Дмитриевича влияла на процесс приобщения жителей к предметам искусства. Он поддерживал работу общественных организаций, научные экспедиции, проведение художественных выставок и других просветительских мероприятий в регионе.

Многие интересы и идеи М. Д. Бутина в тех или иных областях культуры были реализованы при его жизни и после другими представителями художественной интеллигенции Байкальской Сибири.

Ключевые слова: История Сибири, Байкальская Сибирь, Иркутская губерния, Забайкальская область, городская культура, художественная жизнь, общественное мнение, художественная интеллигенция, творческие организации, художественные галереи

Для цитирования: Ткачев В. В. Интерес М. Д. Бутина к развитию социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX в. // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 73—92.

Original article

M. D. BUTIN'S INTEREST IN THE DEVELOPMENT OF SOCIO-CULTURAL TIES AMONG THE ARTISTIC INTELLIGENTSIA OF BAIKAL SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY

Vitaliy V. Tkachev

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
vitaliy.tkachev.96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1057-3270>

Abstract. Studying the history of Siberia, it is important to consider the activities of individual representatives of the artistic intelligentsia, since it influenced the development of socio-cultural ties in the urban space. In the second half of the XIX — early XX century it was possible to visit exhibitions, museums, galleries and other events that introduced residents to the art and culture of the Russian Empire. The significance of the research lies in the analysis of archival documents that reveal the life and work of M. D. Butin (1835—1907), as well as the history of the creation of an art collection in the second half of the XIX — early XX century. The work confirms that M. D. Butin participated in creating favorable conditions

for the residents to get acquainted with objects of art. The research allows to reveal the meaningful side of artistic events in the cities of the Baikal region. Consideration is given to M. D. Butin's interest in the development of socio-cultural ties among the artistic intelligentsia of Baikal Siberia in the second half of the XIX — early XX century and the present work is devoted. In preparing the article, the author relied on general historical research methods — historical-genetic, historical-comparative, problem-chronological, retrospective, as well as the principle of historicism.

The conducted research allows us to draw the following conclusions. M. D. Butin took part in the development of socio-cultural ties in Baikal Siberia in the second half of the XIX — early XX century. Activities by Mikhail Dmitrievich influenced the process of familiarizing residents with art objects. He supported the work of public organizations, scientific expeditions, art exhibitions and other educational events in the region.

Many interests and ideas of M. D. Butin in various fields of culture were fulfilled during his lifetime and after by other representatives of the artistic intelligentsia of Baikal Siberia.

Keywords: History of Siberia, Baikal Siberia, Irkutsk province, Trans-Baikal region, urban culture, artistic life, public opinion, artistic intelligentsia, creative organizations, art galleries

For citation: Tkachev, V. V. (2022), 'M. D. Butin's interest in the development of socio-cultural ties among the artistic intelligentsia of Baikal Siberia in the second half of the XIX — early XX century', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 73—92 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Современные отечественные исторические исследования направлены на изучение общественной деятельности купечества в городах Байкальской Сибири (Иркутской губернии и Забайкальской области) во второй половине XIX — начале XX в. Рассматривается и другая сторона, которая раскрывает жизнь отдельных представителей семейных династий. Данные работы показывают то, как купцы взаимодействовали с обществом. Известно, что они участвовали в создании общественных организаций и поддерживали их: Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (далее — ВСОИРГО), Общество распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, Общество

любителей музыки и литературы, Иркутское общество художников и др. Научные труды публикуют уникальные документы, которые показывают участие купечества в городских мероприятиях: выставках, лекциях, концертах. Источники подтверждают то, что огромные денежные средства от купцов поступали и на реализацию научных исследований, просветительских проектов.

Нерчинский и иркутский купец М. Д. Бутин (1835—1907) участвовал в процессе формирования художественной жизни Байкальского региона, приобщения городского общества к произведениям искусства [Шахеров, 2019: 132—181]. Михаил Дмитриевич собирал картины, рисунки, эскизы, скульптуры и другие предметы, которые представляли особую ценность. Он привлекал к участию в просветительских мероприятиях и жителей региона, так как считал это полезным для развития интеллектуального потенциала сибирского общества. В настоящий момент не существует подробных трудов, рассматривающих с разных сторон то пространство, которое было создано М. Д. Бутиным в данный период. Общественную деятельность Михаила Дмитриевича стоит рассматривать отдельно, так как исторические документы сохранили записи о том, что в отличие от других он стремился создавать общедоступные площадки (музеи и галереи), где городское общество знакомилось с художественными полотнами сибирских и западных мастеров. Также в данной работе впервые предпринята попытка рассмотреть, каким образом формировалась коллекция Михаила Дмитриевича, как происходило общение купца с другими представителями городского общества.

Данное исследование охватывает два важных периода в истории России: вторая половина XIX в. (1850—1900) и начало XX в. (1900—1917), так как именно в этот период художественная интеллигенция активно участвовала в процессе приобщения жителей Байкальской Сибири к искусству, культурным традициям России. Временные рамки включают жизнь и деятельность М. Д. Бутина (1835—1907). В это время Михаил Дмитриевич включается в общественную жизнь, создает общедоступные площадки, музей для проведения художественных мероприятий. Таким образом, период 1850—1917 гг. логично выделить в самостоятельный отрезок развития социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири.

Историографический обзор. Жизнь и деятельность М. Д. Бутина изучали многие сибирские исследователи. В научных трудах В. П. Шахерова [Шахеров, 2006: 15—22], Н. И. Гавриловой [Гаврилова, 2000: 24—27], О. В. Пешкова [Пешкова О. В., 2002: 119—144] и многих других рассматривается экономическая сторона деятельности нерчинского и иркутского купца, история торгового дома «Братьев Бутиных», но о его коллекции живописи сообщается мало. В 2006 г. выходит монография О. В. Ушаковой, где впервые во всех подробностях был представлен духовный, культурный рост Михаила Дмитриевича, его влияние на общественную жизнь Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. [Ушакова, 2006: 42—43]. Историк отмечает то, что многие документы о жизни М. Д. Бутина еще не изучены, требуют особого подхода при анализе. В работе содержится информация об истории формирования коллекции купца в Нерчинске, но о том, какие предметы были представлены в этом собрании, проследить сложно. О. В. Ушакова отмечает, что многие материалы по отдельным сюжетам утрачены, поэтому возникают затруднения при восстановлении исторических событий.

Историю развития художественного пространства Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX в., научную и выставочную деятельность общественных организаций рассматривали многие историки в своих статьях и монографиях. Многие сюжеты развития социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири были рассмотрены в работах Т. В. Паликовой: «Формирование музейного пространства городов Забайкалья рубежа XIX—XX веков» [Паликова, 2020: 148—154], «Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX — начало XX в.)» [Паликова, 2008: 16—18]. Так, о проведении художественных выставок в музее ВСОИРГО, городском общественном собрании, деятельности сибирских художников, можно познакомиться в научных трудах Т. Г. Ларевой [Ларева, 2015: 21—26], В. Ф. Чиркова [Чирков, 2014: 81—82], Л. В. Кошмана [Кошман, 2008: 348—349], В. П. Токарева [Токарев, 1973: 8—10], Е. С. Манзыревой [Манзырева, 2014: 294—299] и других исследователей.

Художественную жизнь Иркутской губернии, жизнь и творчество сибирских художников начала XX в. изучал Ю. П. Лыхин

[Лыхин, Крючкова, 2000: 122—126]. В его трудах можно встретить и сюжеты, связанные с развитием социокультурных связей в городском обществе. Так можно выделить книгу «Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX в.)», опубликованную в 2002 г. [Лыхин, 2002: 35—38]. В этой работе Ю. П. Лыхин подробно описывает разные события художественной жизни Байкальской Сибири, раскрывает их историческое значение, подчеркивает важность участия художников в просветительских выставках.

Особенно стоит выделить работы А. Д. Фатьянова, которые были посвящены анализу широкого круга источников: писем, переписки, официальных документов творческих организаций и т. д. В книгах «Судьба сокровищ» [Фатьянов, 1967: 12—13] и «Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии» [Фатьянов, 1995: 19—20] рассматривается подробная история появления картин иностранных художников в Иркутском областном художественном музее В. П. Сукачева. Также искусствовед рассматривал деятельность отдельных мастеров в ВСОИРГО [Фатьянов, 1990: 51—54].

Деятельность общественных организаций изучал в своих трудах Ю. П. Лыхин. Он собрал уникальный материал о жизни и творчестве сибирских и иностранных мастеров и организации художественных выставок в Иркутске в начале XX в. Также необходимо упомянуть о том, что общественной и научной деятельности ВСОИРГО посвящена монография иркутских исследователей, в которой фрагментарно представлены сюжеты, связанные с развитием художественного пространства Байкальского региона [Дамешек и др., 2012]. Вопросы о том, как происходил процесс приобщения городского общества к произведениям искусства, формирования художественной интеллигенции Байкальской Сибири начала XX в., поднимались ранее и автором данной статьи [Ткачев, 2021: 88—100].

Таким образом, краткий историографический обзор показывает: в работах сибирских исследователей представлена жизнь и деятельность М. Д. Бутина, история «Торгового дома братьев Бутиных». Однако в современной исторической науке не существует работ о том, каким образом коллекция Михаила Дмитриевича влияла на формирование художественного пространства Байкальской Сибири во второй половине XIX — начале XX в.

Данное исследование направлено на то, чтобы на основе архивных документов восстановить историю создания художественного собрания М. Д. Бутина в Нерчинске.

Постановка вопроса. Цель работы: на основе архивных источников рассмотреть интерес М. Д. Бутина к развитию социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири второй половины XIX — начала XX в.

Для достижения заявленной цели предполагается решить следующие исследовательские задачи:

— показать отражение в исторических источниках процесса организации социокультурных связей в среде художественной интеллигенции Байкальской Сибири;

— рассмотреть жизнь и деятельность М. Д. Бутина в рамках развития социокультурных связей в среде художественной интеллигенции второй половины XIX — начала XX в.;

— показать процесс создания М. Д. Бутиным художественной коллекции для городского общества Прибайкалья, а также создания благоприятных условий для развития творческого пространства.

Источниковедческий обзор. В настоящем исследовании используются материалы фонда ВСОИРГО, входящие в состав Государственного архива Иркутской области (ГАИО. Ф. 293). В фонде сохранились не только документы о деятельности общественной организации, но и статьи, заметки о М. Д. Бутине. Также в собрание входят научные труды самого выдающегося исследователя об экономическом, социальном, культурном развитии Забайкальской области и всего Байкальского региона во второй половине XIX — начале XX в.

При подготовке статьи были использованы: «Летопись города Иркутска за 1881—1901 гг.» [Романов, 1993: 112—114], «Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг.» [Романов, 1994: 12—15]. Летописи были составлены просветителем и подвижником сибирской культуры Н. С. Романовым, который большую часть своей жизни, начиная с 1908 г., scrupulously собирал факты о жизни Иркутска. В итоге получились объемные записи за период с 1881 по 1924 гг. Для нас особый интерес представляли его заметки о событиях, свидетелем которых он был непосредственно.

Летописные записи Н. С. Романова существенно дополняют сведения периодики о культурной жизни Прибайкальского

региона. В частности, о программах художественных и иных выставок. Кроме того, в летописи Н. Романова можно встретить впечатления организаторов, участников и посетителей культурных мероприятий. Летописи также богаты фактами о судьбах конкретных деятелей культуры, ученых и политиков Прибайкалья [Токарев, 1993: 4—6].

Методология и методы исследования

При подготовке статьи использовались общие методы исторического исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, ретроспективный, а также принцип историзма.

Основная часть

В городском обществе Байкальской Сибири коллекционеры нашли свое главное место как носители культуры, определенных взглядов, исследователи региона. Они отмечали в своих воспоминаниях, что художники выражали свои взгляды через произведения искусства: портреты, городские пейзажи и т. д. Коллекционеры писали о том, что многие проблемы мастеров поднимались на встречах с местной властью на общественных собраниях. Художники стремились улучшить свое положение в обществе. Они хотели создать творческие объединения, определиться с местом для показа своих живописных работ, создавать городские галереи и музеи. Также мастера предлагали совершенствовать сферу художественного образования. Отдельные аспекты, связанные с развитием художественной жизни Байкальской Сибири, можно найти в сохранившихся источниках личного происхождения коллекционеров: В. П. Сукачева, М. Д. Бутина, П. П. Баснина, П. Т. Баснина и других¹.

Купечество участвовало в художественных мероприятиях и поддерживало общественные организации. Большие вложения вносились в научные экспедиции и просветительскую деятельность ВСОИРГО. В 1854 г. был создан музей при ВСОИРГО, где

¹ Государственный архив Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 (далее: ГАИО).

демонстрировались предметы искусства. Научное объединение проводило выставки, просветительские лекции, экспедиции по изучению региона с участием известных сибирских и иностранных художников.

Во второй половине XIX — начале XX в. в коллекциях известных сибирских купеческих династий особое место занимают предметы искусства, раскрывающие особенности разных стилистических направлений, школ живописи. Иркутск, Верхнеудинск, Кяхта являлись известными каналами для реализации торговых отношений с центром и со многими странами запада и востока. Иркутские, Верхнеудинские, Нерчинские купцы привозили из Франции, Китая разные предметы, которые носили особую ценность. Коллекции В. Н. Баснина (1799—1876), А. М. Сибирякова (1849—1933), В. П. Сукачева (1849—1920), М. Д. Бутина (1835—1907) пополнялись редкими тканями, полотнами, рисунками, эскизами, статуэтками и украшениями. Известно, что в коллекции В. П. Сукачева находились полотна отечественных художников, которые являлись представителями нового демократического направления реалистического искусства в Российской империи. Также в собрании можно найти и картины немецких художников В. Векса, А. Тамма, француза Н. Пуссена, австрийца А. Ригера, итальянца Амиратто и многих других представителей западноевропейских направлений в живописи. В. П. Сукачев привозил не только оригиналы, но и копии работ мастеров, что тоже являлось для региона уникальным событием.

Картины являлись составной частью интерьеров купеческих усадеб Байкальской Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Местные жители и гости из других регионов посещали дома известных людей города и знакомились с произведениями искусства. Коллекционеры особенно обращали свои взгляды на художественные полотна, изображающие природу Сибири: леса, реки и озера. Так, во многих домах встречались пейзажи, раскрывающие историю региона. Многократно на полотнах художники изображали Байкал и его окрестности. Также в интерьерах можно увидеть и портреты членов купеческой семьи, руководящих лиц Сибири (губернаторов, генерал-губернаторов), которые мастера создавали по заказу владельцев домов. Таким образом, формировался особый взгляд на культуру, искусство

Российской империи и других стран. Предметы становились объектами сосредоточения внимания жителей Иркутской губернии и Забайкальской области.

Коллекционеры Байкальской Сибири активно знакомились с творчеством многих центральных художников, поддерживали связь и с местными творческими объединениями. Собrania частных галерей пополнялись новыми предметами изобразительного искусства. На выставках демонстрировались художественные полотна из коллекций сибирских купцов. Посетители знакомились с этими работами. У жителей городов формировалось представление о творчестве художников, направлениях в живописи, социальных, экономических, политических проблемах Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.

Многие коллекционеры в воспоминаниях отмечали, что сибирские мастера выражали свои взгляды через произведения искусства. Широкий спектр важных проблем поднимался и на общественных собраниях при встречах с местной властью. Обсуждались вопросы по созданию городских галерей и музеев, улучшению сферы художественного образования. Многие аспекты, связанные с развитием художественной жизни Байкальской Сибири, участием в мероприятиях представителей творческой интеллигенции, можно найти в источниках периодической печати.

В современной исторической науке особое внимание отведено изучению жизни и деятельности представителей купеческих династий, которые занимались общественной деятельностью. Формирование их интересов к актуальным и важным темам необходимо раскрывать в более подробном исследовании, так как все это влияет на развитие интеллектуальной среды. Историками было замечено, что в городах Байкальской Сибири создаются благоприятные условия для формирования культурного пространства: увеличивается численность населения, развиваются торговые отношения с другими регионами и т. д.

Научную и просветительскую работу общественных организаций Байкальской Сибири поддерживал М. Д. Бутин. Он собирал предметы искусства, книги и другие материалы, которые послужили основой для формирования в Забайкальском регионе художественного пространства. Также Михаил Дмитриевич поддерживал и художников. В результате такой работы создавались

благоприятные условия для творческого роста мастеров и приобщения жителей Забайкалья к искусству.

Бутин Михаил Дмитриевич (1835—1907) — нерчинский и иркутский купец 1-й гильдии, коммерции советник, известный общественный деятель, с 1870 г. член ВСОИРГО. М. Д. Бутин является автором известных трудов по экономическим, социальным, культурным вопросам: «Исторический очерк сношений русских с Китаем» (1871), «Письма из Америки» (1872), «Описание привилегированного устройства передвижения по рельсам и цепным подъёмам торфов и золотосодержащих песков» (1882), «К вопросу об улучшении благосостояния жителей Забайкальской области» (1886), «Николаевский чугуноплавильный, железоделательный и механический завод» (1891), «Сибирь. Ее дореформенные суды и условия ведения торговых и промышленных дел до сооружения Сибирской железной дороги» (1900), «Интересы Забайкалья и Приамурского края в таможенном и железнодорожных вопросах» (1903) и др.

Михаил Дмитриевич родился в семье нерчинского купца 3-й гильдии Дмитрия Михайловича. Предпринимательской деятельностью начал заниматься вместе с братом Николаем в качестве приказчика в фирме крупнейших забайкальских купцов Кандинских. В 1866 г. выступил в качестве соучредителя, открытого в Нерчинске «Торгового дома братьев Бутиных», развернувшего широкие операции по торговле хлебом, вином и мануфактурными товарами. Братьям принадлежали Николаевский (1872—1896) и Лучихинский (1892—1896) металлургические заводы, три винокуренных и один солеваренный завод, около 50 золотых приисков в Забайкальской, Амурской и Приморской областях, паровые суда на Амуре, Ангаре, Селенге. В 1872 г. организовал поездку в США, где посетил Нью-Йорк, Джорж-Таун, Чикаго, Сакраменто, Сан-Франциско, Вашингтон, штат Колорадо. На принадлежащих ему приисках постепенно вводятся усовершенствованные золотопромывательные машины, паровые двигатели; на Капитолинском и Дарасунских приисках — конно-железные дороги.

Выгодным приобретением «Торгового дома» явилась покупка в 1874 г. Николаевского железоделательного завода. Выплавка чугуна была доведена до 200 тыс. пудов, выделка железа

и изделий из него — до 150 тыс. пудов в год. За 1876/77 — 1883/84 гг. завод давал 1 436 569 руб. прибыли.

1870-е годы стали периодом расцвета «Торгового дома братьев Бутиных». Совместно с братом Николаем Михаилу Дмитриевичу принадлежала крупная недвижимость в Сретенске, Благовещенске, Чите, Верхнеудинске, Иркутске и Нерчинске, оцененная в 1884 г. в 650 тыс. руб.

В 1867 г. на средства М. Д. Бутина в Нерчинске открылась телеграфная станция, в 1868 г. — городская общественная библиотека и женское Софийское училище в память рано умершей жены.

М. Д. Бутин выступал не только талантливым руководителем предприятий, стремящимся к внедрению прогрессивных технологий, но и изобретателем. Сохранились дипломы на звание члена многих научных обществ, медали и ордена разных стран, полученные за «содействие наукам и просвещению» составляли огромную книгу. Большую серебряную медаль Парижской выставки 1878 г. М. Д. Бутин получит за изделия принадлежавшего ему Николевского железоделательного завода. За усовершенствование золотопромывательной машины и ее модель, представленную на Московской политехнической выставке в 1879 г., М. Д. Бутин получил золотую медаль общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В 1871 г. «Торговым домом братьев Бутиных» была принята научная экспедиция по исследованию нового, более выгодного пути из Нерчинска по Восточной Монголии через Долон-Нор и Губэй-Коу на Пекин и Тянь-Дзинь. Русское географическое общество высоко оценило «торгово-ученую экспедицию», наградив М. Д. Бутина серебряной медалью.

В своих трудах М. Д. Бутин обращал внимание на условия, которые помогали создать культурные центры в Забайкалье. Они являлись местами для приобщения жителей к произведениям искусства. В 1885 г. он писал: «Хотя в числе различных вопросов, предложенных для обсуждения в предстоящем втором съезде Господином губернатором Приамурского края, не значится специального вопроса о золотопромышленности, а таковой очевидно вошел в программу IV отдела съезда, но имея в виду значение его, вообще для Забайкалья, долгом считаю, между прочими

соображениями, коснуться в настоящей записке и вопроса о золотопромышленности. Известно, что Забайкалье располагает на огромной площади, где можно встретить природные и культурные богатства, а малочисленное население находится в слабой степени развития. Между тем, естественное богатство этой площади и культурные задатки населения дают твердое основание, что всякое улучшение для них, несомненно, принесет не только местную, но и общегосударственную пользу»².

М. Д. Бутин изучал экономическое состояние региона, которое влияло на культурное развитие общества. Он писал о том, что одна из лучших местностей Забайкалья, это Заяблонная часть. Богатство ее культуры неисчерпаемо. Большая часть области по почвенным условиям может быть использована для хлебопашества, в результате которого осваивалась земля. Огромные пространства являются у жителей лучшими для скотоводства. Залежи золота, серебра и других драгоценных металлов, составляют неисчерпаемый источник богатства. В силу климатических условий, малонаселенности, а также отсутствия капиталов и эффективных способов сбыта, хлебопашество в регионе слабо развито. Жители не пользуются своими природными богатствами для удовлетворения многих своих насущных потребностей.

М. Д. Бутин делал заметки в своих трудах о том, что в Заяблонной части Забайкалья хлебопашество находится в самом младенческом состоянии. Огромные пространства сибирской земли по причине малочисленности рабочих рук не возделываются. О своеобразиях ирригации полей, усовершенствованных земледельческих орудиях жители не знали. М. Д. Бутин предлагал изменить данную ситуацию, занимаясь просветительской деятельностью: проводил занятия для населения, на которых рассказывал о новых технологиях и способах обработки земли.

Семья М. Д. Бутина проживала в богатом каменном доме, расположенном на центральной улице Нерчинска. Сооружение этого здания началось в середине 1860-х гг. на бывшей территории усадьбы протоирея Кирилла (Суханова). Во дворце М. Д. Бутина мавританского стиля размещалось большое собрание живописи, скульптуры, книг (библиотека насчитывала 25—30 тысяч томов),

² Там же. Д. 603. Л. 2.

минералов, монет. Картины в большинстве были привезены из Франции. Частично поступили и от иркутского купца Н. Н. Пежемского (русские и иностранные монеты, большое количество минералов, окаменелостей, раковин и старинных вещей). Рассматривая старые фотографии комнат дворца, можно заметить, что в коллекции находились портреты, пейзажи, натюрморты. Так, в собрании хранился портрет Марии Александровны Бутиной, работа художника Н. Е. Маковского, портрет Петра I, изображение Иисуса Христа и Девы Марии и т. д. На стене одной из комнат можно было увидеть огромный витраж «Архангел Михаил поражает дьявола» работы Мюнхенской мастерской (1857).

Е. С. Манзырева упоминает в своих трудах о нескольких работах, которые входили в собрание М. Д. Бутина: «картины П. Н. Рязанцева, С. Вронского, предметы декоративно-прикладного искусства Китая (вазы, курильницы, скульптуры, фарфоровые изделия), мраморные копии образцов греческой и римской скульптуры, копии картин Т. А. Неффе “Купальщица в гроте”, Б. Э. Мурильо “Снятие Христа с креста” и “Христос с ягненком”, А. А. Корреджо “Святое семейство” и др., выполненные неизвестными художниками» [Манзырева, 2018: 59—64].

Многие иностранные и местные гости посещали дворец М. Д. Бутина. Сохранилось достаточно много воспоминаний о том, как жила купеческая семья в Нерчинске. Как писал американский журналист Джон Кеннан: «Попасть в этот замечательный дворец было для меня настоящим чудом. Когда я увидел в роскошном зале самое большое зеркало в мире, я стал протирать себе глаза, чтобы удостовериться, что я не сплю. Кто бы ожидал увидеть в глуши Восточной Сибири такой богатый дом с паркетными полами, шелковыми занавесками, дорогими обоями, с мягкими персидскими коврами, позолоченной мебелью, крытою атласом, старыми фламандскими картинами, галереей фамильных портретов, с оранжереей... Редко встречал подобное соединение пышности с тонким вкусом»³.

Данная коллекция послужила основой для создания в 1886 г. общественной библиотеки и публичного музея в Нерчинске. В 1930-е гг. предметы краеведческого музея были выброшены

³ Там же. Д. 809. Л. 7.

бывшим председателем городского совета М. Ф. Пастуховым в сарай и в другие, не пригодные для хранения места по причине смены власти в регионе. Часть картин и ваз удалось сохранить при передаче в Читинский областной краеведческий музей им. А. К. Кузнецова. Таким образом, историю отдельных предметов купеческой коллекции еще предстоит восстановить исследователям.

М. Д. Бутин выделял большие деньги на экспедиции в Сибирь, Китай, Монголию. Так, в одной экспедиции участвовал нерчинский художник П. Н. Рязанцев. Он создал работу «Благословение Шеретуя», портреты жителей населенных пунктов: Нерчинска, Кяхты, Благовещенска. Большие средства поступали от М. Д. Бутина для научной и просветительской деятельности ВСОИРГО⁴.

Таким образом, деятельность Михаила Дмитриевича способствовала экономическому, культурному развитию Байкальской Сибири во второй половине XIX — начале XX в. М. Д. Бутин изучал особенности культуры коренных народов, природные богатства Забайкалья, историю Сибири, Китая, Монголии, организовывал научные экспедиции, собирал уникальные, редкие предметы искусства. В результате долгой работы Михаил Дмитриевич создал большую коллекцию живописи, скульптуры, книг, редких монет, минералов и т. д. Для жителей Нерчинска открыл общественную библиотеку и публичный музей.

Заключение

Таким образом, события второй половины XIX — начала XX в. способствовали развитию общественного мнения об искусстве, творчестве известных мастеров. В данный период для жителей Байкальской Сибири проводились выставки, просветительские мероприятия, экскурсии, работали музеи и частные галереи. Формируется система художественного образования и просвещения. Постепенно расширялся кругозор знаний об истории, культуре, природных богатствах Российской империи. Появляется большое количество площадок для демонстрации посетителям живописных полотен. Образуются общественные организации. М. Д. Бутиным в Нерчинске создается общедоступный музей. В результате знакомства с произведениями искусства общество

⁴ Там же. Д. 325. Л. 26.

активно проявляло интерес к актуальным социальным проблемам. Жителей Байкальской Сибири волновали социальные, политические, экономические, культурные перемены, которые происходили во второй половине XIX — начале XX в.

Во второй половине XIX — начале XX в. сибирские коллекционеры участвовали в важном художественном процессе (в том числе и М. Д. Бутин): в формировании представлений жителей Байкальской Сибири о предметах изобразительного искусства. На основе коллекций, каталогов, литературы можно рассмотреть основные вопросы, которые поднимались в сибирском обществе. Это проблемы, связанные с развитием художественного образования в регионе, доступности людей к искусству, открытие музеев и частных галерей, отношения местной власти к художественному пространству. Исследование показало, что жизнь и деятельность М. Д. Бутина еще до конца не изучены и требуют поиска новых исторических документов, которые позволят определить основные этапы формирования художественной коллекции и музейного пространства Байкальской Сибири во второй половине XIX — начале XX в.

Список источников

- Гаврилова Н. И.* Сибирский американец // Земля Иркутская. 2000. № 12. С. 24—27.
- Дамешек Л. М., Гимельштейн А. В., Левченко В. А., Пушкина Т. Л.* Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО (1851—1931 гг.). Иркутск: ВостСибкнига, 2012. 240 с.
- Кошман Л. В.* Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
- Ларева Т. Г.* История изобразительного искусства Прибайкалья XX — начала XXI века. Иркутск: Принт Лайн, 2015. 616 с.
- Лыхин Ю. П.* Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. 336 с.
- Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А.* Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век — 1917 год): Биобиблиографический словарь. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. 408 с.
- Манзырева Е. С.* Художественная жизнь в Восточной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Байкальские встречи — VIII: историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития: материалы Междунар. науч.-практ.

- конф., Улан-Удэ, 11—13 сент. 2014 г. Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, 2014. С. 294—299.
- Манзырева Е. С.* История зарождения художественных выставок и музейных коллекций в городах Восточной Сибири (XIX — нач. XX в.) // Научное наследие И. И. Соктовой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 90-летию со дня рождения И. И. Соктовой, Улан-Удэ, 26—30 июня 2018 г. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2018. С. 59—64.
- Паликова Т. В.* Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX — начало XX в.). Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2008. 258 с.
- Паликова Т. В.* Формирование музейного пространства городов Забайкалья рубежа XIX—XX веков // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 148—154.
- Пешкова О. В.* Деятельность торгового дома «Братья Бутиных» // Сибирский город XVIII — начала XX в.: сб. ст. / отв. ред. В. П. Шахеров; Музей истории города Иркутска, Иркут. гос. ун-т. Иркутск: Отгиск, 2002. Вып. 4. С. 119—144.
- Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1881—1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 542 с.
- Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902—1924 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 559 с.
- Ткачев В. В.* Роль художественной интеллигенции в социокультурной жизни Байкальской Сибири начала XX в. (по материалам периодической печати) // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 88—100.
- Токарев В. П.* Художники Сибири XIX в. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. 117 с.
- Ушакова О. В.* Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья (60-е гг. XIX — начало XX в.). Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 2006. С. 42—43.
- Фатьянов А. Д.* Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 112 с.
- Фатьянов А. Д.* Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 352 с.
- Фатьянов А. Д.* Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.
- Чирков В. Ф.* Изобразительное искусство Сибири XVII — начала XXI в.: словарь-указатель в 2 т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. 815 с.

- Шахеров В. П.* Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск: Изд. дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.
- Шахеров В. П.* Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX — начала XX в.: коллективная монография. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 132—181.

References

- Chirkov, V. F. (2014), *Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII — nachala XXI veka: Slovar'-ukazatel' v 2 tomakh* [The Fine Arts of Siberia in the XVII — early XXI century: Dictionary-indicator in 2 volumes], Obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond “Vozrozhdenie Tobol'ska”, Tobol'sk, Russia.
- Dameshek, L. M., Gimel'shtein, A. V., Levchenko, V. A. and Pushkina, T. L. (2012), *Vystavki i kraevedcheskaia deiatel'nost' VSORGO (1851—1931 gg.)* [Exhibitions and local history activities of the VSORGO (1851—1931)], Vostochno-sibirskaiia kniga, Irkutsk, Russia.
- Fat'ianov, A. D. (1967), *Sud'ba sokrovishch* [The fate of the treasure], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Fat'ianov, A. D. (1990), *Vladimir Sukachev* [Vladimir Sukachev], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Fat'ianov, A. D. (1995), *Khudozhniki, vystavki, kollektcionery Irkutskoi gubernii* [Artists, exhibitions, collectors from Irkutsk province], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Gavrilova, N. I. (2000), ‘Siberian American’, *Zemlia Irkutskaiia*, [Irkutsk land], no. 12: 24—27.
- Koshman, L. V. (2008), *Gorod i gorodskaia zhizn' XIX stoletii: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [The city and urban life in the XIX century: social and cultural aspects], Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, Moscow, Russia.
- Lareva, T. G. (2015), *Istoriia izobrazitel'nogo iskusstva Pribaikal'ia XX — nachala XXI veka* [The history of the fine arts of the Baikal region of the XX beginning of the XXI century], Print Lain, Irkutsk, Russia.
- Lykhin, Yu. P. (2002), *Khudozhestvennaia zhizn' Irkutsk (pervaia chetvert' XX veka)* [Irkutsk Art Life (first quarter of the XX century)], Arkhitekturno-etnograficheskii muzei “Tal'tsy”, Irkutsk, Russia.
- Lykhin, Yu. P. and Kriuchkova, T. A. (2000), *Ikhopistsy, мастера i khudozhniki Irkutsk (XVII vek — 1917 god): Biobibliograficheskii slovar'* [Icon painters, craftsmen and artists of Irkutsk (XVII century — 1917):

- Biobibliographical dictionary], Arkhitekturno-etnograficheskii muzei “Tal’tsy”, Irkutsk, Russia.
- Manzyreva, E. S. (2014), ‘Artistic life in Eastern Siberia in the late XIX — early XX century’, *Baikal’skie vstrechi — VIII: istoriko-kul’turnoe nasledie regiona kak faktor sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Baikal Meetings — VIII: Historical and Cultural Heritage of the Region as a Factor of Socio-Economic Development: proceedings of the International scientific and practical conference], Ulan-Ude, Russia, 11—13 September 2014, Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi institut kul’tury, Ulan-Ude: 294—299.
- Manzyreva, E. S. (2018), ‘The history of the origin of art exhibitions and museum collections in the cities of Eastern Siberia (XIX — early XX century)’, *Nauchnoe nasledie I. I. Soktoevoi v svete aktual’nykh problem sovremennogo izobrazitel’nogo iskusstva: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Soktoevoi* [Scientific heritage of I. Soktoeva in the light of current problems of contemporary fine arts: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 90th anniversary of the birth of I. I. Soktoeva] Ulan-Ude, Russia, 26—30 June 2018, Buriatskii gosudarstvennyi universitet, Ulan-Ude: 59—64.
- Palikova, T. V. (2008), *Razvitie kul’tury gorodov Zabaikal’skoi oblasti (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Development of the culture of the cities of the Trans-Baikal region (second half of the XIX — early XX century)], Buriatskii gosudarstvennyi universitet, Ulan-Ude, Russia.
- Palikova, T. V. (2020), ‘Formation of the museum space of the cities of Transbaikalia at the turn of the XIX — XX century’, *Problemy sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri* [Problems of social and economic development of Siberia], no. 1: 148—154.
- Peshkova, O. V. (2002), ‘Activities of the Butin Brothers trading house’, in Shakhrov, V. P. (ed.), *Sibirskii gorod XVIII — nachala XX veka: sbornik statei* [Siberian city of the XVIII — early XX century: collection of articles], iss. 4, Ottisk, Irkutsk, Russia: 119—144.
- Romanov, N. S. (1993), *Letopis’ goroda Irkutsk za 1881—1901 gody* [Chronicle of the city of Irkutsk for 1881—1901], Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo, Irkutsk, Russia.
- Romanov, N. S. (1994), *Letopis’ goroda Irkutsk za 1902—1924 gody* [Chronicle of the city of Irkutsk, 1902—1924], Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo, Irkutsk, Russia.

- Shakherov, V. P. (2006), *Irkutsk kupecheskii: istoriia goroda v litsakh i sud'bach* [Merchant Irkutsk: the history of the city in faces and destinies], Izdatel'skii dom "Priamurskie vedomosti", Khabarovsk, Russia.
- Shakherov, V. P. (2019), 'Social and demographic characteristics of the urban population of the Irkutsk province', *Gosudarstvennaia vlast' i obshchestvo : na materialakh gorodov Irkutskoi gubernii XIX — nachala XX veka: kollektivnaia monografiia* [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX — early XX century: a collective monograph], Ottisk, Irkutsk, Russia: 132—181.
- Tkachev, V. V. (2021), 'The role of the artistic intelligentsia in the socio-cultural life of Baikal Siberia in the early twentieth century (based on materials from periodicals)', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 88—100.
- Tokarev, V. P. (1993), *Khudozhniki Sibiri XIX veka* [Artists of Siberia of the XIX century], Sibirskaiia izdatel'skaia firma "Nauka", Novosibirsk, Russia.
- Ushakova, O. V. (2006), *Mikhail Dmitrievich Butin. Predprinimatel' i metsenat Zabaikal'ia (60-e gody XIX — nachalo XX veka)* [Mikhail Dmitrievich Butin. Entrepreneur and philanthropist of Transbaikalia (60s of the XIX — early XX century)], Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Novosibirsk, Russia: 42—43.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

В. В. Ткачев — аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

V. V. Tkachev — postgraduate student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 93—112.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 3. P. 93—112.

Научная статья

УДК 94(430)"1944"

DOI: 10.46725/IW.2022.3.5

«ТЕНЕВОЙ КАНЦЛЕР» АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ ОППОЗИЦИИ КАРЛ ФРИДРИХ ГЁРДЕЛЕР И РОССИЯ

Борис Львович Хавкин

Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
novistor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Аннотация. Изучение истории антигитлеровского Сопротивления немцев и в XXI в. остается одной из актуальных задач историографии Второй мировой войны. В этой связи нуждается в более тщательном исследовании политика «теневого канцлера» консервативной антигитлеровской оппозиции Карла Фридриха Гёрделера, в частности, его отношение к России.

В статье на основе малоизвестных в России немецких источников (меморандумов, докладов и писем Гёрделера, протоколов Кальтенбрунера) рассматривается проблема политической альтернативы Гитлеру, которую часть военно-бюрократической и дипломатической элиты Германии выдвигала во время Второй мировой войны; определяются роль личности Гёрделера в консервативном Сопротивлении; изучаются взгляды Гёрделера на экономику и внешнюю политику Германии, в частности, на отношения к России, проблему заключения мира со странами антигитлеровской коалиции и определение места Германии в послевоенном мире.

Используя в рамках позитивистской методологии традиционные методы исторического исследования (исторический, логический, сравнительно-исторический, хронологический), автор на примере отношения Гёрделера к России прослеживает политическую эволюцию политика. Однако характерная для Гёрделера антисоветская односторонне прозападная (англо-американская) политическая линия объективно

была направлена на раскол антигитлеровской коалиции, чего лидеры Великобритании и США во время коалиционной войны не могли себе позволить, так как нуждались в СССР как в союзнике в борьбе с гитлеровской Германией.

Ключевые слова: Вторая мировая война, антинацистское Сопротивление в Германии, консервативная оппозиция Гитлеру, заговор 20 июля 1944 г., К. Ф. Гёрделер, «Кружок Крейсау», «ордолиберализм»

Для цитирования: Хавкин Б. Л. «Теневого канцлер» антигитлеровской оппозиции Карл Фридрих Гёрделер и Россия // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 93—112.

Original article

THE “SHADOW CHANCELLOR” OF THE ANTI-HITLER OPPOSITION KARL FRIEDRICH GOERDELER AND RUSSIA

Boris L. Khavkin

Historical and Archival Institute, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia,
novistor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Abstract. The study of the history of the anti-Hitler Resistance of the Germans to Hitler in the XXI century remains one of the urgent tasks of the historiography of the Second World War. In this regard, the policy of the “shadow chancellor” of the conservative anti-Hitler opposition, Karl Friedrich Goerdeler, needs a more thorough study, in particular, his attitude towards Russia.

The article, based on little-known German sources in Russia (memo-randa, reports and letters of Goerdeler, Kaltenbrunner protocols), examines the problem of a political alternative to Hitler, which part of the military-bureaucratic and diplomatic elite of Germany put forward during World War II; determines the role of Goerdeler’s personality in conservative Resistance; examines Goerdeler’s views on the economy and foreign policy of Germany, in particular, on relations to Russia, the problem of concluding peace and determining Germany’s place in the post-war world.

Using traditional methods of historical research (historical, logical, comparative-historical, chronological) within the framework of positivist

methodology, the author traces the political evolution of the politician by the example of Goerdeler's attitude to Russia. However, the anti-Soviet, unilaterally pro-Western (Anglo-American) political line characteristic of Goerdeler was objectively aimed at splitting the anti-Hitler coalition, which the leaders of Great Britain and the United States could not afford during the coalition war, since they needed the USSR as an ally in the fight against Nazi Germany.

Keywords: World War II, anti-Nazi Resistance in Germany, conservative opposition to Hitler, the conspiracy of July 20, 1944, K. F. Goerdeler, "Kreisau Circle", "ordoliberalism"

For citation: Khavkin, B. L. (2022), 'The "Shadow Chancellor" of the Anti-Hitler Opposition Karl Friedrich Goerdeler and Russia', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 93—112 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Изучение истории антигитлеровского Сопротивления немцев и в XXI в. остается одной из актуальных задач историографии Второй мировой войны. По словам историка из ФРГ П. Штайнбаха, «Сопротивление национал-социализму принадлежит к темам современной истории, к которым никогда не будет утрачен интерес, которые никогда не уйдут в прошлое» [Steinbach, 1994: 19]. В этой связи нуждается в более тщательном исследовании политика «теневого канцлера» консервативной антигитлеровской оппозиции Карла Фридриха Гёрделера, в частности, его отношение к СССР/России.

Карл Фридрих Гёрделер (1884—1945) — обер-бургомистр Лейпцига с 1930 по 1937 гг. В 1934—1935 гг. — рейхскомиссар по ценам в правительстве Гитлера. В 1935 г. ушел в отставку из-за серьезных разногласий с нацистами. С конца 1930-х годов находился в центре гражданской антигитлеровской оппозиции гитлеризму.

По наблюдению историка Г. Моммзена (ФРГ), примерно с осени 1938 г. Гёрделер стал «непримиримым критиком не только морального упадка и преступной политики, вызванных режимом, но и внутренней коррумпированности политической системы и прежде всего партии, а также аффилированных с ней союзов. Он рано убедился в том, что вопреки обещаниям режима вместо порядка

и справедливости установилась власть коррупции и произвола НСДАП, не поддающаяся никакому описанию» [Невский, 2019].

В многочисленных записках и проектах Гёрделера разрабатывались планы переустройства политической жизни Германии после государственного переворота. Гёрделер был готов занять пост рейхсканцлера. В результате провала покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Гёрделер был арестован. 8 сентября 1944 г. он был приговорен народным трибуналом к смерти. Казнен 2 февраля 1945 г.

Постановка вопроса. Цель работы — показать отношение Гёрделера к Советскому Союзу и сравнить его взгляды с представлениями о нашей стране других деятелей консервативной антигитлеровской фронды.

Историографический обзор. Факт существования в Третьем рейхе антигитлеровского Сопротивления, в котором участвовали представители традиционных консервативных элит Германии во главе с Гёрделером, многие годы ставился под сомнение советской исторической наукой. Однако этот факт доказан немецкой (ФРГ) и современной российской историографией. Деятельность Гёрделера изучена в трудах немецких историков: Г. Риттера [Ritter, 1956], М. Майер-Крахмер [Meyer-Krahmer, 1989], Г. Моммзена [Mommsen, 2003], П. Хоффмана [Hoffmann, 2013], Д. Рютера [Rüther, 2002: 315—373], И. Райх [Reich, 1997], российских авторов Л. А. Безыменского [Безыменский, 1987; Безыменский, 2004], Н. С. Черкасова [Черкасов, 2006], С. И. Невского [Невский, 2019], Б. Л. Хавкина [Хавкин, 2016: 133—161; Хавкин, 2017].

Источниковедческий обзор. Основными источниками по теме исследования являются меморандумы и экспертные доклады Гёрделера. В 1950—1960-е гг. они были опубликованы в ФРГ Г. Риттером и В. фон Шраммом [Geheime Denkschrift Goerdelers, 1956: 593—611; Goerdeler, 1965: 81—166]. Двухтомная публикация политических сочинений и писем Гёрделера, подготовленная С. Гильманом и Г. Моммзеном, вышла в свет в Мюнхене в 2003 г. [Politische Schriften..., 2003]

К сожалению, документов, характеризующих внешнеполитические планы Гёрделера и его отношение к России, не так уж много. Вот почему большой интерес вызвала публикация протоколов, которые велись созданной начальником Главного управления

имперской безопасности (РСХА) обергруппенфюрером СС Эрнстом Кальтенбруннером следственной комиссией СС по делу заговора 20 июля 1944 г. Почти каждый день Кальтенбруннер доносил о результатах следствия заместителю фюрера по партии партайгеноссе Мартину Борману, а тот докладывал Гитлеру. Так, в донесении 21 ноября 1944 г. указывалось, что «под влиянием Бека и Гёрделера, которые имели наибольший вес как будущие имперский наместник и имперский канцлер, со временем все сильнее определялось так называемое западное решение, имевшее целью создание фронта против Востока... Они надеялись на возможность союза с Англией и Америкой против России»¹.

Методология и методы исследования

Используя в рамках позитивистской методологии традиционные методы исторического исследования (исторический, логический, сравнительно-исторический, хронологический), автор на примере отношения Гёрделера к России прослеживает политическую эволюцию политика.

Основная часть

Гёрделер возглавлял «штатский сектор» германского консервативного Сопrotивления Гитлеру; сторонники Гёрделера ориентировались на Англию и США. Прозападную позицию Гёрделера разделяли президент рейхсбанка Ялмар Шахт, рейхс-комиссар прусского министерства финансов Йоханнес Попиц. Этой ориентации придерживались генералы Людвиг Бек, Вальтер фон Браухич, Эрвин фон Вицлебен, Карл фон Штюльпнагель, адмирал Вильгельм Канарис. После провала заговора 20 июля 1944 г. Канарис, возглавлявший военную разведку и контрразведку, на допросе показал: «Мы обсуждали возможности заключения мира. В первую очередь говорилось о том, чтобы заключить мир с западными державами и вместе с ними вести борьбу с большевиками»².

¹ 20. Juli — Spiegelbild einer Verschwörung : die Kaltenbrunner-Berichte an Bormann und Hitler. Stuttgart, 1961. S. 308, 492—495.

² Ebenda. S. 407.

Штаб Канариса был одним из центров заговора. Юрист Ханс фон Донаньи, с 1939 г. действуя под руководством заместителя Канариса генерал-майора Ханса Остера, разрабатывал правовые вопросы устранения Гитлера. Кроме Донаньи, в группу Остера входили Фальк Харнак и братья Клаус и Дитрих Бонхёффер.

Пастору и ученому-теологу Дитриху Бонхёфферу принадлежали слова, которыми руководствовались заговорщики: «попытка убрать Гитлера, даже если бы это означало убийство тирана, была бы по сути делом религиозного послушания; новые методы угнетения со стороны нацистов оправдывают новые способы неповиновения... Если мы утверждаем, что мы христиане, нечего рассуждать о целесообразности. Гитлер — это антихрист» [Bethge, 1977: 626—627; Метаксас, 2012].

Религиозный мотив в деятельности немецкого консервативного Сопротивления отмечал западногерманский историк Г. Ротфельс: «Участие [в заговоре против Гитлера. — Б. Х.] и сама смерть этих людей не определялась интересами какого-то класса, а были выражением протеста отдельных личностей, которые следовали истинным заветам консервативного мировоззрения и христианской набожности» [Rothfels, 1958: 98].

«Теневой канцлер» антигитлеровской оппозиции Карл Гёрделер надеялся, что британское правительство поддержит немецкое Сопротивление. Однако Уинстон Черчилль, жаждавший уничтожить не только нацизм, но и «пруссский милитаризм», категорически отказался принимать послания немецкой оппозиции. Черчилль был принципиально против «самых незначительных контактов» с немецкими противниками Гитлера, считая, что, чем больше немцы убивают друг друга, тем лучше [Ritter, 1954].

Тем не менее, Гёрделер упорно бомбардировал Лондон своими меморандумами. Осенью 1939 г., вскоре после нападения Германии на Польшу, Гёрделер, будучи в Швеции, направил заместителю статс-секретаря британского министерства иностранных дел лорду Ванситарту разработанные консервативной оппозицией условия мира с Великобританией [Hassel U. v., 1938—1944: 122]. Во время «странной войны» на Западе деятели немецкой консервативной оппозиции стремились к восстановлению германо-англо-французского «согласия», достигнутого в Мюнхене в 1938 г. В феврале 1940 г. лорду Галифаксу были переданы

мирные предложения германского дипломата Ульриха фон Хасселя. Тогда же, через проживавшего в Швейцарии бывшего канцлера Веймарской республики Й. Вирта, был установлен контакт группы Гёрделера с представителями британского Форин оффиса. Из Лондона были получены заверения, что британское правительство благосклонно рассмотрит предложения антигитлеровской оппозиции о заключении мира при одном условии: если Гёрделер и его сторонники придут к власти в Германии [Ritter, 1954: 253].

Предложения немецкой консервативной оппозиции сводились к закреплению статус-кво начала 1940 г. Гёрделер и его сторонники в обмен на мир предлагали Англии согласиться с присоединением к Германскому рейху большинства захваченных им к тому времени территорий: Австрии, большей части Чехословакии, Польши [Arthur, 1989].

В составленном в конце 1940 — начале 1941 г. (до нападения Германии на СССР) обширном меморандуме «Цель» Гёрделер отмечал: «Характер народа и центральное положение Германии в Европе в кругу других национальных государств принуждают германский рейх к сохранению достаточно сильного вермахта. Это внешнеполитически достижимо... Сохранение германского вермахта столь важно, что эта точка зрения должна выдвигаться на первый план в отношении момента и способа окончания данной войны. Вермахт необходим также и в качестве связующей внешнеполитической силы, и как школа воспитания народа... Предназначенное для Германии большое хозяйственное пространство — это определено Европа... Центральное положение в Европе, численная сила населения и предельное напряжение производственной мощи гарантируют немецкому народу руководство европейским блоком, если только он сам не подорвет это руководство неумеренностью или властолюбивыми манерами. Говорить о немецком сверхчеловеке-господине глупо и самонадеянно... Руководства Европой достигнет та нация, которая как раз уважает малые нации и умеет руководить их судьбами мудрым советом и мудрой рукой, а не жестокой силой... Предпринимая же все возможное для того, чтобы сделать руководство незаметным, подчеркнуто давая внешнее преимущество другим, можно играючи вести европейские государства к общему благу» [Ritter, 1954: 320].

Целью Гёрделера являлось установление в Германии авторитарно-сословного режима в форме парламентской монархии. По сравнению с Веймарской республикой это был бы шаг назад. Наиболее подходящей кандидатурой на трон германского императора Гёрделер считал Луи-Фердинанда Прусского, второго сына кронпринца Вильгельма. Луи-Фердинанд разделял антигитлеровские патриотические настроения германской консервативной оппозиции (хотя и не участвовал в ее деятельности) и был династическими узами связан с Россией: его жена, принцесса Кира, была дочерью российского императора в изгнании Кирилла Владимировича; она пользовалась большим уважением в немецких монархических кругах, что вряд ли способствовало бы улучшению отношений послевоенной Германии с Советским Союзом. Впрочем, Гёрделер не ставил такой задачи. «На Востоке никакое плодотворное экономическое и политическое сотрудничество с большевистской Россией развиваться не может, — писал он в меморандуме “Цель”, — Весь опыт истории предостерегает нас от насильственного вмешательства [в дела России — Б. Х.]. Оно может вызвать к жизни невиданные национальные силы. При всех условиях рекомендуется постоянный контакт с Англией, США, Китаем и Японией. Целью должно быть постепенное включение России в европейское объединение, в котором доминировала бы Германия. Федерация европейских государств под германским главенством станет через 10—15 лет фактом» [Финкер, 2004: 73—74].

Если Гёрделер был сторонником сохранения и укрепления Германской империи в довоенных границах, то лидеры антинацистского «Кружка Крейсау»³ Хельмут Джеймс фон Мольтке и Петер Йорк фон Вартенбург мечтали о будущей свободной и децентрализованной Германии, федерации земель, равноправном члене европейского союза наций, может быть, даже с единой для всей Европы (но без России и Англии) валютой и общими вооруженными силами.

³ «Кружок Крейсау» (*Kreisauer Kreis* — по названию поместья Крейсау в Верхней Силезии). Негласный дискуссионный клуб противников Гитлера — сторонников христианского социализма. Ullrich V. Der Kreisauer Kreis. Hamburg, 2008.

В разработанном «Кружком Крейсау» документе «Основные принципы нового порядка» (известном также как проект Мольтке от 9 августа 1943 г.) историческая и политическая ответственность за нацизм и войну возлагалась на Третий рейх, чей «бессвязный, основанный исключительно на господстве техники строй» потерпел крах. В документе говорилось, что «после дня “X”» необходимо не просто вернуться к Веймарскому «многопартийному государству», ценности которого члены «Кружка Крейсау» считали в значительной степени дискредитированными, но создать новую Германию. Мольтке и его единомышленники стремились к духовному и политическому обновлению Германии, которое рассматривалось ими в качестве альтернативы тоталитарной диктатуре нацистов. Новый «внутренний порядок должен стать основой для справедливого и длительного мира», путь к созданию которого «лежит, очевидно, в решительном и действенном воплощении в жизнь христианского наследия» [Volker, 2008: 67—81].

Внешнеполитические взгляды членов «Кружка Крейсау» и воззрения единомышленников Гёрделера существенно отличались. Теодор Штельцер, один из участников этого кружка, так описывал разногласия с Гёрделером: «Следующее разногласие касалось отношения к России. Мы в своем кружке придерживались того взгляда, что она принадлежит к Европе. При мирном урегулировании она должна была сказать свое веское слово, а отсюда проистекает необходимость сотрудничества с нею... Мы единодушно держались той точки зрения, что Россия должна являться неотъемлемым фактором будущего европейского порядка» [Финкер, 2004: 141].

Однако между программами Гёрделера и «Кружка Крейсау» было и нечто общее: у них была общая экономическая основа — «ордолиберализм» (от лат. «ordo» — порядок и «liberalis» — свободный) — немецкая ветвь неолиберализма, объединявшая видных немецких экономистов вокруг ежегодника «Ордо» и его главного редактора В. Ойкена. Смысл ордолиберального учения сводится к тому, что «государство в сущности ограничивается формированием экономического строя, тогда как само по себе регулирование и ход хозяйственного процесса происходят спонтанно» [Афанасьев, 2003: 71]. После Второй мировой войны

некоторые идеи «ордолиберализма» воплотились в ФРГ в реформе Л. Эрхардта, с которой началось знаменитое «немецкое экономическое чудо».

Планы разных групп консервативной оппозиции Гитлеру объединяло и их стремление к миру. 30 мая 1941 г. Гёрделер выдвинул мирный план, составленный при участии руководства фирмы «Бош» и одобренный главкомом сухопутных сил генерал-фельдмаршалом В. фон Браухичем. План предназначался для передачи британскому правительству: «Группа германских деятелей, являющихся руководящими лицами во всех сферах жизни, готова взять на себя ответственность за формирование такого правительства [Германии], которое бы в подходящий момент осуществило свою легитимацию посредством свободного волеизъявления немецкого народа. Все соответствующие действия носили бы исключительно внутригерманский характер. Поэтому вышеупомянутые авторитетные лица уже теперь хотят выяснить вопрос, смогут ли (вскоре после успешного начала деятельности этого отвергающего национал-социализм правительства) быть начаты, согласно прежним заверениям британского правительства, мирные переговоры» [Вторая мировая война: два взгляда, 1995].

После блицкрига вермахта на Западе в 1940 г. внешнеполитические требования консервативной оппозиции существенно расширились. Мирный план от 30 мая 1941 г. содержал далеко идущие политические и территориальные требования Германии. Гёрделер и его единомышленники желали не только восстановления границ Германской империи 1914 г. на Востоке, но и присоединения к рейху Эльзас-Лотарингии на Западе. Авторы плана хотели сохранить за Германией захваченные ей территории, требовали возврата Германии колоний, утраченных ей после поражения в Первой мировой войне. Эта программа германских аннексий вызвала неудовольствие английских друзей Гёрделера. Британское правительство отказалось даже принять этот документ.

После поражения, нанесенного вермахту Красной армией под Москвой зимой 1941—1942 гг., Гёрделер сократил свои территориальные притязания, в особенности в отношении западных границ Германии.

Гёрделер и его сторонники среди немецких дипломатов и военных во внешней политике ориентировались на Великобританию и США. Но среди противников Гитлера, готовивших государственный переворот 20 июля 1944 г., были и сторонники заключения мира с СССР и налаживания с ним взаимовыгодных равноправных отношений по образцу советско-германского сотрудничества периода Рапалло — К. фон Штауффенберг, Х. фон Тресков, Р.-К. фон Герсдорф.

Социал-демократ А. Рейхвейн, по планам заговорщиков он должен был стать министром культуры в послегитлеровском правительстве Германии, видел в СССР «великую и мощную страну будущего, без которой и против которой отныне невозможна никакая европейская политика» [Ritter, 1954: 334]. Эти взгляды разделял бывший посол Германии в СССР граф Ф. В. фон дер Шуленбург, убежденный сторонник добрососедских германско-советских отношений, которому заговорщики прочили пост нового министра иностранных дел Германии. В этом качестве кандидатуру Шуленбурга поддерживал «теневого канцлер» Гёрделер [Der 20. Juli 1944..., 1994: 140], так как «граф Шуленбург и сегодня надеется достичь договоренности со Сталиным» [Venohr, 1990: 208—210, 349].

В апреле 1942 г. Гёрделер избрал в качестве своих посредников в переговорах между германской консервативной оппозицией и правящими кругами Великобритании и США шведских банкиров братьев Якоба и Маркуса Валленбергов (их племянником был шведский дипломат Рауль Валленберг, спасший от уничтожения нацистами 100 тыс. венгерских евреев [Бирман, 2001: 127]). Клан Валленбергов был тесно связан с английскими, немецкими, американскими банками и фирмами. Гёрделер просил Якоба Валленберга узнать в Лондоне, что получила бы оппозиция в случае государственного переворота в Германии. Ответ Якоба Валленберга последовал в ноябре 1942 г.: шведский банкир не без иронии посоветовал немецкому коллеге, если он на самом деле собирается действовать, не отягощать Лондон бесконечными запросами.

В декабре 1942 г. был составлен новый проект обращения Гёрделера к Англии, в котором лидер немецкой консервативной оппозиции выдвигал компромиссное решение проблемы

Эльзас-Лотарингии. Предполагалось на основе плебисцита решить вопрос о присоединении франкоговорящей части населения этих территорий вместе с их землями к Франции, а говорящих по-немецки жителей включить вместе с их территорией в состав рейха. Вопрос о колониях для Германии Гёрделер предлагал оставить открытым для обсуждения.

В феврале 1943 г. Гёрделер сообщил Якобу Валленбергу, что заговорщики подготовили план переворота, намеченного на март. 26 марта 1943 г., через два месяца после победы Красной армии в Сталинградской битве, Гёрделер написал свой очередной меморандум. Этот документ был предназначен для германского генералитета и представлял собой развернутую программу действий. Гёрделер нарисовал перед генералами тревожную картину, хотя и заявлял, что верит в превосходство немецкого оружия, как в Евангелие. Тем не менее, «война находится в безнадежной стадии. Силы армии и нации истощаются. Продовольственное положение ухудшилось. Военная промышленность топчется на месте. Население недовольно. Германии грозит “практическая большевизация”» [Ritter, 1954: 577]. Гитлер не проявил себя настоящим полководцем. Союзники Германии не верят в ее победу и готовятся к сепаратному миру. Прежними методами войну выиграть нельзя». Возможность выиграть войну, писал Гёрделер, лежит в другой области. Еще возможно «достичь ведущего положения Германии на континенте». Но как? Ответ: в блоке с США и Англией. «Обе англосаксонские державы, как и Германия, жизненно заинтересованы в том, чтобы большевизм не проник дальше на Запад. Только Германия может сдержать большевизм». Политику блока с США и Англией должно осуществить новое правительство монархического типа, опирающееся на вермахт. Войну на Востоке следует продолжать, ибо разрядка в отношениях с западными державами «облегчит... сосредоточение всех военных сил немецкого народа на Востоке» [Ritter, 1954: 577; Безыменский, 2016: 290—291].

В меморандуме Гёрделера от 26 марта 1943 г. отмечается, что время для приобретения Германией колоний ушло. Однако в Европе рейх еще мог бы сохранить за собой Австрию, Судеты и даже Южный Тироль. Другими территориями придется пожертвовать в качестве платы за мир. Однако за их утрату Гёрделер

рассчитывал получить «компенсацию» за счет земель на Востоке, т. е. Польши и СССР [Ritter, 1954: 587—588]. Гёрделер полагал, что граница между Германией и Польшей должна быть установлена соглашением Великобритании и США. «Если такое соглашение будет достигнуто, Германия гарантирует границы Польши и будет способствовать образованию польско-литовской унии. На востоке Польши освобождается русская территория до границ 1938 года». Германия, указывал Гёрделер, даже «готова воевать за обеспечение восточных границ Польши» [Мельников, 1962: 231]. В мае 1943 г. Гёрделер через М. Валленберга передал на Запад свои условия мира, основанные на тезисах мартовского меморандума.

Адмирал Канарис, арестованный после провала антигитлеровского путча 20 июля 1944 г., на допросе в гестапо рассказал об ответе Валленберга, содержавшем изложение позиции англичан: «Мы при случае обсуждали возможности мира. В первую очередь о том, чтобы заключить мир с западными державами и вместе с ними совместно бороться с большевиками. Фельдмаршал Клюге спросил меня, какой компромисс может быть достигнут с англичанами. Я мог ему сообщить лишь то, что через месяц Валленберг изложил как английскую позицию: на востоке границы 1914 года; Польша и Литва должны образовать государственную унию и, ввиду их антибольшевистских настроений, примкнуть к Германии; Австрия и Судетская область остаются немецкими, Южный Тироль вплоть до линии Боцен — Меран снова будет немецким, район Эйпен — Мальмеди остается немецким, об Эльзасе — Лотарингии Германия будет вести непосредственные переговоры. Германский суверенитет неприкосновенен, никаких репараций, вместо них совместное восстановление Европы, экономическое объединение европейских государств без России» [Безыменский, 1987: 225—226].

В донесениях Кальтенбруннера говорилось, что осенью 1943 г. после поражения вермахта в Курской битве, «Гёрделер и Тресков беседовали о возможности перебросить бывшего посла графа фон дер Шуленбурга через линию Восточного фронта. Идея, которую отстаивал Тресков, была примерно такова: Шуленбург — один из немногих немцев, лично знающих Сталина, а потому должен вновь установить с ним контакт. Если Шуленбург

придет со Сталиным к положительному результату, следует осуществить в Германии военную акцию [по свержению гитлеровского режима]. Имело значение то обстоятельство, что Шуленбург всегда отговаривал от войны против Советского Союза» [Финклер, 2004: 173]⁴. Однако Гёрделер не одобрил этот план не только вследствие его крайней авантюристичности, но и из-за того, что все еще рассчитывал договориться с Англией за счет интересов СССР.

В меморандуме, написанном осенью 1943 г., Гёрделер возвращается к идее направленного против СССР англо-германского сговора по вопросу раздела территорий на востоке Европы. «Существование Польши зависит от того, сможет ли Германия удержать фронт на границах Польши 1938 года» [Безыменский, 1987: 225—226]. Гёрделер писал, что, если Англия и США дадут Германии «возможность закончить войну без катастрофы», рейх выступит как оплот против СССР в Европе. Поэтому западным союзникам необходимо отказаться от требования безоговорочной капитуляции Германии.

Несмотря на нежелание официального Лондона разговаривать с немцами, все же последовал ответ. В начале 1944 г., когда безнадежность военного положения Германии стала очевидной, Гёрделер, через Маркуса Валленберга, получил принципиальное согласие английского правительства на то, чтобы в случае государственного переворота в Германии германские войска заняли фронт на линии, проходящей восточнее старых границ Польши.

В дневнике посла Ульриха фон Хасселя упоминается, что заговорщики обсуждали вопрос обращения и к Советскому Союзу. Такое обращение, как полагал Хассель, должно было «оказать давление на Великобританию и США, чтобы сделать их более уступчивыми в связи с возможностью договориться с русскими» [Hassel U. v., 1988: 231].

Уже после того, как 8 сентября 1944 г. «имперский народный суд» приговорил Гёрделера за участие в заговоре против Гитлера к смертной казни, приговоренный к смерти пошел на сотрудничество с рейхсфюрером СС Гиммлером. В октябре 1944 г.,

⁴ 20. Juli — Spiegelbild einer Verschwörung: die Kaltenbrunner-Berichte... S. 308, 492—495.

когда нацистские крысы, обладавшие более тонким чутьем, побежали с тонущего корабля Третьего рейха, Гиммлер сделал Гёрделеру предложение «использовать его тесные политические связи с Якобом Валленбергом и с руководителем сионистов д-ром Вейцманом и... установить контакт с английским премьер-министром Черчиллем и таким путем достичь быстрого и приемлемого мира. Гёрделер принял это поручение» [Безыменский, 2004: 332—333]. 8 ноября 1944 г. Гёрделер под давлением Гиммлера обратился с письмом к Валленбергу, в котором призвал своего шведского партнера способствовать заключению Англией (втайне от России) мира с «нынешней», т. е. нацистской, Германией [Ritter, 1954: 429—430].

В тюрьме Гёрделер создал свой последний документ — «Меморандум приговоренного к смерти», своеобразное политическое завещание лидера консервативной оппозиции. В конце жизни бывший лейпцигский обер-бургомистр осознал иллюзорность своих политических построений. Накануне казни Гёрделер написал слова, на которые мало кто из немцев мог тогда осмелиться: «Вероятно, Господь карает весь немецкий народ, даже невинных детей, за то, что мы позволили уничтожить евреев, не пошевелив пальцем в их защиту... Я прошу мир принять нашу мученическую судьбу как жертву за немецкий народ» [Беркович, 2004].

Заключение

Политика Гёрделера, направленная на заключение Германией сепаратного мира с западными союзниками за счет интересов СССР, как и вся история немецкого консервативного Сопротивления нацистской диктатуре, окончилась провалом.

Как подчеркивал историк из ФРГ М. Броскат, «консервативное Сопротивление Гитлеру достойно моральной славы. Но политически оно оказалось не менее беспомощным, чем консервативные партнеры Гитлера в 1933 г.» [Броскат, 2005: 267—268]. Сказанное в полной мере относится к «теневому канцлеру» Гёрделеру. Идеи Гёрделера — экономические («ордолиберализм») и политические («целью должно быть постепенное включение России в европейское объединение, в котором доминировала бы Германия»), как и в целом исторический опыт

консервативного Сопротивления, востребован в ФРГ. «Федерация европейских государств под германским главенством», о которой писал Гёрделер, стала фактом. Правда, произошло это не через 10—15 лет после Второй мировой войны, как мечтал Гёрделер, а в конце XX — начале XXI в.

Список источников

- Афанасьев С. В.* Немецкий неолиберализм: истоки, теория и практика // Вестник финансовой академии. 2003. № 4. С. 78—85.
- Безыменский Л. А.* Тайный фронт против второго фронта. М.: Агентство печати «Новости», 1987. 276 с.
- Безыменский Л. А.* Гитлер и германские генералы. М.: Вече, 2004. 349 с.
- Беркович Е.* Одинокое герою: история покушений на Гитлера // Вестник-Online. 2004. № 4.
- Бирман Дж.* Праведник. История о Рауле Валленберге, пропавшем герое Холокоста: биография, факты, документы / пер. с англ. Б. Ерхова. М.: Текст: Рудомино, 2001. 398 с.
- Бросчат М.* Закат тысячелетнего рейха / пер. с нем. В. Кузнецова. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 286 с.
- Вторая мировая война: два взгляда / пер. с нем. Г. Я. Рудого. М.: Мысль, 1995. 556 с.
- Мельников Д. Е.* Заговор 20 июля 1944 года в Германии: легенда и действительность. М.: Международные отношения, 1962. 304 с.
- Метаксас Э.* Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против Третьего рейха: пастор, мученик, пророк, заговорщик / пер. с англ. Л. Б. Сульм. М.: Эксмо, Книгоноша, 2012. 671 с.
- Невский С. И.* Между политическим консерватизмом и экономическим либерализмом: Карл Фридрих Гёрделер и его концепция «другой Германии» после свержения нацистской диктатуры // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Вып. 5. Т. 10. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=57679&p=attachment> (дата обращения: 21.12.2021).
- Финкер К.* Заговор 20 июля 1944 года: дело полковника Штауффенберга / пер. с нем. Г. Рудого. М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2004. 263 с.
- Хавкин Б. Л.* Германские консервативные элиты и антигитлеровская фронда // Исторические исследования. 2016. № 5. С. 133—161.
- Хавкин Б. Л.* Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление. М.: Scientific Press Ltd, 2017. 377 с.

- Черкасов Н. С.* Проблемы немецкого антифашистского движения Сопротивления в историографии ФРГ (1965) // Черкасов Н. С. О германском фашизме и антифашистском сопротивлении: Избр. тр. / под ред. Н. А. Хлыстовой. Томск: Изд-во ИОА СО РАН, 2006. С. 313—351.
- Arthur P. Young:* Die X-Dokumente. Die geheimen Kontakte Carl Goerdelers mit der britischen Regierung 1938/1939. München: Piper, 1989. 331 S.
- Bethge E.* Dietrich Bonhoeffer : man of Vision, man of Courage. N. Y.: Harper & Row, 1977. 867 p.
- Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime / Hrsg. von Gerd R. Ueberschär. Köln: Bund, 1994. 348 S.
- Geheime Denkschrift Goerdelers, für die Generalität bestimmt, über die Notwendigkeit eines Staatsstreichs. 26 Mär 1943 // Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1956. S. 593—611.
- Goerdeler C.* Das Ziel // Beck und Goerdeler. Gemeinschaftsdokumente für den Frieden 1941—1944 / Hrsg. von W. R. Schramm. München: Gotthold Müller, 1965. S. 81—166.
- Hassel U. von.* Vom andern Deutschland: aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938—1944: Aufzeichnungen vom andern Deutschland / Hrsg. von F. H. von Gaertringen. B.: Siedler, 1988. 689 S.
- Hoffmann P.* Carl Goerdeler gegen die Verfolgung der Juden. Köln: Böhlau, 2013. 364 S.
- Meyer-Krahmer M.* Carl Goerdeler und sein Weg in den Widerstand. Eine Reise in der Welt meines Vaters. Freiburg im Breisgau: Herder Taschenbuch, 1989. 189 S.
- Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers / Hrsg. von S. Gillmann und H. Mommsen: in 2 Bde. München: Saur, 2003. Bd. 1—2.
- Reich I.* Carl Friedrich Goerdeler. Ein Oberbürgermeister gegen den NS-Staat. Köln: Böhlau, 1997. 302 S.
- Ritter G.* Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1954. 630 S.
- Rothfels H.* Die deutsche Opposition gegen Hitler. Frankfurt a. M.; Hamburg: Fischer Bücherei, 1958. 249 S.
- Rüther D.* Der Widerstand des 20. Juli auf dem Weg in die Soziale Marktwirtschaft. Die wirtschaftspolitischen Vorstellungen der bürgerlichen Opposition gegen Hitler. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2002. 491 S.
- Steinbach P.* Widerstand im Widerstreit. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1994. 297 S.

- Steltzer Th.* Sechzig Jahre Zeitgenosse. München: List, 1966. 337 S.
- Ullrich V.* Der Kreisauer Kreis. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 2008. 160 S.
- Venohr W. Stauffenberg: Symbol der deutschen Einheit: eine politische Biographie. Frankfurt a. M.; B.: Ullstein, 1990. 428 S.
- Volker U. Der Kreisauer Kreis. Hamburg: Rowohlt Verlag. 2008. 160 S.

References

- Afanasyev, S. V. (2003), ‘German neoliberalism: origins, theory and practice’, *Bulletin of the Financial Academy*, no. 4: 78—85.
- Arthur, P. (1989), *Young: Die X-Dokumente. Die geheimen Kontakte Carl Goerdelers mit der britischen Regierung 1938/1939*, Piper, München, Germany.
- Berkovich, E. (2004), ‘Lonely Heroes: The Story of Hitler’s Attempts’, *Vestnik-Online*, no. 4.
- Bethge, E. (1977), *Dietrich Bonhoeffer: man of Vision, man of Courage*, Harper & Row, New York, NY, USA.
- Bezymenskiy, L. A. (1987), *Tainyi front protiv vtorogo fronta* [Secret front against the second front], Agentstvo pechati “Novosti”, Moscow, Russia.
- Bezymenskiy, L. A. (2004), *Gitler i germanskie generaly* [Hitler and the German Generals], Veche, Moscow, Russia.
- Birman, J. (2001), *Pravednik. Istoriia o Raule Vallenberge, propavshem geroe Kholokosta: biografiia, fakty, dokumenty* [Righteous. The Story of Raoul Wallenberg, the Missing Holocaust Hero: Biography, Facts, Documents], Translated by Erkhov, B., Tekst: Rudomino, Moscow, Russia.
- Brostsat, M. (2005), *Zakat tysiacheletnego reikha* [The decline of the Millennium Reich], Translated by Kuznetsov, V., Iauza, Eksmo, Moscow, Russia.
- Cherkasov, N. S. (2006), ‘German National Socialism and the Anti-Hitler Resistance’, in Khlystova, N. A. (ed.), *O germanskom fashizme i antifashistskom soprotivlenii: Izbrannye trudy* [On German fascism and anti-fascist resistance: Selected works], Izdatel’stvo Instituta optiki atmosfery Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, Tomsk, Russia.
- Finker, K. (2004), *Zagovor 20 iuliia 1944 goda: delo polkovnika Shtauffenberga* [The plot of July 20, 1944: the case of Colonel Stauffenberg], Translated by Rudoi, G., TERRA-knizhnyi klub, Moscow, Russia.

- Geheime Denkschrift Goerdelers, für die Generalität bestimmt, über die Notwendigkeit eines Staatsstreichs. 26 Mär 1943 (1956), in Ritter, G. (ed.), *Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany: 593—611.
- Gillmann, S. und Mommsen, H. (Hrsg.) (2003), *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers* (2003), in 2 Bde, Bd. 1—2, Saur, München, Germany.
- Goerdeler, C. (1965), Das Ziel, in Schramm, W. R. von (Hrsg.), *Beck und Goerdeler. Gemeinschaftsdokumente für den Frieden 1941—1944*, Gotthold Müller, München, Germany: 81—166.
- Hassel, U. von (1988), *Vom ändern Deutschland: aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938—1944: Aufzeichnungen vom ändern Deutschland*, in Gaertringen, F. H. von (Hrsg.), Siedler, Berlin, Germany.
- Hoffmann, P. (2013), *Carl Goerdeler gegen die Verfolgung der Juden*, Böhlau, Köln, Germany.
- Khavkin, B. L. (2016), ‘German Conservative Elites and the Anti-Hitler Fronde’, *Istoricheskie issledovaniia* [Historical research], no. 5: 133—161.
- Khavkin, B. L. (2017), *Germanskii natsional-sotsializm i antigitlerovskoe Soprotivlenie* [German National Socialism and the Anti-Hitler Resistance], Scientific Press Ltd, Moscow, Russia.
- Melnikov, D. E. (1962), *Zagovor 20 iulia 1944 goda v Germanii: legenda i deistvitel’nost’* [The conspiracy of July 20, 1944 in Germany: legend and reality], Mezhdunarodnye otnosheniia, Moscow, Russia.
- Metaksas, E. (2012), *Ditrikh Bonkheffer. Pravednik mira protiv Tret’ego Reikha: pastor, muchenik, prorok, zagovorshchik* [Dietrich Bonhoeffer. Righteous among the world against the Third Reich: pastor, martyr, prophet, conspirator], Translated by Sulm, L. B., Eksmo, Knigonosha, Moscow, Russia.
- Meyer-Krahmer, M. (1989), *Carl Goerdeler und sein Weg in den Widerstand. Eine Reise in der Welt meines Vaters*, Herder Taschenbuch, Freiburg im Breisgau, Germany.
- Nevskiy, S. I. (2019), ‘Between political conservatism and economic liberalism: Carl Friedrich Goerdeler and his concept of the “other Germany” after the overthrow of the Nazi dictatorship’, *Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal “Istoriia”* [Electronic scientific and educational journal “History”], iss. 5, vol. 10, available at: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=57679&p=attachment> (Accessed 21 December 2021).
- Reich, I. (1997), *Carl Friedrich Goerdeler. Ein Oberbürgermeister gegen den NS-Staat*, Böhlau, Köln, Germany.

- Ritter, G. (1954), *Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, Germany.
- Rothfels, H. (1958), *Die deutsche Opposition gegen Hitler*, Fischer Bücherei, Frankfurt a. M.; Hamburg, Germany.
- Rüther, D. (2002), *Der Widerstand des 20. Juli auf dem Weg in die Soziale Marktwirtschaft. Die wirtschaftspolitischen Vorstellungen der bürgerlichen Opposition gegen Hitler*, Ferdinand Schöningh, Paderborn, Germany.
- Steinbach, P. (1994), *Widerstand im Widerstreit. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus in der Erinnerung der Deutschen*, Ferdinand Schöningh, Paderborn, Germany.
- Steltzer, Th. (1966), *Sechzig Jahre Zeitgenosse*, List, München, Germany.
- Ueberschär, Gerd, R. von (Hrsg.) (1994), *Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime*, Bund, Köln, Germany.
- Ullrich, V. (2008), *Der Kreisauer Kreis*, Rowohlt Taschenbuch, Hamburg, Germany.
- Venohr, W. (1990), *Stauffenberg: Symbol der deutschen Einheit: eine politische Biographie*, Ullstein, Frankfurt a. M.; Berlin, Germany.
- Volker, U. (2008), *Der Kreisauer Kreis*. Rowohlt Verlag, Hamburg. Germany.
- Vtoraia mirovaia voina: dva vzgliada* [World War II: two views] (1995), Translated by G. Ya. Rudy, Mysl', Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Б. Л. Хавкин — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

B. L. Khavkin — Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 113—129.
Intelligentsia and the World. 2022. No. 3. P. 113—129.

Научная статья
УДК 32(091)(73)"18/19"
DOI: 10.46725/IW.2022.3.6

РИЧАРД ХОФСТЕДТЕР О ФЕНОМЕНЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОПУЛИЗМА

Алексей Юрьевич Вязинкин

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов,
Россия, vyazinkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3821-6168>

Аннотация. В статье представлен анализ работ американского историка Ричарда Хофстедтера в контексте определения характерных особенностей политического мышления теоретиков американского популизма конца XIX — начала XX в. Автор исследует различные толкования популизма как специфического феномена политической культуры Прогрессивной эры в контексте оценок, представленных в американской историографии. В отечественной исторической науке творческое наследие Хофстедтера никогда не было предметом специального анализа. Добавляет новизны работе и то обстоятельство, что исторический феномен американского популизма крайне редко становится предметом отдельного исторического исследования в отечественной историографии.

Автор акцентирует внимание на идейной связи популизма и фермерских ассоциаций (грейнджеров), партии гринбекеров, зарождавшегося социалистического движения. На примере ключевых американских и отечественных исторических исследований автор показывает, что основными положениями политической идеологии американского популизма были «аграрный миф», общественно-политический идеал аграрной демократии, нативизм, биметаллизм. Исследование проблемы показывает, что в оценке Хофстедтера обозначена идея о воплощении всех характерных особенностей политического мышления фермеров и аграриев в политической идеологии, главным теоретиком которой был У. Дж. Брайан. Политическая карьера этого выдающегося оратора стала выражением соотношения общественно-политических амбиций фермерства с политической действительностью Прогрессивной эры.

Автор делает вывод о том, что социально-психологическая аналитика и исторические оценки Хофстедтера в отношении феномена американского популизма являются реакцией леволиберального интеллигента на ультраконсервативную идеологию, в основе которой лежат архаичные элементы традиции.

Ключевые слова: Ричард Хофстедтер, американский популизм, история США, Прогрессивная эра, «аграрный миф»

Для цитирования: Вязинкин А. Ю. Ричард Хофстедтер о феномене американского популизма // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 113—129.

Original article

RICHARD HOFSTADTER ABOUT THE PHENOMENON OF AMERICAN POPULISM

Alexander Yu. Vyazinkin

Tambov State Technical University, Tambov, Russia,
vyazinkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3821-6168>

Abstract. The article presents an analysis of the works of the American historian Richard Hofstadter in the context of determining the characteristic features of the political thinking of theorists of American populism of the late XIX — early XX century. The author explores various interpretations of populism as a specific phenomenon of the political culture of the Progressive era in the context of assessments presented in American historiography. In Russian historical science, Hofstadter's creative heritage has never been the subject of special analysis. It adds novelty to the work and the fact that the historical phenomenon of American populism is extremely rarely the subject of a separate historical study in Russian historiography.

The author focuses on the ideological connection of populism and farmers associations (grangers), the Greenback party, and the nascent socialist movement. On the example of key American and domestic historical studies, the author shows that the main provisions of the political ideology of American populism were the “agrarian myth”, the socio-political ideal of agrarian democracy, nativism, bimetallism. A study of the problem shows that Hofstadter's assessment outlines the idea of translating all the characteristic

features of the political thinking of farmers and agrarians into political ideology, the main theorist of which was W. J. Bryan. The political career of this outstanding speaker was an expression of the correlation of the socio-political ambitions of agrarians with the political reality of the Progressive era.

The author concludes that Hofstadter's socio-psychological analytics and historical assessments of the phenomenon of American populism was a reaction of the left-wing liberal intellectual to ultraconservative ideology, which is based on archaic elements of tradition.

Keywords: Richard Hofstadter, American populism, History of the USA, The Progressive era, “agrarian myth”

For citation: Vyazinkin, A. Yu. (2022), ‘Richard Hofstadter about the phenomenon of American populism’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 113—129 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В современном мире очевидно возрождение популистской политической стратегии, которая позволяет, с одной стороны, обеспечивать политический успех тем партиям и политическим лидерам, которые используют тактику прямого заигрывания с широкими народными массами, а с другой — отвлекать граждан от решения реальных политических проблем.

Мы обращаемся к историческому феномену популизма с целью показать на примере американского опыта его идейные и социально-психологические источники. Одним из первых исследователей-историков, подвергших подробному анализу исторический феномен популизма, был американский ученый, один из наиболее ярких представителей «школы консенсуса» в американской исторической науке Ричард Хофстедтер (1916—1970). Кроме того, обращение к научному наследию Хофстедтера тем более придает актуальности нашему исследованию, что его фундаментальные труды, теоретико-методологические подходы в исторических исследованиях и ключевые аспекты развития интеллектуальной биографии никогда прежде не были предметом специального рассмотрения в отечественной исторической науке.

Постановка вопроса. В данной статье рассматривается проблема идейно-политического содержания исторического феномена американского популизма вообще, и в его аналитическом

толковании выдающимся американским историком Хофстедтером. В связи с такой постановкой проблемы, мы выделяем следующие исследовательские задачи:

— рассмотреть и проанализировать базовые принципы политической культуры феномена американского популизма конца XIX — начала XX в. в обзоре американской историографии;

— выявить ключевые тезисы социально-психологического и исторического анализа феномена американского популизма в работах Хофстедтера;

— определить основные результаты анализа Хофстедтером политической деятельности и политического мышления ведущего представителя американского популизма — Уильяма Дженнингса Брайана.

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования составили историзм, системность и объективность в показе исторической среды и интеллектуальной атмосферы, в которой возникал и развивался американский популизм.

Теоретико-методологическая основа исследования учитывает и специфику предмета исследования, который позволяет сочетать проблематику историографии и интеллектуальной истории.

Основная часть

Исторический феномен американского популизма

Аграрное движение (грейнджеры) в США зародилось после Гражданской войны, во второй половине 1860-х гг. Официально организация возникла в 1867 г. Идеи аграриев были весьма популярными, о чем свидетельствовал быстрый рост численности фермерских ассоциаций. Это были не только организации взаимопомощи, но и сообщества политической борьбы за признание их социально-экономических интересов и против тарифов на железнодорожные перевозки, дискриминации, трастов, «фьючерсов» и т. д. В программе общественно-экономической деятельности грейнджеров важным элементом было кооперативное движение, то есть совместная деятельность по закупке сельскохозяйственной

техники, текстильных товаров, предметов быта и т. д. Несмотря на наличие определенных политических целей, по существу, это была общественная фермерская ассоциация.

В 1874 г. была создана партия гринбекеров, чьи задачи были во многом сходными с задачами грейнджеров. Они выступали за прекращение раздачи общественных земель железнодорожным компаниям и их государственного субсидирования, боролись за снижение железнодорожных тарифов на перевозку сельскохозяйственной продукции и т. п. Вскоре партия обнаружила способность к солидарным политическим действиям и объединилась с рабочими организациями, после чего была переименована в Гринбекерско-рабочую партию.

Хотя, по общему признанию американских историков, фермерское движение не добилось существенного результата, тем не менее благодаря ему сложилась единая идейная платформа для нового политического движения — американского популизма. Наконец, фермерство обрело ту организацию, которая могла реально бороться за реализацию своих политических интересов в масштабах всего государства.

Удар, нанесенный по фермерскому хозяйству США серией засух на Западе страны в конце 1880-х гг., подтолкнул фермерские и рабочие ассоциации к объединению сил. Грейнджеры, гринбекеры и некоторые другие трудовые общественные и политические организации объединились на платформе общих социально-экономических и политических целей.

Народная партия (People's Party) была образована в мае 1891 г. Ее политическая платформа была основана на следующих идеологических установках: аграризм, кооперативизм, биметаллизм. Удачное название партии, релевантное той социальной группе, чьи интересы она защищала, отражало суть политических задач, которые ставили перед собой ее члены. Под «народом» в данном случае понимались только трудящиеся массы — фермеры и рабочие: «истинный народ — это те, кто трудится в деревне и в городе» [Nugent, 1963: 233—234]. Общественно-политическая программа популистов в краткой формуле такова: стремление к усовершенствованию политической и общественно-экономической жизни страны, и, как результат, установление народной демократии.

Американский популизм с момента возникновения обнаруживал, прежде всего, политические амбиции, он организовался как реакция американского трудового народа на «отстранение их от центров экономической и политической власти» [Уманская, 2006: 303]. Это энергичное явление в общественном пространстве и политической культуре США, по сути, было первой социальной силой, заявившей об ответственности государства за благосостояние народа. Именно правительство, по мнению идеологов популизма, должно предпринимать меры по сдерживанию капиталистов, наживающихся за счет трудящегося и беднеющего народа. При этом само правительство должно быть подчинено народу, контролироваться им, а не плутократией, и без того пользующейся корпоративными привилегиями [Nicks, 1931: 407].

Популизм, хотя и противоречил некоторым мейнстримным идеям Прогрессивной эры, тем не менее обнаруживал и некоторые идейные связи с теориями прогрессизма. В частности, из прагматических соображений популисты считали, что допустимо распространение научно-технических знаний в том случае, если они необходимы для поддержания благосостояния народа. Американский историк Ч. Постел даже утверждает, что вера в науку представляла собой «объединяющую нить популистской мысли» [Postel, 2007: 21], что характерно для американского общества в эру прогресса. Американский прагматизм в самом широком смысле слова, в том числе и как философская подпочва интеллектуальной атмосферы рубежа XIX — XX вв., стал той умственной основой, которая поспособствовала принятию популистами научно-технического прогресса.

Некоторые историки утверждают, что популизм оказал конститутивное влияние на идеологию прогрессизма, особенно в области протестных теорий (объединителем которых он был), включавших в себя «критику антиобщественных действий большого бизнеса и политической коррупции» [Согрин, 2010: 303]. У. Р. Миллер считает возможным внести изменения в традиционную хронологию американской истории с целью более четкой идентификации исторического феномена американского популизма: он вводит понятие «Долгая Прогрессивная эра», которая имеет нижнюю хронологическую границу — начало 1880-х гг.,

и верхнюю — начало 1930-х гг., то есть до Нового курса Ф. Д. Рузвельта [Miller, 2009: 27].

Склонен расширительно толковать исторический феномен американского популизма и Ч. Постел, который рассматривает его как разновидность трансатлантической социал-демократии конца XIX в. [Postel, 2019], со свойственным ей сочетанием социалистических и демократических, а в целом — эгалитарных, идей. Эта тенденция к синтезу социализма и демократии способствовала созданию рабоче-популистского союза, программа которого «целеустремленно увязывала борьбу народа против трестов и монополий с установлением на них коллективной собственности народа» [Куропятник, 1971: 254].

Часть популистов, недовольных вновь образованным союзом с Демократической партией, сблизилась с леворадикальными политическими силами, они стали участниками создания Социалистической партии. Их ведущим теоретиком был Ю. Дебс, который на выборах президента в 1896 г. еще поддерживал лидера популистов У. Дж. Брайана, но после неудачи последнего, уже спустя год, объявил себя социалистом. Социальная мысль теоретиков популизма сводилась к идее баланса между индивидуализмом и коллективизмом (коммунитаризмом) [Balkin, 1995: 1946]. Хотя популизм в большей степени ориентировался на традиционную для американской политической культуры идею автономии личности. Как отмечал историк К. Лэш, «независимость, а не взаимозависимость — вот популистский пароль» [Лэш, 2002: 67]. Политическая философия популизма, будучи «подлинным голосом демократии» [Лэш, 2002: 86—87], провозглашала идеи личной свободы, достоинства человеческой личности и социальной справедливости, подразумевающей возможность прямых и простых взаимоотношений народа и правительства.

Ричард Хофстедтер об американском популизме и «аграрном мифе»

Ричард Хофстедтер был одним из наиболее значительных историков своего поколения. По общему мнению исследователей его творческого наследия, для своего времени он был новатором с прекрасным прозаическим стилем, сочетавшим в себе литературное

изящество, научную критику и захватывающую эссеистическую манеру повествования. Важнейшим вкладом Хофстедтера в изучение политической истории США стала его нетривиальная интерпретация понятия «политика» не как совокупности корыстных интересов политических групп во власти и около, но как политической культуры эпохи. То есть предметом его исследований были не только политические действия различных групп, но и политическое мышление.

Проблема популизма затрагивалась историком в работах «Социальный дарвинизм в американской мысли» (1944), «Американская политическая традиция и ее создатели» (1948) и в особенности в работе «Эпоха реформ: от Брайана до Ф. Д. Р.» (1955), за которую он получил Пулитцеровскую премию.

Хофстедтер представил американских популистов в новом свете, что, разумеется, не могло не стать предметом критики. Под нее подпали некоторые тенденциозные выводы историка. По мнению многих критиков, Хофстедтер представил популистов как «орду ксенофобов, антисемитов, бредящих чудаков» [Collins, 1989: 152]. Однако подобное толкование работы американского историка «Эпоха реформ» не вполне корректно.

В качестве концептуальной основы фермерского движения и идеологии американского популизма Хофстедтер выделял «аграрный миф». Это идейно-политическая и социально-философская установка, базирующаяся на идее превосходства фермерства над другими социальными группами, паразитирующими на труде сельского населения. Эта установка идейно восходит к политической философии фермерской демократии Т. Джефферсона [Hofstadter, 1955: 28], по мнению которого, фермер, как трудящийся на земле «избранник Бога» [Джефферсон, 1990], воплощал в себе все лучшее, что есть в человеке, — личную автономию, честный труд и нравственные добродетели.

Однако, если для рубежа XVIII—XIX вв. «аграрный миф» мог быть организующей и плодотворной идейной основой, то столетие спустя, в условиях стремительно развивающегося индустриального общества и всепоглощающего капитализма он уже был лишен того заряда актуальности и того действительного потенциала общественной мобилизации, которыми когда-то располагал. По мнению Хофстедтера, в новых исторических условиях «аграрный миф» стал

иррациональной, опасной своим непримиримым архаизмом, реакцией фермерства на урбанизм и индустриализм. Фермеры и их идейные вожди вдруг обнаружили противоречия между идеалом и действительностью и, по мнению историка, не смогли найти этому обстоятельству рационального объяснения. Можно отметить лишь, что опасность, о которой писал Хофстедтер, была несколько преувеличенной в отношении исторического феномена американского популизма. Популисты были склонны к легальным методам политической борьбы, их политические требования не были крайне радикальными, но, напротив, вполне умеренными (особенно на фоне аналогичных «народнических» движений в других странах). Так, программа популистов «Платформа Омаха» (1892) содержала требования прямых выборов сенаторов, систему федеральных хранилищ сельскохозяйственных культур, ликвидацию частных банков и т. д.

Хофстедтер характеризовал американский популизм как ярко выраженную антимодернистскую политическую силу, выступающую с защитой тех ценностей и форм общественных отношений, которые утратили свою историческую актуальность. Для популизма характерны, отмечал историк, нативизм и расизм. «Аграрный миф» опирается на идеализацию прошлого как *золотого века*, который, согласно теоретикам популизма, утрачен по вине врагов честного труда, капиталистов. «Популисты, — писал Р. Хофстедтер, — выступали за сохранение аграризма, за возвращение к республиканской простоте, за установление народной демократии, которая, как они верили, уже существовала в прошлом» [Hofstadter, 1955: 9]. В недрах такого мировоззрения, по мнению историка, зарождается «параноидальный стиль» общественного и политического мышления, теории заговора и т. п. Все эти обстоятельства были представлены в качестве результатов исторического и социально-психологического анализа феномена американского популизма, проведенного Хофстедтером.

На рубеже веков аграрный реформизм с неизбежностью сменялся реформизмом урбанистическим, вытесняя политическую повестку популизма. Хофстедтер справедливо заметил, что именно это и стало источником противоречий в интересах фермерства и городских жителей. Первые выступали за сохранение прежнего уклада жизни, вторые были озабочены развитием

сферы потребления. Историк писал о «переходе американской экономики и американской жизни от всепоглощающей заботы о производстве к равной озабоченности потреблением как самостоятельной сферой жизни, придавшем массовую привлекательность и политическую силу многим прогрессистским темам и обеспечившем лидерам прогрессистов широкий доступ к общественности» [Hofstadter, 1955: 173].

Конечно, Хофстедтера, как историка-интеллектуала, настораживали те черты американского популизма, в которых проявился антиинтеллектуализм, выраженный в опоре на непосредственный опыт жизни, а не на рациональные и дальновидные оценки действительности и возможности ее прогрессивного преобразования.

Уильям Дженнингс Брайан — «заблудший рыцарь»

Наиболее яркой фигурой в историческом движении американского популизма рубежа XIX—XX вв., без сомнения, был Уильям Дженнингс Брайан (1860—1925), уроженец Иллинойса. Это выдающийся оратор, обладавший сильным и неповторимым голосом, в лучшие свои годы легко завоевывавший и увлекавший массы. Брайан начал свою политическую карьеру в Конгрессе в 1890 г. За свою непреклонную приверженность идее о непогрешимости народных чаяний он получил прозвище «великий простолюдин». Сторонник радикальных преобразований и импульсивный трибун, он, тем не менее, по многим актуальным общественным и политическим вопросам занимал ультраконсервативные позиции, что неизбежно контрастировало с авангардными идеями Прогрессивной эры.

Пик его карьеры политического оратора — речь «Золотой крест», прочитанная на национальном съезде Демократической партии в Чикаго (1896 г.). Брайан страстно выступал за свободную чеканку серебра (биметаллизм), то есть против золотого стандарта, чем заслужил поддержку со стороны фермерства и мелкой буржуазии. По устоявшемуся мнению историков, популизм Брайана апеллировал к «аграрному мифу», к идеалу фермерской демократии, а сам фермер рассматривался им как достойнейший субъект организации самоуправления.

Пик же всей политической карьеры Брайана — должность государственного секретаря США, которую он получил в 1913 г.

Историк Т. Нок даже считал, что масштаб этой политической фигуры столь значителен, что назначение «великого простолюдина» на должность главы дипломатического ведомства стало началом интернационализации внешнеполитического курса США [Кноск, 1992: 22]. Хотя следует отметить, что возможности Брайана на этой должности были ограничены, поскольку президент В. Вильсон рассматривал внешнюю политику страны как сферу «персонального интереса и ответственности» [Романов, 2005: 236]. Вильсон признавал харизматическое обаяние Брайана, но все же считал его не слишком умным человеком, а его политические взгляды — опасными. Назначение Брайана на должность государственного секретаря было компромиссным решением Вильсона.

Оценку Вильсона разделял и знакомый с Брайаном русский посол в США Ю. П. Бахметев, который отмечал широкий нрав «великого простолюдина» и его «чересчур откровенный язык» [Донесение Ю. П. Бахметева в МИД, 1999: 392]. Многие полагали, что эта должность — не его место, а эта эпоха — не его время.

Идеи Брайана имели как точки соприкосновения с магистральной линией развития политической мысли Прогрессивной эры (корпоративный либерализм), так и входили в жесткую конфронтацию с ней. Представитель прогрессистского мейнстрима У. Липпман называл политическую платформу Брайана «деревенским взглядом на жизнь» [Lippmann, 1914: 146], что в условиях масштабной индустриализации было, несомненно, выражением реакционного мышления, которое могло стать задерживающим фактором. В американской экономике фермеры и мелкие торговцы уже не играли той роли, которая была отведена им прежде. Тон стали задавать корпорации и крупный капитал, и это естественное развитие общественно-экономических отношений лишало американских популистов политических перспектив. Брайан, по мнению Липпмана, был защитником народной традиции, которая, однако, уже практически исчезла под натиском нового экономического порядка. Брайан — Дон-Кихот американской политики, он боролся за то, что уже не существовало, и он боролся с «увеличением масштаба человеческой жизни» [Там же: 129].

Хофстедтер считал Брайана центральной фигурой американского популизма, который и сам был простым человеком, и «олицетворял настроения народа» [Хофстедтер, 1992: 210],

в отличие от других популярных политиков своего времени, например, Т. Рузвельта и В. Вильсона, которые только пытались поддерживать эти настроения или с ними соглашались. Речь «Золотой крест» оценивалась американским историком как карьера Брайана в миниатюре [Там же: 209—210], в том смысле, что содержала в себе идейную и политическую траектории биографии американского популиста. Эта оценка представляется нам весьма удачной, хотя в ней и содержится доля субъективизма, которая раскрывается, однако, в другом пассаже.

Хофстедтер, очевидно, оценивал американский популизм как идейно-политический феномен Прогрессивной эры, который сдерживал и даже намеренно тормозил развитие американского общества. Ключевая проблема заключалась в том, что идеологи фермерства не собирались мириться с объективными тенденциями общественно-политического и экономического развития США, с крупномасштабной экспансией капитала и порождаемыми этой экспансией новыми порядками и общественными отношениями. Апелляция теоретиков популизма к тому, что Хофстедтер называл «аграрным мифом», стала символическим выражением этой проблемы, что, в свою очередь, позволило историку говорить о связи социальной философии Брайана с принципами ведущего теоретика аграрной демократии Джефферсона [Там же: 214].

Следует отметить и то обстоятельство, что Хофстедтер создавал политический портрет Брайана в конце 1940-х гг., когда сам находился под сильным влиянием марксизма. Поэтому неудивительно, что на страницах «Американской политической традиции» он бросает Брайану упрек в связи с тем, что тот в своих политических выступлениях уделял недостаточно внимания проблемам и интересам рабочего класса [Там же: 214]. Не вызвала у историка особых симпатий и попытка Брайана теоретически (скорее, риторически) обосновать внутреннее единство (если не идентичность) целей простого народа и американских предпринимательских традиций [Там же: 216].

Хофстедтер отмечал и неприглядные, с его точки зрения, черты Брайана как политического деятеля, в которых он видел характерные особенности фермерского движения *in pise*, феномена американского популизма вообще. Историк отмечал, что Брайан снискал славу бунтовщика, но не был психологически

таковым. Его оценка интеллектуальных способностей «великого простолюдина» была отнюдь не комплиментарной. «Неповоротливость ума» [Там же: 217] последнего свидетельствовала о том, что Брайан был заложником местечковых стереотипов, так и не выучившимся мыслить самостоятельно. Очевидно, такие скромные способности политического лидера вовсе не соответствовали его амбициям в президентской гонке.

Хофстедтер отмечал, что Брайану был чужд политический реализм. Он показывал неразрешимые противоречия популизма Брайана и реализма на примере настойчивости «великого простолюдина» в необходимости введения свободной чеканки серебра даже тогда, когда его идейный соратник социолог Э. Росс высказался за то, что актуальность этой меры отпала [Там же: 221]. Брайана заботит, констатировал Хофстедтер, не политическая победа, а внимание публики [Там же: 223]. Смелость и искренность политического слова и политического действия Брайана не были подкреплены важной для этих особенностей способностью к рассудительности. Можно сказать, что обозначенные особенности подойдут и для характеристики любого народа вообще в кризисные годы.

Суммируя сказанное, Брайан, по Хофстедтеру, это фанат одной идеи, негибкий и недалёковидный политик, он интеллектуально ограничен, ретрограден, а его политическая карьера (тут историк проявляет некоторое сочувствие к своему герою) — драма «заблудшего рыцаря» [Там же: 229]. Его упорная религиозная и фанатическая в своей религиозности убежденность в том, что глас народа есть глас Божий — это тревожный признак сочетания «аграрного мифа» с нативизмом, рискующим в любой момент трансформироваться в бескомпромиссный расизм. Хофстедтер считал закономерным развитием политической биографии то обстоятельство, что в конце жизни Брайан сотрудничал (отчасти вынужденно) с Ку-клукс-кланом.

Заключение

Американский популизм конца XIX — начала XX в. представляет собой крайне любопытный исторический феномен с точки зрения сочетания разнобразных общественных и политических идей, которые заметно эволюционировали и в ходе своего

развития оказывали существенное влияние на интеллектуальную атмосферу Прогрессивной эры.

При анализе политической идеологии американских популистов и их сторонников Хофстедтер обнаружил характерные особенности мышления сельского населения. По его мнению, важнейшим составляющим идеологии популизма был т. н. «аграрный миф», как учение о *золотом веке* сельской демократии, господства свободного и добродетельного фермерства, который по своей социально-психологической природе, по мнению историка, проистекал из местечковых заблуждений и стереотипов, провоцировал «параноидальный стиль» мышления. В этих оценках нашло свое отражение скептическое отношение леволиберального интеллектуала к такой форме политического мышления, которая сочетает в себе идеалы аграрной демократии и нативизма.

По мнению Хофстедтера, вся суть американского популизма как феномена политического действия и политического мышления обрела свое выражение в политической карьере У. Дж. Брайана, в ее нетривиальной траектории — внезапных взлетах и закономерных падениях, в оценках враждебных и сочувствующих современников. Его анализ политического мышления главного трибуна американского популизма во многом свелся к характеристике политической компетенции широких народных масс вообще, склонных к иррациональному консерватизму, нативизму, представлениям о социальной справедливости, как о полной противоположности развития рыночного и корпоративного либерализма, новых капиталистических форм хозяйствования и т. д. Сомнения в его компетенции стали следствием невысокой оценки интеллектуальных способностей Брайана. Хофстедтер отмечал, что характерные особенности политической культуры Брайана, а именно: чрезмерная сосредоточенность на одних и тех же утрачивающих со временем актуальность проблемах, стереотипное мышление, свойственное местечковым лидерам, — все это не соответствует его политическим амбициям — ни его статусу государственного секретаря, ни его притязаниям на пост президента США.

Список источников

- Джефферсон Т.* Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990. 317 с.
- Донесение Ю. П. Бахметева в МИД о первых шагах государственного секретаря У. Брайана // Россия и США: дипломатические отношения. 1900—1917 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Ю. В. Басенко, В. И. Журавлева, Е. Ю. Сергеев. М.: МФД, 1999. С. 392—394.
- Куроятчик Г. П.* Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии. 1867—1896. М.: Наука, 1971. 440 с.
- Лэй К.* Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. Дж. Смита и др. М.: Логос: Прогресс, 2002. 224 с.
- Романов В. В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913—1921 гг.). М.; Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2005. 515 с.
- Согрин В. В.* Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.
- Уманская И. А.* Левый радикализм как идеологическая платформа популистского движения в США в конце XIX — начале XX века // Americana. 2006. Вып. 8: Россия и США: Опыт политического, экономического и культурного взаимодействия. С. 291—307.
- Хофстедтер Р.* Американская политическая традиция и ее создатели. М.: Наука, 1992. 425 с.
- Balkin J. M.* Populism and Progressivism as Constitutional Categories // Yale Law Journal. 1995. № 104. P. 1935—1990.
- Collins R. M.* The Originality Trap: Richard Hofstadter on Populism // The Journal of American History. 1989. Vol. 76, iss. 1. P. 150—167. <https://doi.org/10.2307/1908347>
- Hicks J. D.* The Populist Revolt: A History of the Farmers Alliance and the People's Party. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1931. 487 p.
- Hofstadter R.* Social Darwinism in American Thought. Boston: Beacon Press, 1955. 246 p.
- Hofstadter R.* The Age of Reform: from Bryan to F. D. R. N. Y.: Vintage Books, 1955. 328 p.
- Knock T. J.* To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. N. Y.: Oxford University Press, 1992. xvi, 381 p.
- Lippmann W.* Drift and Mastery: An Attempt to Diagnose the Current Unrest. N. Y.: Mitchell Kinnerley, 1914. xxvi, 336 p.
- Miller W. R.* The Populist Vision: a Roundtable Discussion // Kansas History. 2009. Vol. 32, № 1. P. 18—45.

Nugent W. T. K. *The Tolerant Populists*. Chicago: University of Chicago Press, 1963. 256 p.

Postel C. *The Populist Vision*. N. Y.: Oxford University Press, 2007. 397 p.

Postel C. *Populism as a Concept and the Challenge of U. S. History // IdeAs*. 2019. № 14. <https://doi.org/10.4000/ideas.6472>.

References

Balkin, J. M. (1995), ‘Populism and Progressivism as Constitutional Categories’, *Yale Law Journal*, no. 104: 1935—1990.

Basenko, Y. V., Zhuravleva, V. I. and Sergeev E. Y. (comps) (1999), ‘Y. P. Bakhmetev’s report to the Foreign Ministry on the first steps of Secretary of State W. Bryan’, in Yakovlev, A. N. (ed.), *Rossiiia i SShA: diplomaticheskie otnosheniia. 1900—1917* [Russia and the USA: diplomatic relations. 1900—1917], MFD, Moscow, Russia: 392—394.

Collins, R. M. (1989), ‘The Originality Trap: Richard Hofstadter on Populism’, *The Journal of American History*, vol. 76, iss. 1: 150—167. <https://doi.org/10.2307/1908347>.

Dzhefferson, T. (1990), *Zametki o shtate Virginiia* [Notes on the State of Virginia], Nauka, Leningrad, Russia.

Hicks, J. D. (1931), *The Populist Revolt: A History of the Farmers Alliance and the People’s Party*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA, Minn.

Hofstadter, R. (1992), *Amerikanskaia politicheskaia traditsiia i ee sozdateli* [American political tradition and its creators], Progress-Traditsiia, Moscow, Russia.

Hofstadter, R. (1955), *Social Darwinism in American Thought*, Beacon Press, Boston, USA, Mass.

Hofstadter, R. (1995), *The Age of Reform: from Bryan to F. D. R.*, Vintage Books, New York, USA, N. Y.

Knock, T. J. (1992), *To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order*, Oxford University Press, New York, N. Y.

Kuropiatnik, G. P. (1971) *Fermerskoe dvizhenie v SShA. Ot greindzherov k Narodnoi partii. 1867—1896* [Farming movement in the USA. From the Grangers to the People’s Party. 1867—1896], Nauka, Moscow, Russia.

Lesh, K. (2002), *Vosstanie elit i predatel’stvo demokratii* [Rise of the elites and betrayal of democracy], Translated by City, J. and others, Logos, Progress, Moscow, Russia.

Lippmann, W. (1914), *Drift and Mastery: An Attempt to Diagnose the Current Unrest*, Mitchell Kinnerley, New York, N. Y.

- Miller, W. R. (2009), 'The Populist Vision: a Roundtable Discussion', *Kansas History*, vol. 32, no 1: 18—45.
- Nugent, W. T. K. (1963), *The Tolerant Populists*, University of Chicago Press, Chicago, Ill.
- Postel, C. (2007). *The Populist Vision*, Oxford University Press, New York, N. Y.
- Postel C. (2019) 'Populism as a Concept and the Challenge of U. S. History', *IdeAs*, no. 14, <https://doi.org/10.4000/ideas.6472>.
- Romanov, V. V. (2005), *V poiskakh novogo miroporiadka: vneshnepoliticheskaia mysl' SShA (1913—1921 gg.)* [In Search of a New World Order: US Foreign Policy Thought (1913—1921)], Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni G. R. Derzhavina, Moscow, Tambov, Russia.
- Sogrin, V. V. (2010), *Istoricheskii opyt SShA* [US historical experience], Nauka, Moscow, Russia.
- Umanskaya, I. A. (2006), 'Left radicalism as an ideological platform of the populist movement in the United States in the late XIX — early XX century', *Americana*, iss. 8: Rossiia i SShA: Opyt politicheskogo, ekonomicheskogo i kul'turnogo vzaimodeistviia: 291—307.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

А. Ю. Вязинкин — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия.

A. Yu. Vyazinkin — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University, Tambov, Russia.

ДЕБЮТ

DEBUT

Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 130—154.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 3. P. 130—154.

Научная статья

УДК 7(091)(47)"193"

DOI: 10.46725/IW.2022.3.7

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО
И ОРГАНЫ ВЛАСТИ КРЫМСКОЙ АССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.
УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ
ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
КРЫМСКОЙ АССР**

Марина Николаевна Гаврилюк

Крымский инженерно-педагогический университет

имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия,

maryna.havriliuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7378-7180>

Аннотация. Тема государственной политики в области изобразительного искусства Крымской АССР на данном этапе является малоизученной, многие аспекты взаимоотношений органов власти и представителей изобразительного искусства не исследованы. Конечно же, рассмотрение региональной политики Крымской АССР в этой области возможно лишь в контексте решений и постановлений правительства в общесоветском масштабе. Однако, как и в любом другом регионе, диалог власти и искусства имел в Крымской АССР ряд своих особенностей.

© Гаврилюк М. Н., 2022

Их изучение позволит существенно дополнить не только историю полуострова в межвоенный период, но и осветить достаточно важные вопросы региональной политики в области изобразительного искусства в СССР. Помимо этого, в процессе исследования уточняются факты в биографиях многих художников и скульпторов, работавших в Крыму в 1920—30-х гг., а также открываются ранее неизвестные имена.

В статье рассмотрен период второй половины 1930-х гг. Отправной точкой служит создание 17 января 1936 г. Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР — отдельного органа власти, в ведение которого входило управление искусством.

Ключевые слова: изобразительное искусство, художники, скульпторы, архитекторы, Управление по делам искусств, Крымская АССР

Для цитирования: Гаврилюк М. Н. Изобразительное искусство и органы власти Крымской АССР во второй половине 1930-х гг. Управление по делам искусств при Совете народных комиссаров Крымской АССР // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 130—154.

Original article

FINE ARTS AND AUTHORITIES OF THE CRIMEAN ASSR IN THE SECOND HALF OF THE 1930s. DEPARTMENT OF ARTS UNDER THE COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS OF THE CRIMEAN ASSR

Marina N. Gavriilyuk

Crimean Engineering and Pedagogical University
the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia,
maryna.havrilyuk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7378-7180>

Abstract. The topic of state policy in the field of fine arts of the Crimean ASSR is poorly studied at this stage, many aspects of the relationship between authorities and representatives of fine arts have not been studied. Of course, consideration of the regional policy of the Crimean ASSR in this area is possible only in the context of government decisions and resolutions on an all-Soviet scale. However, as in any other region, the dialogue between government and art had a number of peculiarities in the Crimean ASSR. Their study will significantly complement not only the history of the peninsula

in the interwar period, but also highlight quite important issues of regional policy in the field of fine arts in the USSR. In addition, the research clarifies the facts in the biographies of many artists and sculptors who worked in the Crimea in the 1920s and 30s, and also reveals previously unknown names.

The article considers the period of the second half of the 1930 s. The starting point is the creation on January 17, 1936 of the All-Union Committee for the Arts under the Council of People's Commissars of the USSR — a separate authority.

Keywords: fine arts, painters, sculptors, architects, Department of Arts, Crimean ASSR

For citation: Gavrilyuk, M. N. (2022), 'Fine arts and authorities of the Crimean ASSR in the second half of the 1930s. Department of arts under the Council of people's commissars of the Crimean ASSR', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 130—154 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Взаимоотношения органов государственной власти и представителей изобразительного искусства Крымской АССР в период предвоенного двадцатилетия прошли достаточно долгий период становления. Лишь во второй половине 1930-х гг. в структуре Совета Народных Комиссаров (СНК) Крымской АССР было создано Управление по делам искусств, в компетенцию которого входило и руководство делами изобразительного искусства. Именно Управлению предстояло наладить эту, одну из наиболее «отстающих», областей культуры.

На сегодняшний день крымскими исследователями в достаточно полной мере изучены вопросы, касающиеся наиболее известных художников, работавших в Крыму в 1920—30-х гг. — Н. С. Самокиша, К. Ф. Богаевского, М. А. Волошина. Однако изобразительное искусство межвоенного периода, как и любая другая область культуры, не может рассматриваться вне политики. Открытыми остаются вопросы работы сектора изобразительного искусства Наркомпроса Крымской АССР, Союза Рабис, товарищества «Крымхудожник», а также Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР.

Постановка вопроса. Статья написана с целью всестороннего рассмотрения деятельности Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР в области изобразительного искусства. Основная среди поставленных задач — в хронологическом порядке отразить наиболее важные события в работе Управления со времени его основания в 1936 г. вплоть до 1940 г., когда создание Союза советских художников Крыма близилось к завершению. Помимо этого, важной задачей является изучение сложных взаимоотношений между Управлением, в ведении которого находилось изобразительное искусство, и представителями художественной интеллигенции Крымской АССР.

Источниковедческий обзор. Государственная политика в области изобразительного искусства в Крымской АССР, как и деятельность Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР, являются темами практически неизученными. В связи с этим, основными источниками для написания статьи служат архивные материалы и публикации в периодических изданиях межвоенного периода. Наиболее полный массив информации по теме содержится в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК) в фондах Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР и Союза советских художников Крыма. Сведения из ГАРК дополнены материалами, хранящимися в фондах Российского государственного архива литературы и искусства. Не менее важным источником в исследовании деятельности Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР послужили периодические издания второй половины 1930-х гг. — газеты «Красный Крым» и «Крымский комсомолец».

Методология и методы исследования

При исследовании деятельности Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР, а также взаимоотношения органов власти и представителей изобразительного искусства, в качестве основного применялся хронологический метод, так как образование и деятельность Управления наиболее логично можно отразить в хронологической последовательности и в процессе развития. Использовался и проблемный подход, дающий

возможность исследовать наиболее сложные вопросы, с которыми в процессе работы приходилось сталкиваться Управлению. Помимо работы с архивными источниками, в процессе исследования был просмотрен достаточно большой объем газетного материала предвоенных лет, для систематизации которого применялся метод контент-анализа.

Основная часть

Создание Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР

Во всесоюзном масштабе о состоянии культуры и искусства в середине 1930-х гг. можно судить по докладу В. И. Межлаука о народно-хозяйственном плане четвертого года второй пятилетки на II сессии ЦИК СССР. В числе прочего указывалось, что итоги 1935 г. отражают быстрый рост культурных потребностей населения в области искусства. А «план 1936 года предусматривает дальнейшее развитие сети зрелищных предприятий и художественного обслуживания трудящихся, особенно в индустриальных и национальных центрах и в колхозной деревне, более высокое качество этого обслуживания, повышение и улучшение материально-технической базы искусства, в особенности в области кинематографии и музыкального дела, и рост капиталовложений в искусство». В этом же докладе были изложены и планы, касающиеся проектирования и строительства новых театральных зданий, одно из которых в 1936 году было намечено и в Симферополе.

17 января 1936 г. постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР, в связи с ростом культурного уровня трудящихся и необходимостью лучшего удовлетворения запросов населения в области искусств и в целях объединения всего руководства развитием искусств в Союзе Советских Социалистических Республик, образован Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК

¹ План 4-го года 2-й пятилетки: доклад товарища В. И. Межлаука о народно-хозяйственном плане 1936 года на 2-й сессии ЦИК Союза ССР // Красный Крым. 1936. 16 янв.

СССР². На вновь созданный орган государственной власти возлагались обязанности руководства всеми делами искусств, в подчинение ему передавались театры, киноорганизации, музыкальные, художественные, скульптурные и другие учреждения. А также учебные заведения, готовившие кадры работников театра, кино, музыки и изобразительных искусств. Согласно постановлению, при совнаркомах союзных и автономных республик, при краевых и областных исполнительных комитетах образовывались управления по делам искусств, подчинявшиеся Всесоюзному комитету по делам искусств.

Председателем Комитета был назначен П. М. Керженцев³, а его заместителями стали Я. И. Боярский и Б. З. Шумяцкий⁴.

Управления и инспекции при Наркомпросе, в ведение которых ранее входило руководство искусством, были ликвидированы. Наркомпросу на передачу всех дел Всесоюзному комитету по делам искусств при СНК СССР давался срок до 15 февраля 1936 г. В приказе Народного комиссара просвещения РСФСР А. С. Бубнова № 53 от 2 февраля 1936 г. приводится внушительный перечень учреждений «со всеми находящимися при них подсобными предприятиями и хозяйствами», полномочия по руководству которыми передавались Всесоюзному комитету по делам искусств⁵. Наибольший процент из перечисленных учреждений составляли театральные, на втором и третьем месте — музыкальные и музейные, на последнем — находившиеся в подчинении Главной инспекции по изобразительному искусству.

В Положении о Всесоюзном комитете по делам искусств при СНК СССР⁶ приводится следующая его структура:

- Главное управление кинематографии;
- Главное управление театров;
- Главное управление музыкальных учреждений;
- Главное управление изобразительных искусств;
- Главное управление промышленных предприятий;

² Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 962. Оп. 3. Д. 17. Л. 90—91 (далее: РГАЛИ).

³ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 17. Л. 89.

⁴ Там же. Л. 88.

⁵ Там же. Д. 20. Л. 36—41.

⁶ Там же. Л. 15—22.

- Главное управление учебных заведений;
- Управление капитального строительства;
- Отдел архитектуры;
- Планово-экономический отдел;
- Финансовый отдел;
- Спецотдел;
- Административно-хозяйственный отдел;
- Архив.

На Главное управление изобразительных искусств возлагалась организация художественных выставок, руководство художественными музеями и картинными галереями, охрана памятников искусства, содействие в развитии художественных ремесел и самодеятельности в изобразительном искусстве.

Создание Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР

Тем временем в Симферополе разворачивается широкая дискуссия об архитектуре и перепланировке города. Связано это было с тем, что к постройке был запланирован не только упомянутый в докладе В. И. Межлаука театр (имеется в виду — крымско-татарский). В конце января 1936 г. в Симферопольском городском совете состоялось совещание, на котором рассматривался вопрос о месте для строительства Татарского государственного театра. Дабы будущий театр гармонично вписывался в общий проект перепланировки центра Симферополя, было решено провести всекрымский конкурс на лучший проект. К участникам конкурса выдвигались определенные требования: «При составлении проекта должен быть учтен выбор места для постройки: Дома правительства, здания панорамы Перекопа, татарского театра, здания кинотеатра и гостиницы. Каждый участник конкурса должен представить три эскиза в двух вариантах. Первый вариант — татарский театр в конце Советской улицы (за Домом культуры), а Дом правительства и здание панорамы — на центральной площади, где сейчас базар. По второму варианту — татарский театр и Дом правительства на центральной площади, а панорама в конце Советской»⁷.

⁷ Конкурс на лучший проект перепланировки центра Симферополя // Красный Крым. 1936. 26 янв.

В этом отношении интересен ряд статей, напечатанных в газете «Красный Крым» и освещавших ход Всекрымской конференции архитекторов. Она длилась три дня — с 7 по 9 марта. Ранее, 24 февраля, в «Красном Крыму» был помещен проект нового центрального морского, железнодорожного и автомобильного вокзала в Феодосии, разрабатываемый 1-й планировочной мастерской Крымгоспроекта⁸. В рамках конференции состоялось открытие Первой Всекрымской выставки работ архитекторов Крыма, на которой как раз и были представлены конкурсные проекты перепланировки Симферополя. Довольно развернутый ее обзор был написан Арсеньевым⁹. Арсеньев сообщает, что значительное место на выставке было уделено конкурсным вариантам проекта фасада Татарского театра работы В. И. Ковальского, Б. И. Белозерского и Л. Г. Зотова. Важно обратить внимание на критические замечания в адрес этих архитекторов (в контексте надвигающихся репрессий 1937—1938 гг.). Арсеньев пишет: «Особо надо остановиться на архитектурных недостатках представленных проектов. Здание Татарского театра должно выражать торжество ленинско-сталинской национальной политики, огромные победы в строительстве национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Вместо разрешения этих задач, участники конкурса пошли по пути реставраторства старых архитектурных форм. Многие проекты представляют собой мешанину из восточной “экзотики”. У иных проектировщиков советский татарский театр выглядит как средневековый костел. У других — как мечеть и т. д.»¹⁰ Дом правительства в Симферополе виделся автору статьи, как «сборище надерганных конструктивных форм». А кинотеатр им. Сухи (совместный проект В. И. Ковальского и С. З. Шевченко) напомнил «своим фасадом не здание советского кинотеатра, а интендантский склад».

Но вернемся к государственному строительству и созданию Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР.

⁸ Эскиз нового центрального морского, железнодорожного и автомобильного вокзала в реконструируемой Феодосии // Красный Крым. 1936. 24 февр.

⁹ Арсеньев. Симферополь завтра. На выставке проектов перепланировки и нового строительства в Симферополе // Красный Крым. 1936. 3 апр.

¹⁰ Там же.

Процесс создания Управления длился два месяца. Из доклада председателя СНК Крымской АССР А. А. Самединова на III сессии ЦИК Крымской АССР явствует, что на новое Управление возлагались большие надежды: «Расширяется и улучшается дело искусства. В 1936 г. в Симферополе будем строить татарский театр и новый кинотеатр. В Керчи Дворец культуры; будем расширять киносеть и озвучать ее в районах. Таким образом, по линии искусства наши ассигнования на 1936 г. значительно выше предыдущего года. Остается только НКПросу и будущему комитету искусства использовать эти средства, поднять качество работы так, чтобы вкладываемые государством средства в культурное строительство дали бы нам наибольший эффект»¹¹.

В итоге, Управление по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Крымской АССР было создано 13 марта 1936 г.¹²

Одной из основных задач как Всесоюзного комитета, так и Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР было содействие в развитии самодеятельного изобразительного искусства. Необходимо отметить, что ко времени создания Управления работа в этой области уже велась. В 1934 г. в фойе симферопольского кинотеатра «Юнг-Штурм» была организована Первая Всекрымская выставка самодеятельного искусства, открывшая имена таких художников, как М. А. Абселямов, И. Белицкий, И. Н. Головатый, В. Д. Колпаков, А. Н. Ярмухамедов, скульптор С. С. Карташов. 35 лучших работ Всекрымской выставки были отправлены в Москву на Первую Всероссийскую выставку художественной самодеятельности к VII Съезду Советов. Причем, некоторые из них были отмечены премиями. Например, вторую премию получил комсомолец из Сейтлера К. Н. Наголов, будущий изо-инспектор Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР. В ноябре 1935 г. открыта Вторая Всекрымская выставка самодеятельного искусства, посвященная 15-летию советизации Крыма.

¹¹ Итоги выполнения народно-хозяйственного плана 1935 г. и план 1936 г.: доклад председателя Совета Народных Комиссаров КрымАССР тов. А. А. Самединова на III сессии ЦИК КрымАССР // Красный Крым. 1936. 29 февр.

¹² Государственный архив Республики Крым. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1589. Л. 55 об. (далее: ГАРК).

По сути, Управление по делам искусств лишь продолжило эту деятельность, тем более что крымский Дом народного творчества входил в его структуру. В декабре 1936 г. открылась Третья Всекрымская выставка самодеятельного изобразительного искусства. Первой премией были отмечены работы Т. И. Афузова «Вид Алупки» и «Щорс в бою». И по традиции, лучшие работы отправлялись на всероссийские и всесоюзные выставки.

21 мая 1936 г. выходит постановление СНК СССР № 912 «О подготовке к Международной выставке в Париже в 1937 году»¹³. Общие установки Программы советского участия в Международной выставке в Париже 1937 г. «Искусство и техника в современной жизни» гласили: «Парижская выставка 1937 года совпадает с 20-летней годовщиной СССР. Отсюда — советский павильон должен продемонстрировать итоги соревнования двух систем: что сделала за 20 лет под руководством Коммунистической партии, под руководством Ленина—Сталина советская власть для улучшения материального положения и поднятия культурного уровня народов Союза СССР. Другой основной разрез диктуется программой выставки — «Искусство и техника в современной жизни». С этой точки зрения должно быть показано, что только в СССР все виды искусства и достижения техники служат украшению жизни широких масс трудящихся»¹⁴. Исходя из основных положений, четвертый зал выставки полностью отводился под живопись, скульптуру, графику и художественные ремесла. В разделе советского павильона, посвященного строительству городов и архитектуре, предлагался к демонстрации генеральный план и макет планировки Южного берега Крыма. Уже в сентябре 1936 года от Крымской АССР для советского павильона были отправлены лучшие образцы тканых изделий и вышивки, подготовленные под руководством К. Я. Рыбальской и при участии П. Я. Чепуриной¹⁵.

В течение 1936 г. Всесоюзным комитетом по делам искусств при СНК СССР разрабатывался план третьей пятилетки по искусству, согласно которому вплоть до 1942 г. должна была строиться деятельность Управления по делам искусств при СНК

¹³ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 17. Л. 55—63.

¹⁴ Там же. Л. 57.

¹⁵ *Глаголев А. Н.* На выставку в Париж. Работы крымских кустарей // Красный Крым. 1936. 23 сент.

Крымской АССР и должны быть определены основные направления в развитии крымского изобразительного искусства¹⁶.

На период третьей пятилетки были прописаны основные установки в развитии советского искусства. Для дальнейшего роста народного творчества предлагалось введение обязательного обучения искусству в общегосударственном масштабе. С помощью ряда мероприятий должны быть ликвидированы различия между городом и деревней — обучение искусству и творчество должны быть доступны каждому. Этим планировалось обеспечить подъем «национального по форме и социалистического по содержанию» искусства союзных и автономных республик и областей СССР.

Управление по делам искусств при СНК Крымской АССР в 1937 г.

1937 г. для Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР стал годом кадровых перемен.

Приказом № 19 по Управлению по делам искусств при СНК Крымской АССР от 16 февраля 1937 г.¹⁷ была утверждена структура Управления, включавшая следующие отделы:

1. Инспекторский отдел:
 - а) инспектор театров и театральных учебных заведений,
 - б) инспектор музыкальных учреждений,
 - в) инспектор по музеям, изо-искусству и архитектуре.
2. Планово-финансовый отдел.
3. Сектор учета распределения руководящих кадров.
4. Отдел по контролю за репертуаром и зрелищем.
5. Дом народного творчества.
6. Госэстрада и гастрольное бюро.

В это время пост начальника Управления занимает Карачик. Однако судя по «Докладной записке о состоянии искусства и работе Управления по делам искусств Крымской АССР»¹⁸ ситуация вскоре кардинально меняется: «В марте 1937 года решением Крымского Обкома ВКП(б) был освобожден от работы, как несправившийся, начальник Управления по делам искусств Крымской АССР

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 18. Л. 2—7.

¹⁷ ГАРК. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 235. Л. 21—26.

т. Карачик. Снятия Карачика с работы требовали многие работники искусств Крымской АССР, соответствующее решение было вынесено даже активом работников искусств по итогам февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б)». Карачик обвинялся в бездеятельности и администрировании в искусстве, чем совершенно подорвал авторитет Управления. В Докладной записке утверждалось, что новое руководство всеми силами старается перестроить методы работы, ранее характеризовавшиеся отсутствием и игнорированием политического руководства творчеством. Вероятно, Карачик был снят чуть позже, постановлением СНК КрымАССР от 8 апреля 1937 г. А 11—13 апреля состоялось собрание работников искусств, на котором было одобрено постановление Совнаркома Крыма о снятии Карачика¹⁹.

19 апреля временное исполнение обязанностей начальника Управления взял на себя А. Баккал (директор Крымского государственного татарского драматического театра)²⁰.

Невзирая на кадровые перестановки и сложную ситуацию внутри Управления, художественная жизнь Крыма все же шла своим чередом. 23 февраля протоколом № 41 Всесоюзного комитета по делам искусств была утверждена проектно-сметная документация, составленная Крымгоспроекттрестом, на строительство Татарского театра в Симферополе²¹. А 15 и 16 марта в Крымском доме народного творчества состоялось совещание руководителей студий изобразительного искусства Феодосии, Керчи, Бахчисарая, Севастополя, Сейтлера и Симферополя, на котором была принята разработанная Всесоюзным Домом народного творчества единая программа по рисунку и живописи для студий и кружков²².

1 июня 1937 г. в Управлении по делам искусств произошли сразу два назначения. Временно исполняющий обязанности А. Баккал был снят, а на должность начальника Управления назначен Х. З. Файзи²³. Заместителем начальника Управления стал

¹⁹ Собрание работников искусств // Красный Крым. 1937. 16 апр.

²⁰ ГАРК. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 1—2.

²² Совещание руководителей изостудий Крыма // Красный Крым. 1937. 20 марта.

²³ ГАРК. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.

С. Н. Чукин — бывший начальник Управления по делам искусств Кировской области²⁴.

Именно о Х. З. Файзи и С. Н. Чукине говорится в уже упомянутой Докладной записке, как о новом руководстве, которому с большим трудом приходится перестраивать методы работы Управления по делам искусств. Между прочим, упоминается, что в Крыму работает 135 художников, в их числе Н. С. Самокиш, К. Ф. Богаевский, А. Ф. и Л. Н. Гауши. «Управление по делам искусств не знает, над чем работают эти художники. На дому у художников, кроме как у Самокиша, не бывают. Совершенно не уделяется внимание творческой работе художников-татар»²⁵. Основная задача крымского Управления виделась в усилении политического руководства творчеством. Важнейшим вопросом дальнейшей работы являлось развитие искусства крымских татар и тот факт, что «до сих пор в Крыму со всей политической остротой не поставлен вопрос о ликвидации последствий вредительства врагов народа в искусстве»²⁶.

Несмотря на все минусы и критические замечания в адрес Управления по делам искусств Крымской АССР, в 1937 г. реализуется идея, о необходимости которой говорилось не одно десятилетие. А именно — о создании в Крыму учебного заведения художественного профиля.

В советское время первой попыткой стало открытие в начале 1921 г. Феодосийских государственных художественных мастерских, организованных по типу высшей школы. Более удачным опытом явилось создание в 1923 г. Симферопольского техникума изобразительных искусств (ликвидирован в 1926 г.). На протяжении следующих десяти лет в Крыму работали лишь немногочисленные студии. Пока постановлением Совета Народных Комиссаров Крымской АССР от 28 июня 1937 г. художественная студия им. Н. С. Самокиша не была реорганизована в Государственное среднее художественное училище имени заслуженного деятеля искусств академика Н. С. Самокиша. Исходя из приказов Управления по делам искусств, изначально должность заведующего

²⁴ Там же. Л. 33.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 235. Л. 22.

²⁶ Там же. Л. 26.

учебной частью училища занимал Куртсеитов, а директора — К. Н. Наголов (с 8 февраля 1937 г. инспектор по изо и архитектуре Управления)²⁷. Но уже в конце августа, сначала в качестве временно исполняющих обязанности, директором назначен Д. Ю. Богуславский (с 28 августа), а зав. учебной частью Е. М. Маркова (с 25 августа)²⁸.

16 сентября 1937 г. на страницах «Красного Крыма» появляется заметка изо-инспектора К. Н. Наголова, в которой в общих чертах описана проделанная Управлением по делам искусств при СНК Крымской АССР работа²⁹. Наголов указывает, что в течение 1937 г. в Крыму созданы четыре студии для самостоятельных художников — в Керчи, Севастополе, Ялте и Сейтлере. Особое внимание уделяется открытию художественного училища, точнее его задержке. По утверждению Наголова, связано это было с тем, что Симферопольский горсовет не смог обеспечить новое учебное заведение помещением. Переданное СНК Крымской АССР здание для училища и картинной галереи (ул. К. Либкнехта) так и не освободили от частных жильцов. Помимо этого, в заметке говорится еще об одном важнейшем событии в истории изобразительного искусства Крымской АССР: «В настоящее время проводится подготовительная работа к организации Союза советских художников в Крыму». Однако событие это на момент 1937 г. находится лишь в далекой перспективе.

Реализуя главнейшие направления своей деятельности в области политического руководства и контроля, приказом № 94 от 23 августа 1937 года Управление по делам искусств создает постоянно действующую экспертную комиссию для наблюдения за показом высококачественной и изытия низкокачественной изо-продукции на территории Крымской АССР. В состав комиссии были включены: зам. начальника Управления С. Н. Чукин, изо-инспектор Управления К. Н. Наголов, управляющий товариществом «Крымхудожник» Умеров, художник Н. Н. Болдырев, скульптор Е. М. Маркова (на тот

²⁷ ГАРК. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 12. Л. 58.

²⁸ Там же. Л. 59.

²⁹ *Наголов К. Н.* Изо-искусство в Крыму // Красный Крым. 1937. 16 сент.

момент еще не зав. учебной частью училища), художник А. В. Варфоломеев, архитектор Б. И. Белозерский³⁰.

Завершение 1937 г. прошло для Управления по делам искусств под знаком очередной смены руководства. Х. З. Файзи был снят с работы приказом СНК Крымской АССР от 3 декабря. Временное исполнение обязанностей начальника Управления взял на себя Сергей Никитич Чукин³¹.

1938 г. Кадровые перестановки в Управлении. Репрессии против архитекторов

К концу 1937 г. Управлением по делам искусств инициировано всестороннее обследование деятельности товарищества «Крымхудожник» (Симферопольского, Севастопольского и Ялтинского отделений). Итогом проверки стало «Постановление областного собрания уполномоченных товарищества “Крымхудожник” о деятельности товарищества» от 15—17 января 1938 г.³² В нем речь шла о том, что товарищество не оправдало своей основной задачи, т. е. развития творческой деятельности крымских художников. Помимо этого полностью игнорировалась политика «выращивания кадров из местных коренных жителей Крымской республики». Часть Постановления касается работы Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР, где, наряду с критикой, отмечаются и положительные стороны.

Итогом областного собрания стал ряд пунктов, на которые товариществу «Крымхудожник» следовало обратить особое внимание. Причем, часть из них в документе помечена как выполненная. Товариществу предстояло довести до конца тщательную проверку кадров. Отмечалось, что в составе Правления и отделениях «Крымхудожника» «нашли себе приют ныне разоблаченные враги народа, буржуазные националисты» Шрайер и Е. В. Конопелько (Симферополь), С. К. Адлер (Ялта), Ю. И. и А. И. Шпажинские (Севастополь), а также «морально-разложившиеся» — Сосюра (Ялта). Как выполненный, помечен пункт о разграничении функций между Правлением

³⁰ ГАРК. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

³¹ Там же. Л. 92.

³² Там же. Ф. Р-4165. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—4.

и Симферопольской организацией, для управления симферопольскими предприятиями выделен отдельный уполномоченный. Как невыполненные выделены: разрешение вопроса об организации производственных мастерских в Керчи и постоянно действующего магазина-выставки республиканского значения в Ялте, а также вопрос об организации Союза советских художников Крыма.

Тем не менее художественная жизнь Крымской АССР продолжалась. Более лояльные к советской власти и равнодушные к судьбе крымского изобразительного искусства художники — В. О. Людовый, М. Б. Мазрухо, А. О. Анопьян, М. Н. Сикулер и А. Н. Глаголев — написали обширное коллективное письмо под названием «На правах бедных родственников. О профессиональном изобразительном искусстве Крыма», которое было напечатано в «Красном Крыму»³³. Помимо уже привычного за прошедшие два года обвинения Управления по делам искусств в равнодушии, разгрому подверглись Рабис и товарищество «Крымхудожник». Последним вменяли отсутствие всякой помощи художникам, враждебное отношение к молодым национальным художникам, вменялось то, что штат товарищества сильно «раздут» и «съедает» всю прибыль организации, а в аппарате «Крымхудожника» работают люди, никакого отношения к искусству не имеющие. В заключении В. О. Людовый, М. Б. Мазрухо, А. О. Анопьян, М. Н. Сикулер и А. Н. Глаголев призвали Управление по делам искусств, наконец, задуматься над положением профессионального изобразительного искусства в Крыму.

5 мая 1938 г. в Управлении происходит новое назначение — заместителем начальника Управления по делам искусств становится И. И. Субботин³⁴.

В структуре самого Управления также происходят изменения. Приказом № 77 от 20 мая 1938 г. организуется Совет при начальнике Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР³⁵. Цель и задача Совета виделись в помощи Управлению

³³ Людовый В., Мазрухо М., Анопьян А., Сикулер М., Глаголев А. На правах бедных родственников. О профессиональном изобразительном искусстве Крыма // Красный Крым. 1938. 9 апр.

³⁴ ГАРК. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 17. Л. 48.

³⁵ Там же. Л. 49.

в повседневной организационной, методологической и художественной работе³⁶.

Вскоре на основании телеграфного распоряжения Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК СССР приказом Управления создается еще одна комиссия, на сей раз, временная³⁷. Напомним, что еще в 1936 г. в Симферополе планировалась постройка нового здания для Татарского театра. И вот, спустя два года, создается комиссия для определения количества и качества выполненных Крымгосстройтрестом работ. Однако главная цель — установление конкретных мероприятий по консервации строительства театра на 1938 г. Как известно, Татарский театр в Симферополе так и не был построен.

Для архитектуры и архитекторов Симферополя 1938 г. стал переломным.

16 июля 1938 г. арестован Б. И. Белозерский по обвинению в шпионаже. 11 апреля 1940 г. он приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Б. И. Белозерский — наиболее известный симферопольский архитектор 1920—1930-х гг. После освобождения в 1943 г. он работает в тресте «Тагилстрой», а в 1944 г. получает назначение в Симферополь. Но, узнав, что должен будет работать с теми людьми, по доносу которых был репрессирован, Б. И. Белозерский просит назначение в Днепропетровск.

Четырьмя днями ранее Б. И. Белозерского по аналогичному обвинению в шпионаже арестован В. И. Ковальский. Следствие продолжается практически два года. В итоге 11 апреля 1940 г. В. И. Ковальский обвинен в шпионаже, во вредительской планировке застройки и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей³⁸. Из мест заключения В. И. Ковальский так и не вернулся.

13 июля 1938 г., вслед за Ковальским, арестован по обвинению в шпионаже и вредительстве при проектировании инженер-архитектор «Крымгоспроекттреста» П. К. Кржижановский. 11 апреля 1940 года он приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей³⁹. Как сложилась дальнейшая судьба архитектора — неизвестно.

³⁶ Там же. Л. 53.

³⁷ Там же. Л. 65.

³⁸ Там же. Ф. Р-4808. Оп. 1. Д. 07428.

³⁹ Там же.

Последним, 18 июля 1938 года, арестован еще один симферопольский архитектор — Л. Г. Зотов. За вредительское планирование города он приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. После отбытия срока Л. Г. Зотов довольно успешно работает сначала в Магадане, затем во Владимире. К 1950 г. он становится одним из ведущих архитекторов города Владимира. 11 ноября 1951 г. Особым совещанием при Министре государственной безопасности СССР судимость с Л. Г. Зотова была снята.

В июле 1938 г. состоялась Первая сессия Верховного Совета Крымской АССР 1-го созыва. На заседании 22 июля с речью выступил депутат И. Я. Максимов. Рассматривая общее состояние развития хозяйства и культуры Крымской АССР, он отмечал: «Всем известно, товарищи, какое огромное внимание уделяют правительство и партия вопросам развития искусств в нашей стране. Всем известно, какой любовью окружают работников искусства трудящиеся нашей страны. Я думаю, что всем известно, какую огромную роль играет искусство в деле коммунистического воспитания трудящихся». Максимов констатировал, что Управление со своими задачами не справляется и до сих пор не может объединить вокруг себя лучшие творческие силы. А исполняющий обязанности начальника Управления по делам искусств С. Н. Чукин не способен справиться с этой работой⁴⁰.

На следующий день, 23 июля, последовал ответ М. И. Ибраимова в речи об образовании Правительства Крымской АССР — Совета Народных Комиссаров Крымской АССР: «Из-за неповоротливости, косности и бездеятельности Управления по делам искусств и его руководителя тов. Чукина этот важнейший участок культурной работы оказался у нас в Крыму наиболее отсталым. Представляя по вашему поручению свои предложения о составе правительства, я учел замечания и критику, которые имели место на сессии Верховного Совета в части работы начальника Управления по делам искусств тов. Чукина»⁴¹.

⁴⁰ Первая сессия Верховного Совета Крымской АССР 1-го созыва. Заседание 22 июля 1938 г. Речь депутата Максимова И. Я. // Крымский комсомолец. 1938. 26 июля.

⁴¹ Первая сессия Верховного Совета Крымской АССР 1-го созыва. Заседание 23 июля 1938 г. Речь тов. М. И. Ибраимова об образовании

Незамедлительно, на основании постановления Первой сессии Верховного Совета Крымской АССР, Управлением издан приказ, согласно которому к исполнению обязанностей начальника Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР с 25 июля 1938 года приступил Г. Г. Чучкалов⁴².

Итоги своей работы за первое полугодие 1938 г. подвели и в «Крымхудожнике» на областном собрании товарищества, состоявшемся 29—31 июля. В постановлении по итогам собрания работа Правления «Крымхудожника» была признана неудовлетворительной. Обращалось внимание, что основной задачей товарищества является борьба за широкое развитие изобразительного искусства в Крыму и направление его на путь активного содействия социалистическому строительству⁴³.

Уже 8 октября «в целях оказания производственно-творческой помощи художникам Крыма в их повседневной работе как творческой, так и производственной, для консультации и просмотра выпускаемой художественной продукции» приказом Управления по делам искусств при отделениях товарищества «Крымхудожник» в Симферополе, Ялте и Севастополе были созданы Художественные советы⁴⁴.

Деятельность Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР в 1939 и 1940 гг.

1939 г. для Управления по делам искусств при СНК Крымской АССР прошел в относительно спокойном темпе. Частые кадровые перестановки, характерные для предыдущих лет, в документах Управления не отражены. Исключение составляет лишь назначение нового инспектора по делам изо и временное отсутствие по состоянию здоровья начальника Управления Г. Г. Чучкалова.

Согласно приказу Управления от 8 апреля 1938 г. К. Н. Наголов освобождался от должности изо-инспектора⁴⁵.

Правительства Крымской АССР — Совета Народных Комиссаров Крымской АССР // Крымский комсомолец. 1938. 28 июля.

⁴² ГАРК. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 17. Л. 88.

⁴³ Там же. Ф. Р-4165. Оп. 1. Д. 1. Л. 8—10.

⁴⁴ Там же. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 17. Л. 110.

⁴⁵ Там же. Л. 31.

Замена ему была найдена лишь к концу 1939 г. Приказом от 29 октября инспектором по охране памятников и изо Управления по делам искусств был зачислен С. И. Аннапольский⁴⁶. А через месяц, 29 ноября 1939 г. начальник Управления Г. Г. Чучкалов выбывает на лечение, в связи с чем его обязанности временно были возложены на заместителя — И. И. Субботина⁴⁷.

16 мая 1939 г. был утвержден художественный совет товарищества «Крымхудожник» в составе: Н. С. Самокиш, А. Ф. Гауш, Фомина, А. А. Соколов, Л. Л. Гершзон, А. С. Ернев, М. С. Рыбников, З. З. Цивин, Ю. И. Шпажинский, А. П. Ефимов. Председателем художественного совета утвержден Л. Л. Гершзон⁴⁸.

Видимо, учтя отрицательные отзывы о своей работе, товарищество «Крымхудожник» в 1939 г. решает провести выставку своих работ. В качестве выставочной площадки был выбран Алушкинский дворец-музей и назначено жюри — И. И. Субботин (председатель), З. З. Цивин, А. А. Соколов, М. С. Рыбников, А. С. Ернев, М. Н. Сикулер, Л. Л. Гершзон. Открытие предполагалось не позднее 10 июня⁴⁹. Но приказом Управления по делам искусств ее открытие было разрешено лишь 1 июля⁵⁰.

27 октября 1939 г. постановлением бюро Крымского обкома ВКП(б) были определены наиболее важные и первостепенные цели в области изобразительного искусства Крымской АССР. «В целях стимулирования дальнейшего развития изобразительного искусства в Крыму» Управлению по делам искусств при СНК Крымской АССР предлагалось организовать выставку крымских художников, посвященную 60-летию со дня рождения И. В. Сталина, и масштабную выставку к 20-летию освобождения Крыма. Помимо этого в ближайшем будущем должна была быть создана Картинная галерея произведений академика Н. С. Самокиша и организована закупка картин лучших советских художников для пополнения советских отделов крымских музеев. Так как художественное училище все еще испытывало трудности с помещением, Совету Народных Комиссаров давался десятидневный срок для решения этого вопроса,

⁴⁶ Там же. Д. 23. Л. 170а.

⁴⁷ Там же. Л. 181.

⁴⁸ Там же. Л. 86.

⁴⁹ Там же. Д. 23. Л. 80.

⁵⁰ Там же. Л. 110.

причем в плане на 1940 г. должно было быть предусмотрено строительство нового здания для училища. Работа же по созданию Союза советских художников Крыма должна быть окончена Управлением по делам искусств и областным комитетом Рабис в ноябре-декабре 1940 г.⁵¹

Подготовка художественной выставки к 60-летию со дня рождения И. В. Сталина начинается незамедлительно. 19 ноября 1939 г. назначается комиссия по ее организации, куда вошли Л. Л. Гершзон, А. И. Полканов, А. А. Соколов, В. И. Спичак, Ю. И. Шпажинский и Шустер (председатель Правления товарищества «Крымхудожник»). Вся ответственность по подготовке этой выставки ложится на плечи изо-инспектора Управления по делам искусств С. И. Аннапольского⁵².

Выставка готовилась, без преувеличения, стахановскими темпами, так как уже 20 декабря 1939 г. в залах Симферопольской картинной галереи состоялось ее открытие. И. И. Субботин в своей докладной записке на имя Председателя Совнаркома Крымской АССР М. И. Ибраимова отчитывался об открытии выставки и сообщал, что это первая тематическая выставка художников Крыма.

Важнейшим и в течение ряда лет нереализованным для Управления по делам искусств был вопрос создания Союза советских художников Крыма. В уже приведенном здесь постановлении бюро Крымского обкома ВКП (б) от 27 октября 1939 г. создание Союза выделялось в первостепенные цели.

Итак, 13 февраля 1940 г. приказом Управления по делам утвержден состав оргкомитета Союза советских художников Крыма: Я. П. Бирзгал (председатель), Н. С. Самокиш, В. И. Спичак, М. С. Рыбников, Н. С. Барсамов, А. У. Устаев⁵³.

17 февраля 1940 г. состоялось первое заседание оргкомитета Союза. Слушался доклад Я. П. Бирзгала о целях и задачах оргкомитета, о плане работы и о распределении обязанностей между членами оргкомитета. Помимо этого, рассматривался проект анкеты и проект типового устава, присланный из Всесоюзного Комитета по делам искусств. На Я. П. Бирзгала, помимо председательских обязанностей, были возложены функции ответственного

⁵¹ Там же. Ф. Р-4165. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—4.

⁵² Там же. Ф. Р-3076. Оп. 1. Д. 23. Л. 176.

⁵³ Там же. Ф. Р-4165. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

секретаря. В. И. Спичак должен был выявить и обследовать творческую деятельность скульпторов Крыма и собрать их биографические данные. А. У. Устаеву поручалось обследование творчества и сбор анкетных данных крымскотатарских художников. Н. С. Барсамов назначался ответственным за сбор материалов о профессиональных художниках Феодосии, Старого Крыма, Судака и Керчи. М. С. Рыбникову было поручено выявление и обследование творчества художников Симферополя⁵⁴.

Президиум оргкомитета Союза Советских художников СССР своим постановлением от 8 мая 1940 г. утвердил состав оргкомитета Союза советских художников Крымской АССР⁵⁵. Уже на следующий день после утверждения начался прием в ССХ Крымской АССР.

На заседании оргкомитета Союза советских художников Крымской АССР 9 мая 1940 г. были приняты в члены ССХ — Н. А. Барышев, К. Ф. Богаевский, А. В. Варфоломеев, А. Ф. Гауш, А. Н. Глаголев, И. Н. Головатый, С. Я. Жилинский, А. О. Калафатов, П. В. Рыков, М. Н. Сикулер, А. А. Соколов; кандидатом в члены — А. С. Ернев; воздержалась от приема В. Д. Колпакова⁵⁶. 17 июня 1940 г. приняты в члены — М. П. Крошицкий, Д. А. Медведовский, В. К. Яновский⁵⁷. 20 ноября 1940 г. приняты в члены — А. П. Ефимов, М. А. Меркульева; кандидатами в члены (член оргкомитета ССХ СССР П. П. Соколов-Скала высказался, после просмотра работ, за их принятие) — А. О. Анопьян, П. Г. Артамонов, Т. И. Афузов, Х. Н. Богоудинов, М. Т. Евдокименко, М. А. Живилло, Ф. З. Ильясов, М. Д. Колесов, П. М. Мясников, С. К. Яровой⁵⁸. Последним на заседании оргкомитета ССХ Крымской АССР 14 декабря 1940 г. в члены союза был принят А. И. Полканов⁵⁹.

Все постановления оргкомитета ССХ Крымской АССР о принятии в состав членов и кандидатов были утверждены оргкомитетом ССХ СССР, за исключением одного пункта —

⁵⁴ Там же. Д. 5. Л. 1—2.

⁵⁵ Там же. Д. 3. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Д. 5. Л. 9—14.

⁵⁷ Там же. Л. 15—18.

⁵⁸ Там же. Л. 20—24.

⁵⁹ Там же. Л. 25—26.

А. Н. Глаголев был утвержден не членом, а кандидатом в члены. Таким образом, довоенный Союз советских художников Крымской АССР насчитывал в своем составе 34 художника, 22 члена и 12 кандидатов в члены ССХ.

Руководствуясь постановлением бюро Крымского обкома ВКП(б) от 27 октября 1939 г., положившим начало конкретным действиям по созданию ССХ Крымской АССР, начинается подготовка к наиболее значительному выставочному проекту в истории довоенного Союза художников Крыма — «Художественной выставки, посвященной 20-летию освобождения Крыма от белогвардейцев».

На протяжении 1940 г. в среде крымских художников шла активная подготовка к выставке, Оргкомитет старался привлечь наибольшее число участников, были организованы конференция крымских художников и совещание симферопольских скульпторов. Периодически проводился просмотр эскизов работ к предстоящей выставке.

К 24 ноября 1940 г. в помещении Крымского драматического театра им. М. Горького «Художественная выставка, посвященная XX-летию освобождения Крыма от белогвардейцев», открылась. На ней были представлены 139 работ 32 крымских художников [Художественная выставка, посвященная XX-летию освобождения Крыма...: 1941].

Вплоть до начала Великой Отечественной войны Управление по делам искусств при СНК Крымской АССР продолжало свою работу.

Заключение

Невзирая на критику, за время своей работы Управлению по делам искусств при СНК Крымской АССР все же удалось достичь неплохих результатов.

Образованному довольно оперативно (спустя два месяца после Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР) Управлению в течение 1936 г. не удалось добиться впечатляющих результатов. Хотя определенные шаги для выполнения одной из основных своих задач — содействие самодеятельному искусству, были сделаны и Третья Всекрымская выставка самодеятельного изобразительного искусства к концу года открылась.

Кроме того, началась подготовка к Международной выставке в Париже в 1937 г.

В следующем 1937 г. воплотилась в жизнь идея создания в Крыму учебного заведения художественного профиля — в Симферополе открылось Художественное училище им. Н. С. Самокиша. Необходимо отметить, что для изобразительного искусства Крымской АССР проблема художественного образования стояла остро. На протяжении предыдущих лет попытки его организации предпринимались регулярно, однако ни одна из них успехом не увенчалась. И лишь в 1937 г. долгожданное открытие художественного училища в Крыму состоялось. Конечно же, в дальнейшем обнаружился ряд проблем, в том числе и с помещением. Тем не менее, спустя десятилетия, Крымское художественное училище им. Н. С. Самокиша успешно работает до сих пор.

Отмеченный кадровыми перестановками в Управлении 1938 г. для художников и архитекторов Крымской АССР прошел под знаком арестов и обвинительных приговоров. Возможно, репрессивные меры против «врагов народа» в среде художественной интеллигенции Крымской АССР, нельзя назвать массовыми. Однако случаев этих среди художников отмечено было немало. А архитектура Крыма лишилась наиболее талантливых своих представителей.

В последующие два года Управлением по делам искусств достигнута одна из важнейших целей — организован Союз советских художников Крыма. Пусть до начала Великой Отечественной войны оставалось совсем немного, однако за это время Союзу удалось стать настоящим центром художественной жизни довоенного Крыма, в котором концентрировались имена наиболее значительных художников и скульпторов Крымской АССР.

Список источников

Художественная выставка, посвященная XX-летию освобождения Крыма от белогвардейцев. 1920—1940. Живопись. Графика. Скульптура: каталог / вступ. ст. А. И. Полканов; Оргкомитет Союза сов. художников Крым. АССР; Т-во «Крымхудожник». Симферополь: Крымгосиздат, 1941. 34 с.

References

Khudozhestvennaia vystavka, posviashchennaia XX-letiiu osvobozhdeniia Kryma ot belogvardeitsev. 1920—1940. Zhivopis'. Grafika. Skul'ptura: katalog (1941) [Art exhibition dedicated to the twentieth anniversary of the liberation of the Crimea from the Whites. 1920—1940. Painting. Graphic arts. Sculpture: catalog], vstupitel'naia stat'ia A. I. Polkanov; Orgkomitet Soiuza sovetskikh khudozhnikov Krymskoi ASSR, Tovarishchestvo “Krymkhudozhnik”, Krymosizdat, Simferopol', Russia.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

М. Н. Гаврилюк — аспирант кафедры истории, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова; сотрудник научной библиотеки «Гаврика» имени А. Х. Стевена, Центральный музей Тавриды, Симферополь, Россия.

M. N. Gavrilyuk— postgraduate student of the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov; employee of the scientific library “Tavrika” named after A. H. Steven, Central Museum of Tavrida, Simferopol, Russia.

Научная статья

УДК 34:351.853

DOI: 10.46725/IW.2022.3.8

**МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА.
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ РОССИИ И ИТАЛИИ
В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ НЕДВИЖИМОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Александр Федорович Мартынов^{1, 2, 3}

¹ Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Иваново, Россия, a_f_martin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7180-0644>

² ООО «ОРИОН», Иваново, Россия

³ АО «Ивановореставрация», Иваново, Россия

Аннотация. В 1989 г. Советский Союз стал стороной Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой в Париже 16 ноября 1972 г. на 17-й сессии Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры. Присоединение к международному договору открыло перед Россией новые возможности представить миру свои выдающиеся и уникальные исторические памятники и природные заповедники, получить дополнительные гарантии их сохранности и доступ к мировому опыту управления ими.

Участниками Конвенции ЮНЕСКО сегодня являются 193 государства, а учрежденный ею Список всемирного культурного и природного наследия насчитывает 1121 объект, расположенный в 167 странах. Россия в нем занимает девятое место — с 11 природными и 19 культурными объектами, что отражает сравнительно небольшую часть российского потенциала, хотя и весьма значимую, включающую

первые внесенные в Список ЮНЕСКО в 1990 г. «Исторический центр Санкт-Петербурга», «Кижский погост», «Московский Кремль и Красная площадь», а также открывшие природную часть наших номинаций «Девственные леса Коми» (1995 г.), «Вулканы Камчатки» и «Озеро Байкал» (1996 г.).

Однако присоединение России к Международной конвенции, с моей точки зрения, не способствовало существенному улучшению дел в сфере сохранения культурного наследия. Действующие в настоящее время в России правовые механизмы государственной охраны объектов культурного наследия не приносят ожидаемого эффекта: отсутствует надлежащим образом сформированная система государственного учета; утрачена система профессионального обучения реставраторов и объективная система подтверждения их квалификации; искажены научные подходы и инструменты реставрации, что подменяется на практике ремонтными работами без научного обоснования и вопреки аутентичности материалов и форм; отсутствуют механизмы реальной финансовой поддержки собственников исторической недвижимости со стороны государства и т. д.

Данное утверждение обосновывается результатами проведенного анализа норм российского права в части отношения государства к теме выявления и учета объектов недвижимого наследия, субсидирования и преференций для собственников, федеральных целевых программ. Анализ построен на сравнении действующего российского законодательства и одного из фундаментальных законодательных актов Италии — Кодекса культурного и ландшафтного наследия. Выбор страны основан на том, что Италия одна из ведущих стран-участников Международной конвенции, обладающая одной из лучших форм управления историческим и культурным наследием.

Ключевые слова: памятники истории и культуры, Россия, Италия, реставрация, историческая недвижимость, культурный актив, ландшафтный актив, валоризация наследия

Для цитирования: Мартынов А. Ф. Мировая и отечественная культура. Памятники истории и культуры. Сравнительный анализ национальных законодательных актов России и Италии в сфере сохранения недвижимого культурного наследия // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 155—182.

**WORLD AND DOMESTIC CULTURE.
MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE.
COMPARATIVE ANALYSIS OF NATIONAL
LEGISLATIVE ACTS OF RUSSIA AND ITALY
IN THE SPHERE OF PRESERVATION
OF IMMOVABLE CULTURAL HERITAGE**

Alexander F. Martynov^{1, 2, 3}

¹ Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Ivanovo, Russia, a_f_martin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7180-0644>

² ORION LLC

³ Ivanovorestavratsiya JSC

Abstract. In 1989 the Soviet Union became a party to the Convention concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, adopted in Paris on November 16, 1972 at the 17th session of the UN General Conference on Education, Science and Culture. Accession to this international treaty has opened new opportunities for Russia to present to the world its outstanding and unique historical monuments and natural reserves, to get additional guarantees of their preservation and access to the world experience in their management.

Today 193 states are participants of the UNESCO Convention, and the List of World Cultural and Natural Heritage numbers 1121 sites located in 167 countries. Russia occupies the ninth place with 11 natural and 19 cultural sites, which reflects a relatively small part of Russian potential, though very significant — including the first “Historic Center of St. Petersburg”, “Kizhi Pogost”, “Moscow Kremlin and Red Square” inscribed in 1990, as well as the opening natural part of our nominations “The Virgin Komi Forests” (1995), “Volcanoes of Kamchatka” and “Lake Baikal” (1996).

However, Russia’s accession to the international convention, in my opinion, has not contributed to a significant improvement in the area of cultural heritage preservation. The current legal mechanisms of state protection of objects of cultural heritage in Russia do not bring the expected effect: there is no properly formed system of state registration; the system of professional training of restorers and the objective system of confirmation of their qualification are lost; scientific approaches and restoration tools are distorted,

being replaced in practice by repair works without scientific substantiation and contrary to the authenticity of materials and forms; there are no mechanisms of real financial support for the restoration of cultural heritage.

I justify my assertion by the results of the analysis of the norms of Russian law in terms of the attitude of the state to the topic of identification and registration of immovable heritage, subsidies and preferences for owners, federal target programs. The analysis is based on a comparison of the current Russian legislation and one of the fundamental legislative acts of Italy — the Code of Cultural and Landscape Heritage. The choice of the country is based on the fact that Italy is one of the leading member countries of the International Convention, a country with an ideal form of heritage management.

Keywords: historical and cultural monuments, Russia, Italy, restoration, historical real estate, cultural asset, landscape asset, valorization of heritage

For citation: Martynov, A. F. (2022), ‘World and domestic culture. Monuments of history and culture. Comparative analysis of national legislative acts of Russia and Italy in the sphere of preservation of immovable cultural heritage’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 155—182 (in Russ.).

Введение

Актуальность. 12 января 1989 г. СССР стал стороной Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия¹, принятой в Париже 16 ноября 1972 г. на 17-й сессии Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры. Присоединение к международному договору открыло перед Советским Союзом новые возможности представить миру свои выдающиеся и уникальные исторические памятники и природные заповедники, получить дополнительные гарантии их сохранности и доступ к мировому опыту управления ими.

Участниками Конвенции ЮНЕСКО сегодня являются 193 государства, а учрежденный ею Список всемирного культурного

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 12.12.2021).

и природного наследия насчитывает 1121 объект, расположенный в 167 странах. Россия занимает в нем девятое место — с 11 природными и 19 культурными объектами, что отражает сравнительно небольшую часть российского потенциала, хотя и весьма значимую — включающую первые внесенные в Список ЮНЕСКО в 1990 г. «Исторический центр Санкт-Петербурга», «Кижский погост», «Московский Кремль и Красная площадь», а также открывшие природную часть наших номинаций «Девственные леса Коми» (1995 г.), «Вулканы Камчатки» и «Озеро Байкал» (1996 г.).

Однако присоединение России к международной конвенции, с моей точки зрения, не способствовало существенному улучшению дел в сфере сохранения недвижимого культурного наследия. Действующие в настоящее время в России правовые механизмы государственной охраны объектов культурного наследия не приносят ожидаемого эффекта: отсутствует надлежащим образом сформированная система государственного учета (единый государственный реестр памятников до сих пор не сформирован); утрачена система профессионального обучения реставраторов и объективная система подтверждения их квалификации; искажены научные подходы и инструменты реставрации (реставрация на практике подменяется ремонтными работами без научного сопровождения и вопреки аутентичности материалов и форм); отсутствуют механизмы реальной финансовой поддержки собственников исторической недвижимости со стороны государства и т. д.

Россия не изучает и не применяет лучшие мировые практики в сфере реставрации и управления исторической недвижимостью. В данном контексте под словом Россия предлагается понимать деятельность федерального регулятора — Министерство культуры Российской Федерации как уполномоченного на то федерального органа исполнительной власти. Создаваемые Минкультуры России учреждения не способны эффективно управлять и наполнять функцией исторические памятники. К примеру, созданный ФГБУК «Государственный музей-заповедник “Владивостокская крепость”» не в состоянии обеспечить сохранность более 120 сооружений, окружающих Владивосток (редуты, береговые и сухопутные батареи, пороховые погреба, противодесантные капониры, казармы, мосты, сеть канатных дорог и причалы).

При всей положительной активности учреждения — уникальные объекты фортификации разрушаются. Причиной тому является отсутствие долгосрочной государственной стратегии в сфере охраны наследия, а также объективно функционирующей системы финансирования. Подобная «стратегия» федерального регулятора вынуждает регионы вырабатывать собственные механизмы обеспечения охраны памятников истории и культуры, которые, естественно, не противоречат федеральному праву, однако вектор развития носит позитивный характер. К таким регионам в полной мере следует отнести: г. Москва (Мосгорнаследие) и г. Санкт-Петербург (КГИОП).

Европейские страны успешно справляются с задачами охраны культурного наследия. Такое мнение подтверждается состоянием памятников в Германии, Франции, Италии и т. д. Архитектурный облик городов Европы и отдельных памятников, их элементы эмоционально положительно воздействуют на человеческое восприятие, в полной мере раскрывают культурный код страны, ее традиции и т. д. Памятники природы и архитектуры приведены в порядок, их территории благоустроены, а «современные архитектурные шедевры» расположены за исторической чертой.

Постановка вопроса. Цель настоящей статьи — изучить правовое регулирование в России вопросов выявления и учета объектов недвижимого наследия, субсидирования и преференций для собственников, федеральных целевых программ и т. д. относительно европейского права.

Из поставленной цели вытекают следующие исследовательские задачи:

— определить состояние дел в России в сфере недвижимого исторического и культурного наследия;

— выявить достижения европейцев в данной области и возможности использования их опыта в российском праве.

В качестве сравнения с российским законодательством выбрано законодательство Итальянской республики, в частности, один из фундаментальных законодательных актов этой страны — Кодекс культурного и ландшафтного наследия. Выбор страны основан на том, что итальянская форма управления историческим и культурным наследием признана одной из лучших в мире.

Основная часть

Российская фабула

В соответствии с пунктом 3 статьи 44 Конституции Российской Федерации², каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»³ к задачам государственной культурной политики в области культурного наследия народов Российской Федерации, в частности, относится:

— утверждение в общественном сознании ценности накопленного прошлыми поколениями исторического и культурного опыта как необходимого условия для индивидуального и общего развития;

— практическая реализация приоритета права общества на сохранение материального и нематериального культурного наследия перед имущественными интересами физических и юридических лиц;

— повышение роли объектов культурного наследия, сохранение исторической среды городов и поселений, в том числе малых городов, создание условий для развития культурно-познавательного туризма.

В соответствии с преамбулой Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской

² Конституция Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.12.2021).

³ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/794f61e017718ffdc01e7af2e023edc189680f5f/ (дата обращения: 12.12.2021).

Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации.

Таким образом, реализуемые в Российской Федерации механизмы государственной охраны объектов культурного наследия теоретически направлены на сохранение невосполнимого ресурса — объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Декларируется, что проводимые государственными органами административные решения направлены на обеспечение безусловной сохранности памятников истории и культуры в интересах общества и государства.

Предпримем попытку проанализировать национальные законодательные акты России и Италии, показать основные (стратегические) позиции сферы.

Правовое регулирование (Россия/Италия). Структура и ответственность

В Российской Федерации, как и в Итальянской республике, основные принципы отношения к культурному наследию (права и обязанности) граждан и полномочия государства заложены в основных законах, Конституциях. Так, в пункте 3 статьи 44 Конституции России (1993 г.), декларируется, что *каждый обязан* заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

В Конституции Италии (1947 г.) изложено так: «Республика поощряет развитие культуры и научных и технических исследований. Республика охраняет природные богатства, историческое и художественное наследие Нации»⁴.

В каждом из государств создана профильная правовая система на федеральном и региональном уровнях, состоящая из законов (Россия) и кодексов (Италия), а также ведомственных актов, актов правительств и министерств.

⁴ Конституции Италии (1947 г.) <https://worldconstitutions.ru/?p=148> (дата обращения: 12.12.2021).

В Российской Федерации профильным актом является Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁵, в Итальянской республике — Законодательный декрет от 22.01.2004 № 42 «Кодекс культурного и ландшафтного наследия»⁶.

Структурно законодательные акты схожи (за исключением особенностей кодификации): от понятийного аппарата, далее принципы декларации ценности, каталогизация, принципы использования, сохранения и ответственность.

Так, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях⁷ и Уголовном кодексе Российской Федерации⁸ содержатся положения, предусматривающие защиту культурного наследия. В кодексе итальянской республики о культурном и ландшафтном наследии непосредственно прописаны нарушения и шкала штрафных санкций от 300 евро до 78 000 евро. В России — от 15 000 рублей (150 евро) до 5 000 000 рублей (55 000 евро).

В Уголовном кодексе Италии (1930 г.)⁹ две статьи, на которые ссылается Кодекс культурного и ландшафтного наследия, — это статьи 30 «Запрещение заниматься определенной профессией или промыслом» и 650 «Неисполнение распоряжений власти». Вместе

⁵ Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 12.12.2021).

⁶ Законодательный декрет от 22.01.2004 № 42 «Кодекс культурного и ландшафтного наследия» (Codice dei Beni Culturali e del Paesaggio, Decreto Legislativo numero 42 del 22 gennaio 2004). URL: https://www.bosettiegatti.eu/info/norme/statali/2004_0042.htm (дата обращения: 12.12.2021).

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.12.2021).

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (дата обращения: 12.12.2021).

⁹ Уголовный кодекс Италии (1930 г.) URL: <https://constitutionallaw.ru/?p=908> (дата обращения: 12.12.2021).

с тем, в 2011 г. Совет министров Италии принял закон от 23.09.2011 «Об усилении ответственности за порчу и хищение культурных ценностей». Документ предусматривает лишение свободы сроком до шести лет лицам, наносящим ущерб культурным, историческим и ландшафтным ценностям, находящимся под охраной закона.

Уголовный кодекс Российской Федерации принят в 1996 г. В УК РФ предусмотрена статья 243 «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей». В соответствии с названной нормой деяния, предусмотренные частью первой статьи 243 УК РФ, совершенные в отношении особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в Список всемирного наследия, историко-культурных заповедников или музеев-заповедников либо в отношении объектов археологического наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации или выявленных объектов археологического наследия, наказываются штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет.

Практика привлечения к уголовной ответственности в России крайне скудная. В качестве примера. Вахитовский районный суд города Казани вынес приговор от 24.09.2019 по делу № 1-344/2019¹⁰ в отношении гражданина, который, находясь в общественном месте, подошел к «Жилому дому», 1952 г. постройки

¹⁰ Приговор Вахитовского районного суда города Казани от 24.09.2019 по делу № 1-344/2019. URL; <https://sudact.ru/regular/doc/FE76LdkxJkU6/> (дата обращения: 12.12.2021).

архитектора А. И. Валеева, являющемуся объектом культурного наследия регионального значения, после чего с помощью баллончика с красящим веществом черного цвета, находящимся при нем, умышленно нанес на видимой части стены вышеуказанного дома надпись, обезобразив вид указанного здания, тем самым повредив его. Гражданин признан виновным по части 1 статьи 243 УК РФ, ему назначено наказание в виде 180 часов обязательных работ.

Состав наследия

Существенное различие законодательств двух государств заключается в том, что Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее также — Федеральный закон «Об объектах культурного наследия»), в отличие от итальянского кодекса, регулирует правоотношения исключительно в отношении недвижимого культурного наследия: памятников, ансамблей и достопримечательных мест.

Культурное наследие в Италии или точнее культурные ценности Италии, в отличие от российской модели, многокомпонентные.

Во-первых, это полноценные элементы культурного и ландшафтного наследия во всем своем многообразии, а во-вторых, это как недвижимое, так и движимое культурного наследие. Т. е. итальянское законодательство существенно расширяет границы правового регулирования процессов охраны наследия, дополняя ландшафтным и движимым наследием.

К примеру, кроме недвижимого культурного наследия, под действие кодекса подпадают следующие ландшафтные зоны, представляющие значительный общественный интерес:

а) недвижимые вещи, обладающие заметными характеристиками природной красоты, геологической необычности или исторической памяти, включая монументальные деревья;

б) виллы, сады и парки, которые отличаются необычной красотой;

в) комплексы недвижимых вещей, составляющих характерный аспект, имеющий эстетическую и традиционную ценность, включая исторические центры;

d) панорамные красоты, а также те точки зрения или точки обзора, доступные для публики, с которых можно насладиться зрелищем этих красот;

f) сельская архитектура, представляющая исторический интерес как свидетельство традиционной сельской экономики.

Если говорить о движимом наследии, это:

a) коллекции музеев и художественных галерей;

b) архивные документы и библиотечные коллекции;

c) предметы палеонтологии, доисторических и первобытных цивилизаций;

d) корабли и транспортные средства с художественным и историческим интересом и т. д.

Итальянский законодатель объединяет в один законодательный акт все виды и типы культурного наследия.

В России — это группа законов с персональной подгруппой подзаконных актов. Другими словами: Законодательный декрет от 22.01.2004 № 42 «Кодекс культурного и ландшафтного наследия» = Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» + Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденные Верховным Советом Российской Федерации 09.10.1992 № 3612-1 + Закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» + Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» + Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле» + Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации».

Органы власти (управления)

Полномочия в обеих странах распределены между федеральными и местными (региональными) уровнями управления (власти).

В России — это либо прямое закрепление полномочий в федеральном законе, либо делегирование (передача) полномочий в субъекты России, с правом передачи полномочий на уровень муниципалитета, с обязательным финансовым обеспечением (субвенциями).

В Италии действует территориальный принцип управления наследием, так как, в отличие от российского законодательства, итальянские культурные ценности не делятся по категориям историко-культурного значения, а правовая сторона взаимоотношений между федеральным центром и регионами оформляется соглашением.

Компетенция органов власти в России зависит от категории объектов культурного наследия и имущественных прав на здания. Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» предусмотрены следующие категории (подкатегории):

- объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия;
 - выявленные объекты культурного наследия;
 - объекты культурного наследия местного (муниципального) значения;
 - объекты культурного наследия регионального значения;
 - объекты культурного наследия федерального значения;
 - особо ценные объекты культурного наследия России;
 - объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО.
- В Итальянском Кодексе предусмотрены:
- культурное наследие Италии;
 - объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Российская модель — это сложная для понимания и правоприменения не только для специалистов и экспертов, но в большей степени для граждан и собственников памятников истории и культуры.

Федеральный и региональный уровни

В Российской Федерации федеральный орган — это Минкультуры России с одним Департаментом государственной охраны культурного наследия. Все ранее существовавшие на федеральном уровне службы и агентства упразднены. Департамент исполняет полномочия не только в сфере охраны недвижимого наследия. К смежным полномочиям Департамента относится: государственный надзор в сферах библиотечного и музейного дела, лицензионная деятельность, кинофонды, качество и полнота исполнения переданных полномочий; мобилизация и гражданская оборона и т. д.

На уровне регионов России созданы уполномоченные исполнительные органы государственной власти в структуре региональных правительств либо в аппаратах правительств. К примеру, в таком органе власти в Магаданской области 2 специалиста, по 3 в Камчатском крае, Еврейской автономной области и Сахалинской области, по 6 специалистов в Хабаровском и Приморском краях. На уровне органов местного самоуправления, как правило, специалистов нет.

В Италии создано Министерство культурного наследия, в структуре которого действует специальное ведомство (генеральная дирекция) по государственной охране культурного наследия. Итальянским кодексом предусмотрено, что регионы, столичные города, провинции и муниципалитеты также обеспечивают и поддерживают сохранение культурного наследия и поощряют его общественное использование и совершенствование.

Непосредственное управление осуществляется с помощью организационных структур внутри администраций, оснащенных адекватной научной, организационной, финансовой и бухгалтерской автономией и обеспеченных подходящим техническим персоналом. Сами администрации могут осуществлять прямое управление также в форме публичного консорциума.

Кроме того, 3 мая 1969 г. в Италии создано особое подразделение итальянской полиции — специальная служба по охране национального культурного наследия. Это корпус, входящий в состав войск карабинеров. Он занимается безопасностью, охраной и предотвращением преступлений в сфере культурного наследия.

Специальные нормы

Проанализируем соотношение норм права в каждом из актов относительно государственного влияния на сферу охраны культурного наследия. Примем следующие основные критерии оценки:

— система государственного учета памятников: выявление, изучение, каталогизация (ведение реестра) и категоричность, определение ценности памятника (актива);

— система государственной охраны памятников (определение правового статуса памятника; создание системы государственных и надзорных, научных и иных институций; формирование специально-охраняемых территорий и т. д.);

— система сохранения памятников (создание материально-технической и научной базы развития; финансовая поддержка государства и преференции; создание специальных фондов; авторизация реставрации (вмешательства) и т. д.);

— система использования памятников (содержание и обременение права собственности; приоритет государства и т. д.).

Система государственного учета

Государственный учет в российском законодательстве регулируется положениями главы IV Федерального закона «Об объектах культурного наследия» и приказом Минкультуры России от 03.10.2011 № 954 «Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». В России — это единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (ЕГРОКН).

Система учета памятников в Италии — это национальный каталог культурного наследия. Принцип каталогизации в итальянском законодательстве изложен в статье 17 Кодекса культурного и ландшафтного наследия. В частности, прописано, что Министерство с помощью регионов и других местных государственных органов обеспечивает каталогизацию культурного наследия.

В целом, подходы к каталогизации схожие с российской моделью. В России — единый реестр (ЕГРОКН), в Италии — это национальный каталог. Отличие состоит в том, что в Италии — это совместная компетенция государства, регионов и университетов. В России — это исключительная компетенция Минкультуры России, а регионы России являются лишь донорами информации и отстранены от влияния на методологию и стратегию.

Относительно выявления объектов культурного наследия в профильном российском законодательстве предусмотрено, что выявление, учет и изучение объектов культурного наследия — это исключительная компетенция органов государственной власти России, органов государственной власти субъектов России, органов местного самоуправления. Одновременно в ведомственном акте Минкультуры России указано, что работа по выявлению объектов осуществляется самостоятельно физическими и юридическими лицами, а также по заказам физических и юридических лиц за счет

средств заказчика. Нормы, очевидно, вступают в коллизию. В норме законодательного акта — это государство, в подзаконном акте — неограниченный круг лиц.

Такая коллизия существенно тормозит процессы включения в реестр «новых памятников». Практически каждый новый объект проходит сложную и длительную процедуру включения в реестр.

Процедуры выявления объектов наследия различаются. В России выявление объектов наследия осуществляется в 8 этапов:

1. Регистрация в списках объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия (заявительный характер). Заявление может направить любое заинтересованное лицо. Регистрация осуществляется региональным государственным органом.

2. Издание акта о подтверждении ценности объекта (осуществляется региональным государственным органом).

3. Заключение общественного совета при региональном государственном органе (в отдельных случаях) по социально важным объектам).

4. Издание акта и регистрация в списках выявленных объектов культурного наследия (осуществляется региональным государственным органом).

5. Организация и проведение государственной историко-культурной экспертизы. Заявители: физические и юридические лица (собственники), органы власти.

6. Общественное обсуждение акта государственной историко-культурной экспертизы.

7. Издание акта о включении объекта в реестр.

8. Издание акта о регистрации объекта в реестре.

Выявление объектов наследия в Италии осуществляется в 3 этапа:

1. Проверка культурного интереса осуществляется Министерством на наличие художественного, исторического, археологического и иного культурного интереса на основе руководящих принципов, установленных самим министерством в целях обеспечения единообразия оценки (заявительный характер).

2. Декларация культурного интереса осуществляется суперинтендантом. «В заявлении подтверждается наличие в объекте, который составляет предмет интереса, требуемого пунктом законом».

3. Регистрация в Национальном каталоге Италии.

Относительно государственного финансирования процесса выявления объектов в России. Так, в ходе работы над статьей проанализированы две государственные программы: федеральная программа «Развитие культуры и туризма» Минкультуры России и региональная программа «Развитие культуры и туризма в Ивановской области» Правительства Ивановской области. Сформулирован вывод об отсутствии средств не только на данный вид работ, но и для целого ряда направлений финансирования как таковых. В таком случае задекларированная в законе компетенция органов власти по выявлению объектов носит формальный характер. Практика показывает, что выявлением объектов занимаются инициативные граждане и общественные организации.

Система государственной охраны

В России — это система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в соответствии с настоящим Федеральным законом в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда.

В Италии защита заключается в выполнении функций и в дисциплине непосредственной деятельности на основе адекватной познавательной деятельности, чтобы идентифицировать активы, составляющие культурное наследие, и гарантировать их защиту и сохранение для целей общественного пользования.

Система определения ценности

В соответствии со статьями 6, 33 Федерального закона «Об объектах культурного наследия», установление ценности объекта (предмета охраны) относится к компетенции органов власти. Вместе с тем, в приказе Минкультуры России от 13.01.2016 № 28 «Об утверждении Порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии

со статьей 64 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»¹¹ разработка проектной документации по определению предмета охраны объекта культурного наследия может осуществляться по заказам физических и юридических лиц за счет средств заказчика. Такое изложение нормы права позволяет государственным (региональным) органам охраны памятников легально перекладывать бремя по определению предмета охраны на плечи их владельцев, дополнительно «мотивируя» мораторием на реставрацию в силу пункта 1 статьи 47.3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия».

В Италии российский «предмет охраны» поименован как *культурный актив*. Изучением наследия занимается уполномоченный университет, созданный в 1959 г. Это Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей (ИККРОМ) со штаб-квартирой в Риме. Исследовательский центр является крупнейшим в мире методологическим центром, деятельность которого посвящена сохранению культурного наследия. На настоящий момент 134 государства являются членами ИККРОМ, в том числе и Россия с 2004 г.

Процессы отличаются. В России — это не системный процесс, действующий по принципу «по мере необходимости». Более того, при объявлении государственных закупок в подавляющем большинстве случаев не определяются требования об аттестации участника в качестве эксперта.

В Италии — это государственная задача, реализуемая на системной основе, при участии профессионального сообщества.

Системы предпочтений и поддержки собственников памятников

В статье 14 Федерального закона «Об объектах культурного наследия» изложено, что собственник объекта культурного наследия, производящий за счет собственных средств работы по его сохранению, имеет право на компенсацию произведенных им затрат.

¹¹ Приказ Минкультуры России от 13.01.2016 № 28 «Об утверждении Порядка определения предмета охраны...». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202638/ (дата обращения: 12.12.2021).

Размер компенсации определяется в соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете, а порядок выплаты компенсации определяется Правительством Российской Федерации.

С 2002 г. по настоящее время Порядок компенсации Правительством Российской Федерации не установлен, а действие статьи 14 ежегодно приостанавливается. Следует констатировать, что система преференций в России отсутствует.

Справедливости ради нужно отметить несколько фактов.

Во-первых, Правительством Российской Федерации принят документ, о котором следует сказать особо. Это постановление Правительства Российской Федерации от 09.02.2021 № 141 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и государственной корпорации развития “ВЭБ.РФ” на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным по льготной ставке инвесторам для реализации инвестиционных проектов, необходимых для устойчивого развития внутреннего и въездного туризма, создания и развития туристских кластеров, способствующих развитию внутреннего и въездного туризма, и о внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по развитию туризма в Российской Федерации»¹². Так, в соответствии с пунктом 3 Правил льготный кредит предоставляется в целях строительства, реконструкции, в том числе с элементами реставрации, объектов капитального строительства, включая *объекты культурного наследия в целях их приспособления для современного использования (с учетом приобретения технических средств — материалов и оборудования, предусмотренных проектной документацией)*, включая выполнение инженерных изысканий для подготовки проектной документации, подготовку проектной документации, проведение экспертизы в отношении таких результатов инженерных изысканий и проектной документации, проверку на предмет достоверности определения сметной стоимости, в которых проектной документацией предусмотрено размещение:

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 09.02.2021 № 141 «Об утверждении Правил предоставления субсидий...». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377038/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 12.12.2021).

а) гостиниц (категория не менее «три звезды») площадью *не менее 5000 кв. м* или с номерным фондом от 120 номеров;

б) многофункциональных комплексов, предусматривающих номерной фонд санаторно-курортных организаций и (или) гостиниц категории не менее «три звезды», общая площадь которого составляет не менее 10 % общей площади многофункционального комплекса, а также развлекательные и (или) спортивно-оздоровительные комплексы, и (или) конгресс-центры, и (или) горнолыжные трассы, и (или) горнолыжные комплексы с системами искусственного оснежения.

По всей видимости, нужно воспринимать данный шаг Правительства России как позитивный и направленный на привлечение собственников и инвесторов к сохранению памятников истории и культуры, однако критерии не в полной мере адекватные фактическим реалиям провинциальной архитектуры. К примеру, площадь памятника *не менее 5000 кв. м* — это исключение порядка 90 % памятников из общего количества претендентов на получение льготного кредита.

Во-вторых, депутаты двух комитетов Государственной Думы России по культуре и по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству во главе с Еленой Драпеко и Галиной Хованской в апреле 2021 г. объявили о подготовке законопроекта о финансировании жилых домов-памятников государством и муниципалитетом. В интервью «Парламентской газете» первый заместитель председателя Комитета Госдумы России по культуре Елена Драпеко заявила: «Поскольку государство признало жилые дома памятниками, оно должно участвовать в реставрации таких зданий»¹³ [Заверняева, 2021]. По состоянию на 12 декабря 2021 г. в «Системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации»¹⁴ не зарегистрирован законопроект на заявленную в апреле т. г. тему.

¹³ Заверняева С. Дома-памятники предлагают восстанавливать за счет бюджета и инвесторов // Парламентская газета. 2021. 2 апр. URL: <https://www.pnp.ru/social/doma-pamyatniki-predlagayut-vosstanavlivat-zaschet-byudzheta-i-investorov.html> (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁴ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2021).

На сегодня, федеральная программа «Развитие культуры»¹⁵ (бывшая Федеральная целевая программа «Культура России») не способна обеспечить сохранение памятников России даже на 10 %, да и объекты «попадают» в программу по специальным (отдельным) поручениям.

Во многих регионах России отсутствуют государственные целевые программы сохранения объектов культурного наследия, а в тех регионах, в которых такие программы действуют, не обеспечены реальным финансированием. Так, на реализацию действующей в Ивановской области государственной программы «Развитие культуры и туризма в Ивановской области»¹⁶ выделена сумма в 1,6 млн руб. на 6 лет (2018—2024 гг.) на непосредственную деятельность по государственной охране (проведение государственных историко-культурных экспертиз, разработка научно-проектной документации и т. д.), что не соответствует фактическим потребностям региона.

В Италии государство, регионы, другие территориальные государственные органы, а также любые другие государственные органы и институты гарантируют безопасность и сохранение культурного наследия. Частные владельцы культурных ценностей также обязаны гарантировать их сохранение.

«Итальянская» схема такова.

При *добровольном* вмешательстве (сохранении), на стадии получения разрешения, которое в отличие от российской нормы действует 5 лет, государство принимает ряд важных решений:

- определяет размер предоставления налоговой льготы;
- определяет размер бремени реставрации (вмешательства);
- размер компенсации (диапазон от 50—100 %);
- о размерах и этапах авансирования;
- о предоставлении субсидии по процентной ставке по кредиту или другой форме финансирования. При этом государство полностью оплачивает взнос (процент по кредиту) непосредственно в кредитную организацию. Т. е. собственник получает «чистые» деньги.

¹⁵ Федеральная программа «Развитие культуры». URL: <http://gp-kultura.ru/> (дата обращения: 12.12.2021).

¹⁶ ГП «Развитие культуры и туризма в Ивановской области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/450376064> (дата обращения: 12.12.2021).

При *наложенном вмешательстве* «работают» все льготы, которые предусмотрены для добровольного вмешательства (реставрации).

Важно условие, установленное кодексом: если владелец имущества не выполняет обязательства в соответствии с инструкциями суперинтенданта в установленный им срок, то государство приступает к прямому исполнению, т. е. к вмешательству (сохранению). Затраты на вмешательства, понесенные непосредственно государством, взыскиваются с собственника в формах, предусмотренных законодательством об обязательном сборе доходов.

Отчуждение памятников, обмен, валоризация

Значимой особенностью итальянского законодательства, что не свойственно для российской модели, являются нормы права, позволяющие государству регулировать отчуждение памятников, контролировать другие выбытия и обмен.

Так, в соответствии со статьями 54—62 Кодекса культурного и ландшафтного наследия Италии:

а) здания и районы, представляющие археологический интерес;

б) объекты, объявленные национальными памятниками в соответствии с действующим законодательством;

с) коллекции музеев, художественных галерей, галерей и библиотек;

д) архивы;

ф) недвижимые и движимые вещи, принадлежащие кому-либо, имеющие особое значение в связи с их ссылкой на политическую, военную, литературную, художественную, научную, технологическую, промышленную культуру и культуру в целом, или в качестве доказательства идентичности и истории общественных, коллективных или религиозных учреждений, не могут быть отчуждены без разрешения федерального министерства. Интересно, что запрос на разрешение на продажу сопровождается:

а) указанием на предполагаемое использование;

б) программой мероприятий, необходимых для обеспечения сохранности имущества;

с) указанием целей улучшения, которые должны преследоваться при отчуждении актива, а также методов и сроков, предусмотренных для их достижения;

д) указанием предполагаемого использования, также в соответствии с целями улучшения, которые должны быть достигнуты;

е) методы публичного использования имущества, а также в связи с ситуацией, возникшей в результате предыдущего использования.

При этом государство имеет право преимущественной покупки культурного актива — памятника (движимого или недвижимого).

Немаловажной декларацией итальянского законодательства являются принципы укрепления культурного наследия (валоризация). К примеру, в соответствии со статьями 111—114 Кодекса культурного и ландшафтного наследия прописана валоризационная деятельность, заключающаяся в создании и устойчивой организации ресурсов, структур или сетей или в предоставлении технических навыков, финансовых или инструментальных ресурсов, направленных на выполнение функций и достижение целей:

— выполнение заявленных функций валоризации и достижение результата относительно популяризации знаний о культурном наследии;

— обеспечение наилучших условий для публичного доступа к памятникам, в том числе людьми с ограниченными возможностями;

— развитие культуры;

— поощрение и поддержка мероприятий по сохранению культурного наследия;

— реконструкция зданий и территорий, подверженных риску или ухудшению защиты, или создание новых согласованных и интегрированных ценностей ландшафта.

Государство, регионы и другие местные государственные органы заключают соглашения для определения общих стратегий и целей повышения стоимости, а также для разработки последующих стратегических планов и программ культурного развития, касающихся культурного наследия, имеющего общественную значимость. Соглашения могут быть заключены на региональной или субрегиональной основе в отношении определенных

территориальных зон, а также могут способствовать интеграции в согласованном процессе улучшения инфраструктуры и смежных производственных секторов. Частная инициатива в лице владельцев культурных ценностей, их деятельность по валоризации ценностей, может получить поддержку государственных и местных органов власти.

Законодательством Российской Федерации, в том числе в законопроектной деятельности, не установлено признаков наличия положений, развивающих тему с валоризацией, а приватизация возможна практически в отношении любого памятника при соблюдении определенных формальностей.

Ландшафт

«Ландшафтный товар» выделен в Кодексе культурного и ландшафтного наследия Италии в самостоятельную часть. Под ландшафтом Кодекс определяет выразительную территорию идентичности, характер которой происходит от действия природных и человеческих факторов и их взаимосвязей. Кодекс защищает ландшафт в отношении тех аспектов и символов, которые составляют материальное и видимое представление национальной идентичности, как выражение культурных ценностей. Итальянский закон определяет правила, принципы и дисциплину защиты ландшафтных активов. Кодекс декларирует, что улучшение ландшафта способствует развитию культуры. С этой целью государственные администрации поощряют и поддерживают, в той степени, в которой это их касается, конкретные знания, информацию и обучение, переквалификацию и реализацию ландшафта и, где это возможно, создание новых согласованных и интегрированных ценностей ландшафта.

Государство и регионы обеспечивают, чтобы вся территория была должным образом известна, охранялась, планировалась и управлялась из-за различных ценностей, выраженных различными контекстами, которые ее составляют. С этой целью регионы подвергают территорию конкретным правилам использования с помощью ландшафтных планов или градостроительных планов с особым учетом ландшафтных ценностей, которые в дальнейшем называются «ландшафтными планами». Разработка ландшафтных планов осуществляется совместно министерством

и регионами, ограничиваясь ландшафтными активами. Для каждой области ландшафтные планы определяют конкретные предписания и прогнозы, в частности:

а) сохранение составных элементов и морфологии объектов ландшафта, подлежащих защите, с учетом также архитектурных типологий, методов и строительных материалов, а также потребностей в восстановлении ценностей ландшафта;

б) реконструкция скомпрометированных или деградированных районов;

с) сохранение ландшафтных особенностей других территорий;

д) определение линий развития городов и зданий в соответствии с их совместимостью с различными признанными и охраняемыми ландшафтными ценностями с уделением особого внимания охране сельских ландшафтов и объектов, включенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

История с ландшафтами в России развивается слабо. О зонах природного охраняемого ландшафта заявлено в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия», однако на деле, в силу недостаточной квалификации разработчиков таких зон, недостаточности профессионального и человеческого ресурса, у региональных органов «руки не доходят» до полноценного и эффективного контроля за соблюдением регламентов в зонах ландшафта. В подтверждение таких выводов можно приводить аргументы неконтролируемого (высотного) современного строительства в зонах визуального бассейна Стрелки Васильевского острова или живописного ансамбля «Есенинская Русь — место, связанное с жизнью и творчеством поэта С. А. Есенина».

Авторизация

Сравним разрешительный порядок проведения работ по реставрации памятников истории и культуры, а также сопряженной хозяйственной деятельности на территории объекта культурного наследия и земельных участках в непосредственной близости к памятникам.

Норма, изложенная в пунктах 2 и 3 статьи 36 Федерального закона «Об объектах культурного наследия», регулирует работы

на территории памятника и земельном участке, непосредственно связанном с территорией памятника. Для производства работ необходимо:

- профинансировать разработку Раздела по обеспечению сохранности памятника истории и культуры и акта государственной историко-культурной экспертизы;

- получить согласования Раздела по обеспечению сохранности памятника истории и культуры в государственном органе.

В соответствии с пунктами 1—3 статьи 45 Федерального закона «Об объектах культурного наследия» для проведения работ по сохранению памятника следует соблюсти следующий порядок:

- получить задание на проведение научно-исследовательских работ;

- получить разрешение на проведение научных исследований (для инструментального обследования, обмеров, зондажей и т. д.);

- профинансировать и организовать:

- ✓ научные исследования (изыскания);

- ✓ разработку научно-проектной документации (проект реставрации);

- ✓ государственную историко-культурную экспертизу;

- обеспечить согласование в государственном органе проекта реставрации;

- получить разрешение на реставрацию (срок действия разрешения — 1 год).

Статья 146 Кодекса культурного и ландшафтного наследия Италии определяет порядок авторизации (выдача разрешения). Он состоит из подготовки и получения:

- проекта вмешательств (реставрации);

- документации с оценкой воздействия на объект и окружающую среду и на совместимость интересов охраняемого ландшафта и планируемого вмешательства;

- разрешения (разрешение представляет собой автономный и предполагаемый акт в отношении разрешения на строительство или других названий, узаконивающих градостроительное вмешательство) (срок действия авторизации — 5 лет).

Значимо, что Кодексом культурного и ландшафтного наследия Италии предусмотрены преференции для собственников

в порядке статьи 147, когда вмешательства (работы) не подлежат авторизации:

а) для обычного, внеочередного обслуживания, статического уплотнения и консервативного восстановления, которые не изменяют состояние мест и внешний вид зданий;

б) за вмешательства, связанные с осуществлением агролесоводственно-скотоводческой деятельности, которые не влекут за собой постоянного изменения состояния мест, в которых имеются строительные конструкции и другие строительные работы, и при условии, что это виды деятельности и работы, которые не изменяют гидрогеологическое строение территории;

в) на вырубку, лесонасаждение, лесовосстановление, мелиорацию, противопожарные и консервационные работы, которые должны проводиться в лесах, при условии, что они предусмотрены и разрешены согласно соответствующему законодательству.

Анализ процессов администрирования разрешительной деятельности указывает на значительную бюрократизацию такой работы органов власти в Российской Федерации. Как уже отмечалось, в Италии для обычного, внеочередного обслуживания, статического уплотнения и консервативного восстановления, которые не изменяют состояние мест и внешний вид зданий, не требуется авторизация (разрешение). В России такие механизмы отсутствуют. Каждый шаг требует документального обеспечения, а это сроки (до 200 дней, включая разработку разделов, экспертизу, согласования и т. д.) и финансовых затрат без какого-либо участия государства.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

Российское законодательство в сфере охраны недвижимого культурного наследия, в отличие от европейского (итальянского) законодательства, находится на стадии становления и развития. Можно констатировать, что действующие нормы примитивны и зачастую неисполнимы, что «пугает» их владельцев. Собственники памятников, в условиях отсутствия какой-либо финансовой поддержки со стороны государства, а также административного

воздействия при проведении проверок, предпочитают «уходить» от использования исторической недвижимости либо пользоваться услугами псевдореставраторов.

В порядке рекомендаций следует:

— совершенствовать правовые механизмы выявления объектов культурного наследия с первого шага до завершения всех научных изысканий по памятнику, определив исключительную компетенцию государства и государственных научно-исследовательских институтов по установлению предмета охраны и границ территории, утверждению охранных зон и установлению информационных надписей, исключив финансовое участие собственников исторической недвижимости;

— ввести в действие механизмы компенсации средств, вложенных собственниками в реставрацию памятников;

— реформировать разрешительную деятельность, устранив излишние требования;

— включить в план деятельности Минкультуры России работу по созданию нового Кодекса Российской Федерации по охране культурного наследия.

Статья поступила в редакцию 21.12.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 21.12.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.

Информация об авторе / Information about the author

А. Ф. Мартынов — магистрант, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); заместитель директора, Общество с ограниченной ответственностью «ОРИОН»; эксперт государственной историко-культурной экспертизы, АО «Ивановореставрация», Иваново, Россия.

A. F. Martynov — master's student, Ivanovo branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA); deputy director, Limited liability company "ORION"; expert of the state historical and cultural expertise, JSC "Ivanovorestavratiya", Ivanovo, Russia.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 183—192

Intelligentsia and the World. 2022. No. 3. P. 183—192.

Рецензия

УДК 37.015(470+571)

DOI: 10.46725/IW.2022.3.9

**«ПЛОДЫ УЧЕНОСТИ»:
НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ В РОССИИ**
*Рец. на кн.: Фандо Р. А. Народные университеты
Российской империи: от популяризации к
организации науки. М.: Янус-К, 2020, 344 с.*

Владимир Вячеславович Комиссаров

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия,

Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Аннотация. Представленная публикация — рецензия на монографию Р. А. Фандо, посвященную возникновению, истории и деятельности народных университетов в Российской империи в начале XX в. Народные университеты стали частью так называемой «вольной школы», которая существовала независимо от императорских университетов и финансировалась среди прочего частным капиталом и средствами меценатов. В рецензии отмечается актуальность темы монографии. Изучение истории народных университетов может дать необходимый опыт становлению негосударственной школы в стране, ее формам и организации. Кроме того, многие аспекты деятельности народных университетов до сих пор мало изучены в историографии. Монография основана на широком круге источников и литературы. Здесь мы можем видеть архивные материалы из фондов центральных и местных архивов.

Эти источники дополнены обширным корпусом опубликованных документов, воспоминаний и исследовательской литературы. Автор монографии рассмотрел многие аспекты деятельности четырех народных университетов в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде и в Томске. Такой выбор был определен тем, что они представляли различные регионы страны со своей спецификой. В монографии исследуется профессорско-преподавательский состав народных университетов, контингент студентов. Автор изучает формы самоорганизации преподавателей и студентов, рост научных исследований. В данной рецензии подчеркивается, что многие выводы Р. А. Фандо лежат в плоскости интеллигентоведческого дискурса. Например, это тезис об активной гражданской позиции профессуры «вольной школы». Также важен вывод о том, что опыт народных университетов не пропал после революции 1917 г., а был востребован при создании советской системы высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, интеллигенция, народные университеты, «вольная школа», научная популяризация

Для цитирования: Комиссаров В. В. «Плоды учености»: народные университеты в России. *Рец. на кн.: Фандо Р. А. Народные университеты Российской империи: от популяризации к организации науки. М.: Янус-К, 2020, 344 с. // Интеллигенция и мир. 2022. № 3. С. 183—192.*

Review

«BENEFITS OF SCHOLARSHIP»: PEOPLE'S UNIVERSITIES IN RUSSIA

Review on the book: Fando R. A. People's universities of the Russian Empire: from popularization to the organization of science. M.: Janus-K, 2020, 344 p.

Vladimir V. Komissarov

Ivanovo State Agricultural Academy,
Ivanovo, Russia, cosh-kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Abstract. The presented publication is a review of the monograph by R. A. Fando devoted to the emergence, history and activities of people's universities in the Russian Empire at the beginning of the XX century. The People's universities became part of the so-called "free school", which existed independently of the imperial universities and was financed, among other things,

by private capital and funds of patrons. The review notes the relevance of the topic of the monograph. Studying the history of people's universities can give the necessary experience to the formation of a non-state school in the country, its forms and organization. In addition, many aspects of the activities of people's universities are still poorly studied in historiography. The monograph is based on a wide range of sources and literature. Here we can see archival materials from the collections of central and local archives. These sources are supplemented by an extensive corpus of published documents, memoirs and research literature. The author of the monograph examined many aspects of the activities of four national universities in Moscow, Petrograd, Nizhny Novgorod and Tomsk. This choice was determined by the fact that they represented different regions of the country with their own specifics. The monograph examines the teaching staff of national universities, the contingent of students. The author studies the forms of self-organization of teachers and students, the growth of scientific research. This review emphasizes that many of the conclusions of R. A. Fando lie in the plane of intelligentsia discourse. For example, this is a conclusion about the active citizenship of the professors of the "free school". It is also important to conclude that the experience of people's universities did not disappear after the revolution of 1917, but was in demand when creating the Soviet system of higher education.

Keywords: higher education, intelligentsia, national universities, "free school", scientific popularization

For citation: Komissarov, V. V. (2022), "Benefits of scholarship": people's universities in Russia. Review on the book: Fando R. A. (2020), *Narodnye universitety Rossiiskoi imperii: ot popularizatsii k organizatsii nauki* [People's universities of the Russian Empire: from popularization to the organization of science], Janus-K, Moscow, 344 p., *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 183—192 (in Russ.).

Научная популяризация была неотъемлемым элементом жизни отечественной интеллигенции советского периода. Автор этих строк в ряде своих прежних публикаций отмечал распространение научно-популярных изданий в ассортименте издательств, создание книжных серий, специализировавшихся на популяризации большой науки [Комиссаров, 2017: 33—40; 2018: 30—35]. Научная популяризация заняла прочное место на страницах периодической печати. Здесь можно назвать как старые журналы: «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Знание — сила»,

«Техника — молодежи», так и издания, созданные в период оттепели, а именно: «Юный техник», «Моделист — конструктор», «Химия и жизнь». Не сложно заметить, что популяризация охватывала практически все группы общества, причем не только в социальном разрезе, но и по возрастам. На детскую и юношескую аудиторию ориентировались отмеченные несколькими строками выше журналы, а также ежегодники «Хочу все знать», «Глобус» и др. Важной площадкой для научной популяризации стал кинематограф, целая плеяда талантливых режиссеров-популяризаторов старались удовлетворить придирчивые вкусы советских зрителей. Среди них можно назвать А. М. Згуриди, Ф. М. Соболева, С. Л. Райтбурта. И, наконец, научная популяризация вошла в жизнь советских людей через «голубой экран» телевизора. Как раз на 1970-е гг. пришелся рассвет научно-популярных телепередач на советском телевидении. Причем, сама по себе научная популяризация являла собой «вершину айсберга», коим являлось могучее древо советской науки и высшего образования.

Такое длительное вступление понадобилось для того, чтобы показать научную актуальность и значимость рецензируемой нами работы — фундаментальной монографии Романа Алексеевича Фандо, посвященной истории зарождения, развитию, трансформации, месту и роли народных университетов в Российской Империи. Хронологические рамки этой публикации — период с 1900 до 1920-х гг. [Фандо, 2020: 7]. Иначе говоря, деятельность народных университетов предшествовала периоду рассвета в советском обществе научной популяризации и науки в целом. Но тем ценнее полученные выводы, которые наглядно показывают, что, вопреки отдельным досужим рассуждениям некоторых современных публицистов, взлет в развитии науки и техники в СССР, рост образования и популяризации произошел не вдруг, а опирался на достижения предшествующего периода.

Следует отметить, что Р. А. Фандо выделяет и другие аспекты актуальности и значимости проблемы. Среди прочего это практика организации негосударственных учебных заведений за счет, прежде всего, частного капитала. «Опыт этих неправительственных вузов в организации учебной и научной работы использовался как при формировании советской высшей школы, так и общественных университетов русского зарубежья, — пишет

автор и продолжает. — Преемственность традиций народных университетов в активно создаваемых в 1920-е гг. высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах до сих пор остается не изученной отечественными и зарубежными историками» [Там же: 6].

В рецензируемой монографии рассматривается широкий круг вопросов, касающихся истории народных университетов и т. н. «вольной школы» в России. Пристального внимания исследователя удостоились такие аспекты, как создание народных университетов, их организационное устройство, профессорско-преподавательский состав, студенческий контингент, формы и способы популяризации и пропаганды научных знаний, становление научных исследований в рамках народных университетов. Завершающая глава посвящена судьбам преподавателей народных университетов и их наследия после 1917 г.

При создании этой монографии Р. А. Фандо использовал широкий круг источников. Особым украшением стали архивные фонды. Здесь мы видим материалы центральных архивохранилищ: Государственного архива РФ, архива Российской академии наук, Российского государственного исторического музея, Государственного исторического музея, отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Но исследователь не ограничился центральными учреждениями и широко использовал материалы Государственного архива Томской области и отдела редких книг и рукописей научной библиотеки Томского государственного университета. Весьма обстоятельно выглядит список используемой литературы, насчитывающий свыше трехсот наименований, включая опубликованные документы, публицистику, мемуары, исследовательскую литературу.

Следует подчеркнуть, что монография стала результатом многолетних исследований автора, результаты которых нашли отражение в предшествующих публикациях [Фандо, 2008; 2018; 2019].

Автор акцентировал свое внимание на изучении истории четырех народных университетов, существовавших в России в начале XX в. Это Университет имени А. Л. Шанявского в Москве (Московский городской народный университет — МГНУ), Университет имени Л. И. Лутугина в Петрограде, Нижегородский и Томский народные университеты (НГНУ и ТГНУ соответственно). Все эти

заведения отличались своими особенными чертами, но при этом имели много общего. Выбор для изучения именно этих университетов автор объяснил тем, что они были расположены в различных регионах России с различным населением, природно-географическими и социально-экономическими условиями.

Если учитывать специфику журнала «Интеллигенция и мир», интерес представляет преимущественно интеллигентоведческая тематика. Р. А. Фандо отмечает, что в неправительственные университеты привлекались ведущие ученые с признанными научными заслугами, которые часто совмещали работу в «вольных» и в императорских вузах [Фандо, 2020: 122]. Но при этом на формирование профессорско-преподавательского корпуса сильно влияли региональные особенности. Например, в 1911 г. из Московского университета в знак протеста против политики министра просвещения ушел ряд видных ученых и преподавателей, что позволило усилить кадровый состав Университета имени А. Л. Шанявского. А вот Нижегородский народный университет, напротив, испытывал недостаток высококвалифицированных кадров с учеными степенями, что заставляло его руководство привлекать иногородних преподавателей. В свою очередь народные университеты в Петрограде и в Томске ощущали сильную конкуренцию со стороны императорских университетов, что не позволило им развиваться в полноценные центры науки и образования. Но, несмотря на местные отличия, профессорско-преподавательский состав народных университетов отличали выраженная гражданская позиция и высокая социальная активность. «Ученое сообщество народных университетов, особенно МГНУ, сыграло весьма важную роль в динамике происходивших в стране перемен, — отмечает Р. А. Фандо. — Изучение творческого наследия ряда ученых указывает, что они были не только авторами научно-технических новаций и связанных с этим экономических преобразований, но и катализаторами развития общей культуры, преобразования социального устройства, формирования гражданского общества в России начала XX века» [Там же: 304].

Очень характерные результаты принес анализ автором рецензируемой монографии контингента студентов народных университетов. В них обучались представители практически всех социальных слоев, включая служащих государственных и негосударственных

учреждений (например, в НГНУ). Однако народные университеты привлекали на студенческую скамью те группы, которым был ограничен доступ в государственные вузы. Это, прежде всего, женщины, причем, зачастую домохозяйки [Там же: 141]. Другой группой, для которой народные университеты стали привлекательны, явилась еврейская молодежь. Здесь значительную роль играли, конечно же, правительственные ограничения, которые еще со времен Александра III заметно ограничивали для еврейской молодежи возможность получения высшего образования в императорских университетах. Естественно, что учащиеся народных университетов активно разделяли идеи свободомыслия, были нелояльны властям, что вызывало понятное беспокойство полицейского аппарата империи и сопровождалось соответствующими мерами надзора. Также автор отмечает различные формы самоорганизации студенчества народных университетов.

«Красной нитью» через монографию Р. А. Фандо проходит трансформация места и роли народных университетов. Если в начале своего возникновения они преследовали задачи популяризации и пропаганды научных знаний, то уже затем в них стали реализовываться новые формы организации научных исследований и высшего образования.

И хотя народные университеты просуществовали крайне недолго, их наследие не пропало после 1917 г. Как отмечает автор монографии, опыт «вольной школы» был востребован сразу по двум направлениям. Во-первых, часть сотрудников народных университетов покинули страну и стали работать в эмиграции, в Русских народных университетах в Париже, Белграде, Берлине, Праге. Во-вторых, многие профессора «вольной школы» продолжили свою научную и преподавательскую деятельность в Советской России, возглавили лаборатории и новые научные институты. Данный вывод очень важен в научно-теоретическом плане. Он еще раз опровергает распространенную точку зрения о пресечении интеллигентской традиции в России после 1917 г. Причем эта концепция существует в двух вариантах. Еще в советской историографии утверждалось фактически о создании заново после революции «социалистической интеллигенции», которая и стала истинной выразительницей интересов народа. Альтернативный вариант говорит о гибели подлинной интеллигенции в горниле

революции и Гражданской войны. Против такого подхода неоднократно выступали ведущие интеллигентоведы страны. Например, В. С. Меметов отмечал: «Уникальный опыт отечественной интеллигенции, конечно же, не был утрачен в советское время. Устойчивое суждение о разрыве интеллигентской традиции в ходе революции 1917 г. является не более чем мифом. Как верно подметил О. Ю. Олейник, понятия “российская” и “советская” применительно к “отечественной” культуре и интеллигенции, отражают, прежде всего, разновременность существования, и их разнородность не должна абсолютизироваться» [Интеллигенция и интеллектуалы..., 2016: 71]. Монография Р. А. Фандо дает богатый фактический материал, прослеживающий четкую преемственность традиций от дореволюционной интеллигенции к интеллигенции советской. «Несмотря на то, что долгое время в историографии становление советской высшей школы и науки рассматривалось как дискретный процесс, начавшийся с 1918 г., материал нашего исследования указывает на тесную связь научных и образовательных институтов советской России с дореволюционными высшими учебными заведениями, в том числе и с народными университетами», – резюмирует автор анализируемой монографии [Фандо, 2020: 306].

Конечно, в столь краткой рецензии сложно выделить все достоинства рецензируемой работы. Нельзя не отметить еще одну положительную черту книги — тщательно оформленный научно-справочный аппарат. В отличие от многих современных изданий книга содержит подробный именной указатель.

Не вызывает сомнений, что исследование Р. А. Фандо внесет заметный вклад в изучение истории высшего образования России, развития научной популяризации в стране, сыграет существенную роль в уточнении различных аспектов деятельности отечественной интеллигенции в разные периоды истории.

Список источников

Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие: проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. 200 с.

- Комиссаров В. В. Интеллигенция, научно-популярная публицистика и цензура в 1960—1980-е годы // Интеллигенция и мир. 2017. № 3. С. 33—52.
- Комиссаров В. В. Научно-популярная книжная серия «Эврика» как источник по истории советской интеллигенции 1965—1976 годов // Интеллигенция и мир. 2018. № 1. С. 30—45.
- Фандо Р. А. Культурно-просветительская деятельность Московского общества народных университетов // Всеобщая история. 2019. № 2. С. 50—56.
- Фандо Р. А. Народные университеты Российской империи: от популяризации к организации науки. М.: Янус-К, 2020. 344 с.
- Фандо Р. А. Неизвестное об известном биологе. Из дневниковых записей А. С. Серебровского // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78. № 3. С. 250—263.
- Фандо Р. А. Расцвет негосударственного высшего образования в дореволюционной России // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 106—119.

References

- Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds) (2016), *Intelligentsiia i intellektualy — takie raznye ... i pokhozhie: problemy samoopredeleniia i deiatel'nosti v XX — nachale XXI veka*. [Intelligentsia and intellectuals are so different ... and similar: problems of self-determination and activity in the XX — early XXI century], Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.
- Komissarov, V. V. (2017), 'Intelligentsia, popular science journalism and censorship in the 1960s—1980s', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 33—52.
- Komissarov, V. V. (2018), 'Popular science book series "Eureka" as a source on the history of the Soviet intelligentsia 1965—1976', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 30—45.
- Fando, R. A. (2019), 'Cultural and educational activity of the Moscow Society of People's Universities', *Vseobshchaia istoriia* [Universal History], no. 2: 50—56.
- Fando, R. A. (2020), *Narodnye universitety Rossiiskoi imperii: ot popularizatsii k organizatsii nauki*, [People's universities of the Russian Empire: from popularization to the organization of science], Janus-K, Moscow, Russia.

- Fando, R. A. (2008), 'Unknown about a famous biologist. From the diary entries of A. S. Serebrovsky', *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], vol. 78, no. 3: 250—263.
- Fando, R. A. (2018), 'The heyday of non-state higher education in pre-revolutionary Russia', *Genesis: istoricheskie issledovaniia* [Genesis: historical research], no. 7: 106—119.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 23.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

В. В. Комиссаров — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия имени Д. К. Беляева, Иваново, Россия.

V. V. Komissarov — Doctor of Science (History), Docent, Professor of the Department of General educational disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev, Ivanovo, Russia.

Информация для авторов

Information for authors

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com).

Реквизиты журнала

ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. К публикации принимаются научные статьи, обзорные статьи, редакционные статьи, дискуссионные статьи, персоналии, редакторские заметки, рецензии на книгу, рецензии на статью, спектакль и т. п. Рекомендуемый объем статьи и обзоров 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), редакторские заметки и рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

2. Материалы принимаются по адресу, указанному на сайте журнала (http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/), а также по следующим адресам: int_i_mir@mail.ru, vlchernoperov@rambler.ru, orvozi@rambler.ru.

В соответствии с новым ГОСТ Р 7.07-2021 начиная с 2022 г. требования к оформлению публикаций изменились.

3. Комплект документов должен состоять **из двух файлов**:

3.1. В первом файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.1.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.1.2. На следующей строке для статьи, обзора, сообщения, рецензии и т. п. в левом верхнем углу указывается **УДК**.

3.1.3. На следующей строке по центру — **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом** название работы.

3.1.4. На следующей строке — **полужирным шрифтом** имя, отчество, фамилия автора / авторов (полностью).

3.1.4. Далее через пробел следует публикация.

Статья должна иметь следующую структуру:

введение с обязательными и указанными в тексте рубриками: *актуальность, постановка вопроса* (приветствуются также краткие *историкогеографический и источниковедческий обзоры*);

методология и методы исследования;

основная часть (приветствуется разделение на смысловые разделы);

заключение, в котором подводятся итоги исследования.

Обзорные материалы, сообщения или рецензии строгой внутренней структуры не имеют.

Ссылки в статье, обзоре, сообщении или рецензии **двух видов**.

Первый вид — *подстрочные*: ссылки / сноски *только* на архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа; они оформляются автоматически со сквозной постраничной нумерацией; фамилии авторов выделяются *курсивом*, кегель 11, через 1 интервал.

Второй вид — *внутритекстовые* ссылки: на издания из «Списка источников». В квадратных скобках указывается [фамилия автора] (без инициалов), далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия (:), страница. Если у источника два автора, то фамилии указываются через запятую.

Различные варианты оформления библиографических сносok / ссылок можно посмотреть на сайте журнала в разделе «Правила публикации», далее — «Образцы оформления».

Библиографическое описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- переносы в тексте только автоматические;
- при цитировании используются кавычки « » , при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- следует соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: Ctrl + Alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг.; С. 258—259.

3.2. Во втором файле материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

3.2.1. Отдельной строкой слева указывается тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.2. На следующей строке по центру — название публикации.

3.2.3. На следующей строке слева — фамилия, имя, отчество автора / авторов, ученая степень, ученое звание.

3.2.3. На следующей строке слева — наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.4. На следующей строке слева через запятую — адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (город и страна), электронный адрес автора / авторов (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.5. На следующей строке по ширине — аннотация объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.6. На следующей строке по ширине — ключевые слова (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.7. На следующей строке по ширине — (при необходимости) слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:»).

3.2.8. На следующей строке слева *на английском языке* тип публикации — научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, редакторская заметка, рецензия на книгу, рецензия на статью, спектакль и т. п.

3.2.9. На следующей строке по центру — *на английском языке* название публикации.

3.2.10. На следующей строке слева — *на английском языке* имя и фамилия автора / авторов, ученая степень, ученое звание (имя и фамилию автора / авторов приводят полностью, отчество сокращают до одной буквы; в отдельных случаях, обусловленных особенностями перевода, — до двух букв). Англоязычное написание фамилии и имени следует приводить в форме, которую автор публикации ранее сам прописал в международных индексах цитирования или которую использует чаще всего.

3.2.11. На следующей строке слева — *на английском языке* наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор / авторы (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.).

3.2.12. На следующей строке слева — *на английском языке* через запятую адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает / работают или учится / учатся автор /

авторы (город и страна); электронный адрес автора (e-mail), открытый идентификатор ученого / ученых (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

3.2.13. На следующей строке по ширине — *на английском языке* аннотация (Abstract) объемом 200—250 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы.

3.2.14. На следующей строке по ширине — *на английском языке* ключевые слова (Keywords:) (10—15 слов), которые должны отражать предметную, терминологическую область публикации (не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты).

3.2.15. На следующей строке по ширине — (при необходимости) *на английском языке* слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке публикации, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации материала, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья (эти сведения приводятся с предшествующим словом «Acknowledgments:»).

3.2.16. На следующей строке по центру — **Список источников**.

Описание цитируемых документов / литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

«Список источников» включает только использованную литературу и формируется по алфавитному принципу. Сначала идут работы на русском языке, затем — на иностранных. Для переводных изданий необходимо указывать авторов переводов. В выходных сведениях для книг обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует. В «Список источников» не включаются архивы, информационные или небольшие материалы газет и интернет-сайтов, не содержащие глубокого аналитического анализа. На все подобные источники делаются постраничные сноски в тексте статьи.

3.2.17. На следующей строке по центру **References**.

Список «References» (латинизированный список) оформляется в соответствии с Harvard referencing guide и содержит все публикации «Списка источников» в латинизированной форме, расположенные по латинскому алфавиту. Транслитерация изданий в «References» выполняется в системе, принятой Библиотекой Конгресса США (Library of Congress; LG). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <https://translit.ru/ru/lc/> или www.convertcyrillic.com/Convert.aspx.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— в транслитерации курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации,

— в [квадратных скобках] — перевод работы на английский язык,

— издательство в транслитерации,

— место издания в переводе на английский язык,

— страна в переводе на английский язык;

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— в переводе на английский язык фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в переводе на английский язык в кавычках (‘ ’)

— в транслитерации курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в [квадратных скобках] — перевод на английский язык названия журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

— в транслитерации издательство для сборников статей, материалов конференций, глав из книг,

— место издания в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна в переводе на английский язык для сборников статей, материалов конференций или книги,

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или книге.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в «Списке источников» и в «References».

Для латинизированных источников в «References» через запятую (,) следующий порядок расположения элементов:

для книг, диссертаций, авторефератов диссертаций:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— курсивом название книги, диссертации, автореферата диссертации;

— издательство, кроме диссертаций и авторефератов диссертаций,

— место издания,

— страна (для США при необходимости указание штата);

для статей в журналах, в сборниках статей, сборниках материалов конференций или глав в книгах:

— фамилия, инициалы автора(ов) (в скобках год издания),

— название статьи в журнале, сборнике материалов конференции или главы в книге в кавычках (‘ ’),

— курсивом название журнала, сборника статей, сборника материалов конференции или книги,

—издательство для сборников статей, материалов конференций или книги,

—место издания для сборников статей, материалов конференций или книги,

— страна (для США при необходимости указание штата),

— после двоеточия (:) указание диапазона страниц статьи в журнале, сборнике статей, сборнике материалов конференции или главы в книге.

Если цитируемая статья имеет DOI (Digital Object Identifier), необходимо указывать его как завершение описания.

В «References» порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления ссылок, «Списка источников» и «References» приводятся на сайте журнала.

4. Не допускаются к публикации в журнале «Интеллигенция и мир» тексты, если:

— содержат ранее опубликованный материал;

— имеют оригинальность текста при проверке на антиплагиат менее 75 %;

— представлены без соблюдения правил оформления публикации;

— представляют собой отдельные этапы незавершенных исследований;

— авторы отказываются от технической доработки публикации;

— авторы не выполняют конструктивные замечания рецензентов или аргументировано не опровергают их.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей без ущерба для их содержания и авторского стиля.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2022. № 3

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Э. В. Кромер*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 15.09.2022 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 123. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. **E-mail:** int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. **E-mail:** publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

Представлены
основные направления
интеллигентоведения

Роль
в современном
обществе

Сущностные
черты

*Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР